

РЕШЕТОВСКИЕ ВСТРЕЧИ

АЛЬМАНАХ

№ 2

БЕРЕЗНИКИ 2012

«ЕДИНСТВО В СВОБОДЕ
ПО ЗАКОНУ ЛЮБВИ»

Издание осуществлено при поддержке
администрации города Березники Пермского края

Главный редактор – Татьяна Соколова

Редакционная коллегия:

Анатолий Гребнев
Александр Фуфлыгин
Светлана Муксинова
Юрий Калашников
Вера Смородинова

©АНО «Пермский литературный центр», 2012

У кого бы из творцов слова ни доводилось в последнее время спрашивать о личном отношении к термину «трафарет», ответу обязательно предшествовала некоторая задумчивость, а потом уже, не очень уверенная, но явно негативная трактовка – нечто шаблонное, совершенно не творческое, скучное, презрительное. Кажется, всё так и есть. Вот разве что интересен прямой перевод с итальянского (traforetto – продырявленная вещь).

И всё-таки чем, как не трафаретом, по большому счёту (и чем дальше, тем больше), является наша жизнь, в условиях (в трафаретах) которой мы можем, конечно, быть и творцами, но ведь до определённых границ? Конечно, теперь всяческие границы уничтожаются, в том числе и духовные. Но есть ли гарантия, что вместо уничтожаемых не возводятся другие, более жёсткие, которых мы, в эйфории наших творческих амбиций, замечать элементарно не способны?

О том, что это именно так, говорится и пишется много, но как-то абстрактно и вроде как давным-давно за всех нас решённо. Тогда как на деле выглядит наоборот. Человеческие желания остаются, в большинстве своём, консервативны и по-хорошему трафаретны. Из двухсот авторов, приславших свои тексты в альманах «Решетовские встречи», сто девяносто девять пишут о любви, причём не только к себе; почти столько же – о преданности, вере и надежде. О, конечно, и о свободе! Но не намного меньше и о грусти по потерянным единству и верности другу, памяти, идеалам. Именно они, авторы альманаха – школьник, студент, учитель, врач, рабочий, профессиональный писатель, пенсионер – формируют его идеологию. Редакционная коллегия лишь отбирает тексты по литературному качеству.

Именно на этом принципе единства в свободе по закону любви, сформулированном Алексеем Степановичем Хомяковым, выстроен (а скорее, сам собою выстроился, из естественного тяготения к нему авторов альманаха) стихотворный ряд от ясного «Светлого ангела» Марианны Шалимовой до трагически напряжённой «Нави» Дмитрия Бутко.

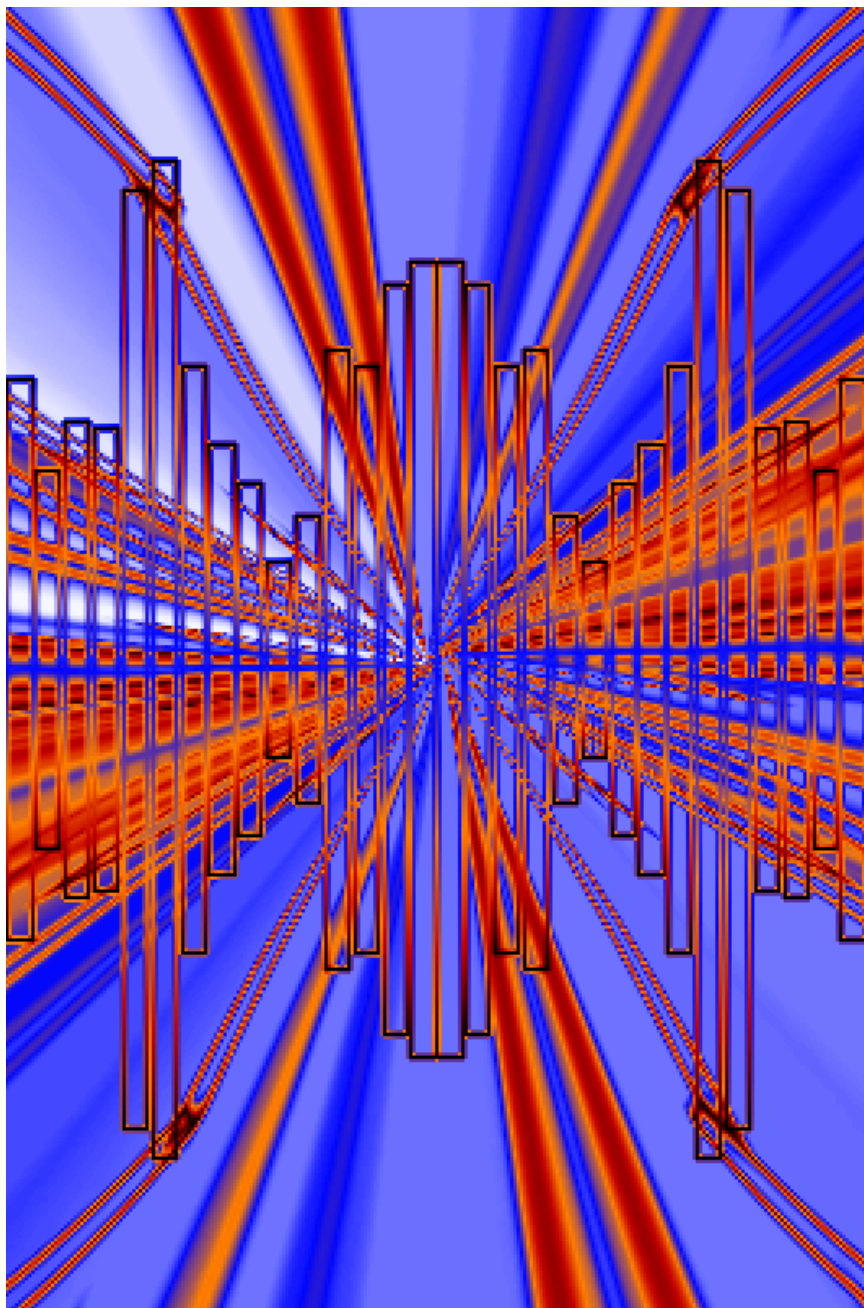
В разделе прозы свободы даже больше (а любви, безусловно, не меньше), чем в поэзии. Юная, но очень серьёзная Калиса Пешина рассказывает о последних минутах Михаила Лермонтова, передавая при этом его разговор с далёким предком Томасом Лермонтом. Фрагмент психологического романа студентки Марианны Шалимовой «Фармагория» сменяется блестящей (в стиле джазовых импровизаций) прозой Дмитрия Ценёва о Березниках 1990-х. А за ней – традиционное и не менее драматическое повествование Софии Зириной о случае в уральской деревне 1950-х. Школьницы-старшеклассницы, каждая по-своему, предоставляют читателю увиденный ими мир – Ирина Лис из Березников – современный вариант «Чёрной курицы» в сказке «Перо Чёрного Лебедя», Мария Гринкевич из села Завод-Кын Лысьвенского района – в волшебной простоте рассказе «Встреча», а Юлия Степанова из Перми – в характерных для неё импрессионистских зарисовках на городские и деревенские темы.

Неоднозначно разнообразные по художественному уровню тексты раздела эссеистики подкупают своей свободной, без оглядок, искренностью, верностью традиции, открытой дискуссионностью и объединены единством темы: любви – к детям, природе, семье, близким людям, между юными влюблёнными. Эта самая всеми любимая и вечная тема в последние годы получила настолько порой неадекватное толкование, что редакционная коллегия предполагает в № 3 альманаха «Решетовские встречи» провести дискуссию «О любви... не говорят?» и приглашает к участию в ней уже состоявшихся и будущих авторов альманаха.

Татьяна Соколова

ПОЭЗИЯ

ГАРМОНИЯ

Марианна ШАЛИМОВА

СВЕТЛЫЙ АНГЕЛ

Все мы верили в ложь, словно дети,
И в страдании не было сил.
«Что ты ищешь на этой планете?» –
Меня Ангел с улыбкой спросил.

И желала гордыня отмщенья
За страданья! Но, после всего,
Светлый Ангел, в своем воплощенье
Я давно не ищу ничего.

В этот мир я пришла самовольно,
Гордый дух в пелене чёрных крыл!
Слишком просто, когда слишком больно
Ждать того, кто бы вечно любил...

И к чему? Счастья ищет наивно
И растёт, и седеет дитя,
И кричит, и поёт ему дивно –
И в могилу сойдёт, не найдя...

Среди боли, мучений, обмана,
Светлый Ангел, я знаю ответ!
Светлый Ангел, я лучше не стану
В этой битве за то, чего нет.

Анастасия ПЕТРОВА

Я ВЗРОСЛЕЮ

* * *

Я взрослею. Я понемножку учусь понимать,
 почему мама плакала, укладывая нас спать
 и глядя в непобеленый потолок
 чужой квартиры, и подсчитывая, что почти истёк
 срок оплаты счетов.
 Мама почти не думала про любовь.
 Я взрослею. Жду от возвращающегося мужа не цветов,
 а денег на новые сапоги и хлеб насущный,
 и не болтаю полночи с подругой-москвичкой о текущем,
 и влюблённости в собственное отражение в зрачках,
 и о прочих «увы» и «ах».
 Я вообще не болтаю, а говорю исключительно о делах
 или о взрослеющих сыновьях.
 Мама звонит и говорит, что у нее опять приступ.
 Кажется, что все несчастные случаи ложатся всё ближе, так близко!
 Зацепляя уже не полужнакомых, а почти друзей.
 Ощущение ковровой бомбардировки от происходящего в стране.
 Скоро кого-то родного поставят к стене
 И скажут «Цельсь!»
 Мама звонит и рассказывает о работе и нехватке денег,
 а я кручу в голове: «Усталая моя и бедненькая,
 я за тебя боюсь сейчас почти так же, как ты за меня,
 кажется, тысячелетия назад».
 Или около этих дат.
 Я взрослею – начинаю принимать родителей
 как выросших и непослушных детей,
 которые огорчают, но которые всё равно всех родней
 на весь остаток будних дней,
 и вербных воскресений, и субботних теней.
 Я пытаюсь их укрыть зонтиком от падающих бомб –
 усталости, неуверенности в себе и в другом,

А они сидят на диване рядком
 И смотрят в бормочущий телевизор,
 И не зная, насколько происходящее там – близко...
 Иногда мне кажется, что достаточно просто закрыть глаза и загадать,
 чтобы никто из близких и не вздумал ещё пару веков умирать.
 Чтобы у мамы сердце стучало размеренно и уверенно,
 чтобы сестра выносила беременность,
 чтобы племянницу не положили на операцию на поджелудочной,
 чтобы бабушке стало лучше,
 А бабушка позвонила и сказала: «Подумаешь, рак.
 От него ведь не умирают, разве не так?»
 Но дедушки уже нет, но бабушки нет уже десять лет с половиной,
 и я просыпаюсь от осознания своего бессилия.
 Я пока ещё только взрослею, я недостаточно взрослая,
 чтобы увериться окончательно, что многое попусту,
 чтобы и вовсе не верить в глупости и чудеса,
 и я обещаю своим дочерям и своим сыновьям,
 что когда они вырастут и повзрослеют,
 кто-то придумает таблетку от смерти
 и порошок от старости...
 Они меня обнимают и спрашивают:
 «Мама, от чего ты устала так?»...
 От того, что я выросла и теперь взрослею.
 И боюсь, что к таблетке от смерти
 моя мама уже не успеет.

ПЕНЕЛОПА

Жди, Пенелопа, жди да радуйся,
 Сама не зная, на чего и как..
 Нутряным зрением – случайного паруса,
 Сбитым дыханием – рыка собак,
 Стикс охраняющих, но не кормленных
 Ждущих кормчего, гложущих кость...
 Да борись с горловыми комьями,
 Чтобы выпало, чтоб срослось.

Жди, Пенелопа, пряди да прячься,
 Не разбирай, где юг, где запад...
 Катушек ниток на зиму напрясть бы,
 Да насолить, накрутить, настряпать.
 Чтоб дом ждал тоже – полная чаша,
 Гости гостями, семья – семьёй...
 Скрипят ворота – «Не наши, не наши...»
 Стучится путник – «Не мой, не мой».

Жди, Пенелопа. Воздастся сторицей –
 Вольёшься под кожу, вожмёшься в плечо.
 Жди, Пенелопа. В виске заходится
 Гулко и быстро, легко, горячо.
 Нет, обозналась...
 А может, всё ж таки?
 Лижешься в руки, кидаешься в стопы –
 Но, не предавая своей Итаки,
 Жди, как собака.
 Жди, Пенелопа.

СУДЬБА

ДОРОГА ДОМОЙ

Из лета в промозглую осень
 Везёт нас усталый вагон.
 Вдоль пашен, берёзок и сосен
 Спешит на родимый перрон.

Назад от морского прибоя,
 От длинной песчаной косы,
 От трав, пожелтевших от зноя
 Без утренней свежей росы.

Домой, под уральское небо,
 Под своды прикамской земли,
 Где гнутся колосья от хлеба
 И крик подают журавли.

В края, где безбрежная Кама
 Ласкает волной берега,
 Где детства тропинка и мама
 Не спит в ожиданье звонка...

* * *

Судьба – не ласковая дева,
 Что можно пряником завлечь.
 Она царит, как королева,
 В руках сжимая щит и меч.

Захочет – станешь ты богатым,
 А не захочет – бедняком.
 Решит – родишься глуповатым
 Или прославишься умом.

Вообразит – и ты калека,
А передумает – здоров.
И так меняет человека
На протяжении веков.

Не убежишь и не обманешь –
Раскроет заговор любой.
Коль жить спокойно пожелаешь –
Не стоит ссориться с судьбой.

Тому подаст благоволение,
Кто принял путь предназначенья...

Карина ИБРАГИМОВА

НАМ МОЛОДОСТЬ – ИМЯ

МОЛОДОСТЬ

Мы ждали. Мы – там, под осколками крыш –
О, это горячее страшное лето! –
С небес соскользнули и бросились в тишь,
В чужие и злые закаты-рассветы.

Мы плакали, слёзы впечатав в кулак,
Хватаясь за поручни – прыгай, товарищ!
Тебе остановка (синонимом) – мрак,
А бегство от старого – жаркое знамя.

Мы – там, с площадей! Мы – сквозь окна и рвы,
В огонь прорываясь, сгораем и гибнем –
И вновь воскресаем. Взрывается пыль:
Нам гордость – порука,
Нам молодость – имя.

Мы – ненависть! Порохом выбьются сны,
Любви и страданья солёная тина,
И будет – покой. Без чужой тишины,
Что скоро погибнет не с нами, а с ними.

Мы ждали. Мы сыпали ночь в жернова,
Пускай перемелется – вырвав колёса!
Что значат теперь молодые слова,
Когда их питает столикая осень?

Мы – пепел. Мы – горечь, мы зелье из книг,
Мы – хмель, разжигающий новые вина...
Оставьте нам этот последний родник!
Последнее слово:
Нам – Молодость имя.

НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ

Не стоит помнить и страдать,
И вяло путать перекрёстки,
Где суффиксов сухая рать
Стирается забвеньем плоским.

Не возвращайтесь до поры –
Холодной, зимней, обветшалою, –
Здесь вам не рады. И порыв
Заменится на злую жалость.

Да хоть бы жалость! Гул утих,
И я стою в полночной тине...
Не возвращайтесь и на миг
Откуда вышвырнуты были.

Не возвращайтесь! В горе – смерть,
В слезах – распяты, в сердце – омут,
Стихов чернеющий букет
Распался на пустую копоть.

Не возвращайтесь! В пустоте,
Хоть руки – ветки, губы – звёзды,
Мы все извечные «не те»,
И слишком поздно, поздно, поздно...

И слово выжжет изнутри
В ладонях хрупкую обиду...
Не возвращайтесь до зари.

Не возвращайтесь к позабытым.

ВСЁ КОНЧЕНО

Всё кончено. И веточка сирени
Засохнет в обезвоженном стакане,
И сердце потеряет оперенье,
И может быть, кому-то легче станет.

А море бьётся – гиблое – в заливы,
Солёной пеной падая на руки...
Но Боже мой! Откуда эти силы –
Не плакать от предчувствия разлуки?

Всё кончено. И снег, густой и плоский,
Кирпичной кладкой замурует небо,
И строчками польются отголоски...
Всё кончено.
Какая злая небыль!

* * *

По пологим холмам – и в горячую слякоть, –
Так, что пышет дождём кровеносная сетка, –
Я привыкла бросаться, как в реку, – и плакать,
И шутить над собою колюче и метко.

Я уже не вернусь: ведь сюда уходящий
Не глядит впопыхах на пустые ошибки,
И забудется старая комната, ящик
Потускневших стихов, что колючи и зыбки,

И улыбка чужая ненужным приветом
Проскользнёт по губам – и дыханье собьётся...
Я уже не вернусь: рассыпается лето
На дожди, на туман, на сентябрьское солнце.

Ксения ПЕТРАНЦОВА

ТЕАТР

*«Весь мир – театр,
И все мы в нём актёры».*
У. Шекспир

«Весь мир – театр, и все мы в нём актёры»,
Увы, так часто истина сия,
Своею правдой ослепляя взоры,
Открыть способна сущность бытия.

И днём, и ночью, каждую минуту,
На сцене чьей-то жизни постановка.
Но только репетиции не будет.
Импровизация. Слова без подготовки.

Любым словам, лишь было бы желанье,
Придать значение разное возможно.
Найдётся ли потом им оправданье?
Сказать – легко, а вот исправить – сложно.

Луиза ЛУК

Я ВЫТКАЛА ЛОТОС

ЧАСИКИ-ЧАСЫ

В поле – часики-часы.
Колыбелька для росы.
Для детей – игрушка.
А для пчёл – кормушка.
Яркие да алые,
Цвета небывалого.
Строго время берегут.
Наше детство – тут как тут.

Я ВЫТКАЛА ЛОТОС

Ты можешь смеяться,
Но я покорилась.
Ты думал – расстаться,
А сердце влюбилось.

Я выткала лотос
В нежнейшем касании.
Предчувствую голос
И вижу дыхание.

Открытая дверца –
Там слышится пение.
Каноны и меццо –
Звучит вдохновение.

Вибрируют струны
И таинством правят,
Слова наши юны –
Любовь нашу славят!

Галина ГАРЯЕВА

ЛЕТАТЬ УМЕЮ

НАВЕРНО, ВСЁ ЗАКОНОМЕРНО

Наверно, всё закономерно –
 Всему свой срок,
 И нет начала у Вселенной,
 И путь далёк...

Всё в свой черёд – и день, и вечер,
 Года – песок.
 Жизнь наконец подарит встречу –
 Всему свой срок...

Поделит жизнь на всех удачу
 И пьедестал...
 И будет так, а не иначе,
 Коль срок настал!

СОЛИКАМСК

Городок уездного масштаба
 С мелкою речушкой соляной,
 С куполами и крестами храмов,
 Улочек спокойной стариной.

Этих узких улочек плетенье
 И венчальный звон колоколов,
 Сквериков пустых уединенье
 Мне милее шумных городов.

Древний город, славный, величавый,
 Страж дороги в Пармские края,
 И куда судьба ни увела бы –
 Лишь к нему всегда стремилась я.

Манит красотой провинциальной
 Монастырских стен и глав церквей,
 Для меня он – город самый главный,
 Город малой родины моей!

ТЫ ЗНАЕШЬ, МИЛЫЙ, Я ЛЕТАТЬ УМЕЮ

Ты знаешь, милый, я летать умею:
 Над городом, над бытом, над судьбой...
 Летящею походкою своею
 Бегу из поликлиники домой.

Приёмы, консультации, больница...
 И так – годами! Где же всё успеть?
 Мелькают каруселью дни и лица...
 Вот и летаю – как тут не взлететь?

Распахиваю крыльями объятья,
 Взмываю над болезнью и бедой...
 И, веришь, интересней нет занятия –
 Взмахнув крылом, подняться над собой,
 Над буднями, уныньем, суетою
 Летать – не наяву, так хоть во сне!
 Не веришь? Мы когда-нибудь – с тобою –
 К крылу крыло взлетим! Ты веришь мне?

КАКИЕ КРАСКИ В ПРЕДЗАКАТНЫЙ ЧАС!

Какие краски в предзакатный час –
 Палитра нежно-розового цвета!
 И кажется – позирует планета
 Чудесному художнику сейчас!

Какие краски в небе – волшебство!
 Я, от восторга замерев, – внимаю!

От красоты немея, понимаю
Всю хрупкость и величие – всего...

И мимолётных красок угасанье,
Как от улыбки к грусти переход, –
Лишь в краткий миг природа нам даёт
Прозрение, покой и покаянье..

Ах, что за небо в предзакатный час –
В палитре нежно-розового цвета!
И кажется – позирует планета
Чудесному художнику сейчас...

НАБУХАЮТ СНОВА ПОЧКИ

Набухают снова почки –
Вновь тепло, на удивленье,
Распускаются листочки
Вопреки дождям осенним.

Снова травка молодая
На пригорках зеленеет,
Южный ветер, налетая,
Мне надеждой сердце греет.

ТАК РАНО ЛИСТЬЯ ПОЖЕЛТЕЛИ

Так рано листья пожелтели –
Сдаётся август сентябрю...
Как рано листья полетели!
Кружатся жёлтые метели
Над головой моей... Ловлю
Я вихри жёлтые руками –
Пытаюсь август удержать,
Вслед за летящими листьями,

Заполнив паузы словами,
Молю я осень подождать...

Сменив зелёные одежды,
Желтеет лес – то здесь, то там;
Уж ничего не будет прежним,
Кружатся листья, как надежды,
Летят – и падают к ногам...

Тревожит август листопадом,
И светлой грусти не унять,
Я провожаю листья взглядом,
А мне – до осени бы надо
Себя в той осени понять...

НЕПОГОДА

Циклон. Непогода.

Дожди и дожди,
И серое небо ветрами размыто,
Дома, как слоны, к водопою дошли
И молча бредут над водою как будто.

И я – меж домов, под дождём,
под зонтом,
Отрадны душе свежесть ветра
и сырость!
Я слушаю дождь, все заботы – потом,
И дождь принимаю
как Божию милость!

Приветствую ветер, грозы непокой,
И ритмы дождя,
что смывают усталость,
И душу бодрят, и зовут за собой –
Туда, где печалей и бед не осталось!

КАК МНОГО РЯБИНЫ!

Как много рябины!
 К разлуке примета,
 К туманам осенним,
 Дождям затяжным...
 Пылают рябины,
 Проносится лето.
 Не время, не время
 Надеждам моим...

Тяжёлые гроздья
 Лишь слаще в морозы,
 Рябиновых ягод
 Пьянящий коктейль –
 В нём терпкая горечь,
 Восторги и слёзы –
 Рябиновый вкус
 наших дней и ночей...

Как много рябины!
 Кончается лето,
 Повсюду пылают
 Рябины костры...
 Я знаю, любимый:
 Мы встретимся где-то,
 Расставшись сейчас –
 До поры, до поры...

ДАВАЙ УЕДЕМ К МОРЮ ЭТИМ ЛЕТОМ

Давай уедем к морю этим летом,
 Или не к морю –
 к соснам, всё равно!
 В купе, согласно купленным билетам,
 На провожающих засмотримся в окно,

Оставим городу свои тревоги,
 Упрятав их подальше, как багаж,
 И налегке отправимся в дорогу,
 И мир знакомый снова будет наш.

За стенами вагона вперемишку
 Вокзалы, полустанки, провода
 Вдаль побегут, и будем мы с усмешкой
 Смотреть друг другу в смелые глаза.

Так хороша и так длинна дорога...
 В купе – то смех, то музыка, то чай...
 В пустыню, к морю, к соснам, ради Бога,
 Куда угодно – вместе! Выбирай.

ЛЮБИМЫЙ МОЙ, МУЧИТЕЛЬ МОЙ

Любимый мой, мучитель мой!
 Сквозь слёзы робко улыбнусь,
 Презрев обиды и покой,
 Я всё равно к тебе тянусь!
 Ты – наважденье! Устремляюсь
 К тебе и время тороплю,
 И, дотянувшись, разбиваюсь
 О независимость твою!

Душа, как сбитая коленка,
 Саднит и поет так – хоть плачь!
 А ты спокоен словно стенка,
 Хороший мой, ты – мой палач!

Нужна! И радость душу греет,
 И все невзгоды – по плечу!
 Любимый, я тобой болею,
 Но исцеляться не хочу!

Елена ЖУРОВА

УТРО

Растворимый кофе или чай –
 Вот и снова наступило утро.
 Я своей хандре скажу: «Прощай!» –
 Мне расстаться с ней теперь не трудно.

Утро...И душа моя чиста –
 Боль в ней растворилась без остатка.
 Начинаю с чистого листа
 Новый день. И новую тетрадку.

Ирина КИЯШКО

ДЕРЕВЯННЫЕ СОЛДАТЫ

ДЕРЕВЯННЫЕ СОЛДАТЫ

В ожидании расплаты
 Наш фрегат идёт ко дну:
 Деревянные солдаты
 Захватили всю страну,
 Враз почувявшие силу
 И вошедшие во вкус.
 Деревянному дебилу
 Выше Бога – Урфин Джюс!

Гладко выбриты затылки,
 Как отличия значки,
 Вместо совести – опилки,
 Вместо доблести – сучки.
 Мимо дома, мимо храма –
 По сердцам, как по траве,
 Вместо разума – программа
 В деревянной голове.

Что там пули или бомбы –
 Круче выдумал злодей:
 Ужас в том, что эти зомби
 Так похожи на людей!
 Но, свергая быль и небыль,
 Всё свершится в свой черёд –
 И горит закат в полнеба,
 Намекая на исход!..

ЗАПОВЕДЬ

...Берёз облетевшие кости
 Покоя душе не дают.

Растерзанный храм на погосте –
 Извечный вороний приют.
 Взмывают, как племя людское,
 По небу крылом волочась!..
 Но сколь ни проси о покое –
 Не выпросишь даже на час...

Отринув тоску суеверий,
 Предстанет душа неглиже.
 Чему-то не хочется верить,
 Во что-то – не можешь уже...
 Души неприкаянный остров
 Лежит на скрещенье дорог,
 Но Богу поверить непросто,
 Коль верой уже пренебрёг...

Насытив несметную жажду,
 Свободы испив благодать,
 Ты страхи отринешь однажды,
 Устав и бояться, и ждать, –
 И снова отпустишь с рассветом
 Гулять по великой Руси
 Нетленную заповедь эту:
 Не бойся, не верь, не проси!

МОНОЛОГ КАССАНДРЫ

На грязной паперти заплакало дитя,
 Ожесточённое сарказмами злословья...
 Любые двери отпираются шутя,
 Любые звери подступают к изголовью.

Любой на паперти безмерно одинок
 И безысходен, как отшибленная память.
 Не надо почестей на лавровый венок,
 Но дайте зоркости понять, что он с шипами!..

Любые мерзости для сердца не важны,
 Любые дерзости – простая неизбежность.
 Прощайте, резвые, вы были столь нежны,
 Что эти шрамы мне милей, чем ваша нежность!..

Любой бездарный и бессмысленный курьёз
 Зрочки предвиденья прочтут в одно касанье.
 Когда Кассандру не восприняли всерьёз,
 Она отнюдь не перестала быть Кассандрой –

Но стали суетно бесплодны годы те,
 И Троя сгнула увядшим базиликом...
 Приходит время позабыть о суете,
 Приходит время поразмыслить о великом –

И вновь, глашатаи вселенских новостей,
 Стекают звёзды с гулкой глади небосвода.
 Так будем праздновать свободу всех мастей,
 Ведь что дороже человеку, чем свобода!..

Сергей КОЧЕТКОВ

МАЛЕНЬКИЙ СКВЕР

* * *

Уж не счесть обнажившихся веток
 В твоём царстве, мой маленький сквер.
 Вот и всё, вот и кончилось лето,
 И тебе не до светских манер.

Загрустил, на себя не похожий,
 Робко, будто совсем невзначай,
 На зонты и на плечи прохожих
 Виновато роняешь печаль.

Я гляжу на тебя – слёз не спрятать,
 И не справиться с осенью нам,
 А давай мы поделим и слякоть,
 И печаль на двоих, пополам.

Ты свою половинку обманом
 Уведёшь в зимний сон налегке.
 Я свою – рассую по карманам,
 Что не влезет, зажму в кулаке.

В белый снег занесённой тропинки
 Звёздной ночью, седым январём
 Ты – свою, я – свою половинки
 Золотым листопадом швырнём.

Владимир МАЙОРОВ

ОЖИДАНИЕ

О, как тебя увидеть надо мне!
 А ты всё ходишь по морям, сынок,
 И, видно, главное ещё не найдено,
 Коль манит даль морских дорог.

И, видно, ждать не год, не два ещё.
 Себе судьбу избрав искателя,
 Уходит сын, тревог не знающий,
 Тревоги все оставив матери.

И смотрит с болью на дорогу мать,
 Однажды сына отпустив по ней,
 Глаз не сомкнёт и будет ждать, –
 А ждать с годами всё трудней.

Галина МАРИНОВА

ИЮНЬ

ИЮНЬ

Речная «лилия» – кувшинка –
 Плывёт, качаясь, по реке.
 Играет стёртая пластинка
 О том, что милый вдалеке.

Девчонка, тоньше камышинки,
 Той грустной песне вопреки,
 Бежит-бежит лесной тропинкой
 С собакой наперегонки.

Девчонка, тоньше камышинки,
 Рукой от солнца заслонясь,
 Сорвать пытается кувшинки,
 Смеётся власть, смеётся власть.

В траве повисли паутинки,
 И коршун реет в облаках.
 Мелькают ямочки-смешинки
 На пухлых девичьих щеках.

Стряхнула капельки-росинки
 Собака в розовую пасть.
 Стоит июнь. И у тропинки,
 Глянь, земляника налилась.

* * *

И надо ж такому случиться
 Со мной наяву, не во сне:
 Летящая в прошлое птица
 Опять возвратилась ко мне.

Всё в мире осталось как прежде,
 Всё те же закат и рассвет,
 И губы по-прежнему нежны...
 Мы вместе, а радости нет.

Любовь уносилась рекою,
 И в прошлое нет нам пути.
 Напрасно хотели с тобою
 Мы снова в ту реку войти

Надежда ПОЧУЙКО

РАЗВЕДИ НАС, БЕЛАЯ БЕРЁЗА

Разведи нас, белая берёза!
 Я не в силах больше так страдать.
 Каждый день я лью в подушку слёзы,
 Каждый день хочу я убежать.

Разведи нас, будь ко мне добрее,
 Разведи нас нежною листвою.
 Посмотри! Ведь крест висит на шее,
 Я чиста пред Богом и тобой.

Разведи нас, нет пути иного,
 Нам с любовью рядом не идти.
 Мне не нужно ничего другого,
 Нам вдвоём от боли не уйти.

Разведи нас, он забудет вскоре,
 Помоги нам сделать первый шаг.
 Для кого-то счастье – это горе,
 Для кого-то счастье – лишь пустяк!

Разведи нас, белая берёза!
 И свою мне силу подари.
 Чтоб исчезли на подушке слёзы,
 Чтоб спала спокойно до зари.

София ЗИРИНА

ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

МАЙСКОЕ УТРО

Проснусь на рассвете от птичьего пенья.
 Так хочется жить в это утро весеннее!
 Окно распахну, и лицо обласкает
 Шалун-ветерок, вестник тёплого мая.
 И первый подснежник, и запах сирени,
 И яблони цвет создают настроенье,
 И купол прозрачный лазурных небес,
 И песня ручья, и проснувшийся лес,
 И первые грозы, и трель соловья..
 Ликуют весною душа и земля!

* * *

Ночь упала на город.
 Гаснет в окнах огонь.
 И снежинкою холод
 Мне ложится в ладонь.

Снег порхает, искрится,
 Засыпает дома.
 Словно белая птица,
 Кружит в небе зима.

Леонид ОЛЮНИН

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

СОРОКА

– Эй, сорока! Что ты хочешь?
 Что ты под окном стрекочешь?
 – Нет зимою соловья,
 За него стараюсь я.

* * *

Спорить любит дурачок.
 Умный – зубы на крючок,
 Так как он боится
 В споре ошибиться.

* * *

Кто по-крупному ворует,
 Тот живёт и не бедует.
 Кто по-мелкому гребёт,
 Тот на шконку попадёт.

* * *

Смерть не заболтаешь,
 Не подкупишь,
 Только красноречие
 Затупишь.

Антонида СУББОТИНА

СУЕТА СУЕТ

* * *

Суета сует застит белый свет
 Бесконечно.
 Но печаль-тоска, хоть и бьёт с носка,
 Не навечно.
 Время – лекарь, врач. Не стони, не плачь –
 Оснований нет.
 А печаль-тоска, хоть и бьёт с носка, –
 Суета сует.

* * *

Кого винить? Наверное – года.
 Безжалостно морщинки прибавляются.
 Сказать помягче – я немолода.
 Тихонько все надежды испаряются.
 Всё надо делать вовремя и в срок,
 А не латать прорехи и пробоины.
 Зачем пытаться перейти порог,
 Надёжно нашим возрастом построенный?
 Сомнений нет, и будущего нет,
 Где мы с тобой немножечко влюблённые.
 Лечу на свет, сама лечу на свет,
 Опять расправив крылья опалённые.

* * *

Звёзды падают беззвучно,
 Умирая в темноте.
 Всё безрадостно и скучно.
 Всё не то, и все – не те.

* * *

За окном глухая полночь. Снег летит.
Громко тикает будильник – он не спит.
На столе стоит, на самом
на краю.
По секунде забирает жизнь мою.

Юрий СМИРНОВ

ДОВЕРИМСЯ НАДЕЖДЕ

СКАЖИ-КА, ДЯДЯ...

Кошу отаву дедовской литовкой.
Прохладно, и работается легче.
С душой кошу, умеючи и ловко.
Звон колокольный слышу издалече.

Частица отчины – Никольский храм,
Стоявший в запустении полвека, –
Прохожего встречает человека
Речитативом медным по утрам.

Я, послуживший, поклоняюсь предкам –
Преданиям седым, былинным, старым,
И рад, что вспоминается нередко –
Строка: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром?...»

Я бремя прошлого безропотно несу,
И тяжкое, безвременное время
И шпорой медною звенит о стремя,
И камнем-оселочком о косу...

А знаменитый ныне Воронихин,
Запечатлевший в камне предков славу,
Умеючи и ловко утром тихим
Здесь отроком, как я, косил отаву.

А ДАВАЙ?..

А давай начнём сначала,
В жизни долгой – жизни мало.
Часто нам с тобой случалось
Жить под общим одеялом.

А давай начнем по новой.
 На билеты собирая
 В жизни мелочной, грошовой,
 Лишь в один конец – до рая.

А давай дождёмся ночи,
 Стрелки тянутся – калеки.
 Я влюбленный, между прочим,
 Ну а ты?.. Давай навеки.

А давай опять, как прежде,
 Возраженья предваряя,
 И доверимся надежде,
 И откажемся от рая...

Дмитрий БУТКО

НАВЬ

За плечами – мечи. За мечами – наш дом.
 Впереди – чужаки, на конях, не с добром
 Несть числа табунам, задушившим поля...
 Мы стоим на земле.

Это наша земля.

Мы стоим в тишине, по колено в росе,
 Поутру по колено в крови будем все.
 Бурой раной – рассвет. Мы стоим и молчим...
 Пахнет сталью. Так смертью потеют мечи.

Сшиблись в поле с утра. Скоро солнце зайдёт.
 Даже мёртвые, падаем только вперёд.
 Нас звенящая алая ярость несёт,
 Рубим веером жала калёные влёт.

Красным плещет в лицо, выдох хрипом на шаг.
 Прочь щиты!

В топоры!

Вперехлест,

внедотяг.

Глохнем в лязге мечей и гремящих атак,
 Ни на пядь отойти мы не можем никак.

Ни на шаг,

ни на взгляд,

ни на трепет ресниц...

Время выбелит кости у старых границ,
 Прорастёт ковылём сквозь провалы глазниц,
 Помнят нас только крылья далёких зарниц.

Мы лежим среди прошлым затёртых страниц...
 Ни на шаг! Ни имён, ни преданий, ни лиц.

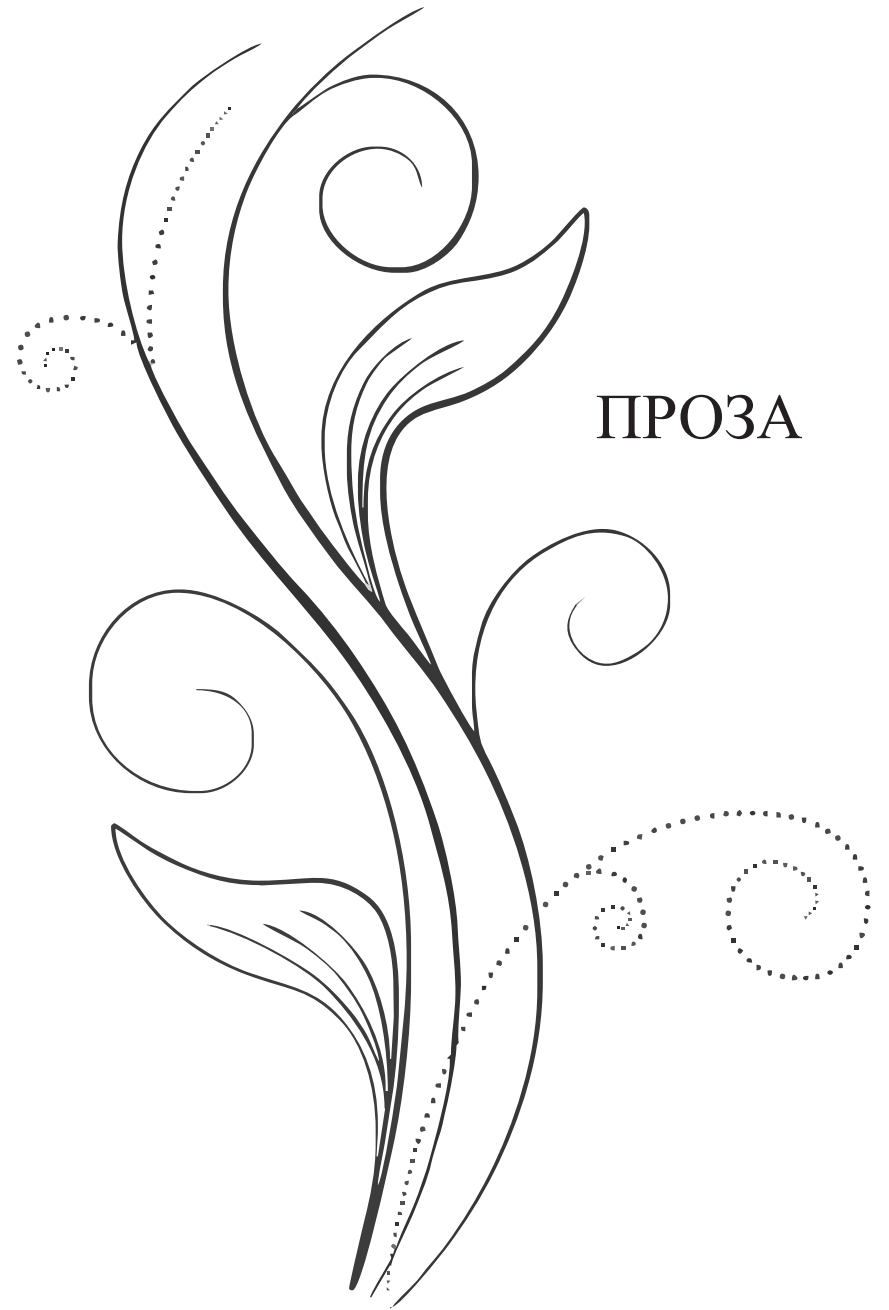
СИМУРАН И ТАНЦОВЩИЦА

Я смотрю в тебя, как в пламя,
Унося в глазах твой облик,
Звёзды плавают в кувшине,
Задремавшем на окне.
Тени ночь одели тканью,
Закрепив луной на горле,
Облаков седые джинны
Чертят знаки на стене.

Тихо, робко, незаметно,
Без обиды и тревоги
Над землёй крадётся ветер,
Глядя гребнем шелест трав.
Спят открыто, беззаветно
Дети – маленькие Боги.
Колыбельную на флейте
Им играет старый фавн.

Я танцую танго с ночью
На паркете спящих маков,
Я лечу тропой видений
На бездонной глубине...
Подойдя к тебе наощупь
На пушистых хищных лапах,
Ткнушь лицом в твои колени,
Крылья сложив на спине.

Нет ни дьявола, ни Бога
В этой странной сказке лета.
Сны, летящие над нами,
Режут в кровь осколки слов.
А в глазах твоих – дорога
От земли уходит в небо.
Мы летим над облаками
В серых сумерках зрачков...

ПРОЗА

Калиса ПЕШНИНА

ИЮЛЬ. 1841г.

рассказ

Смерть, как придем, подержит мне стремя;
Слезу и сдёрну с лица я забрало.

Михаил Лермонтов, «Пленный рыцарь»

От свечи по стенам маленькой убогой комнаты метались бешеные чёрные тени. «Бесовской маскарад, – подумал Мишель. – Тогда всё и началось, или, вернее сказать, закончилось. В тот самый сумрачно-снежный зимний вечер, когда за одной из масок я разглядел свою судьбу...»

Тёмные силуэты уродливо изгибались, исчезая в полумраке убогой комнаты, и не разобрать было, какие из них действительно принадлежат людям.

«Тени, чёрные тени... они всегда были рядом, но никогда – так близко. Тьма сгущается, и в этот – третий – раз легко она меня не отпустит».

Их было двое. Один сидел за столом, вертел в руках старую трубку, то и дело порываясь закурить, но каждый раз останавливаясь. Другой стоял спиной к окну, опершись на стол, скрестив руки на груди.

– Зачем, Миша? – неуверенно, но всё же начал Томас¹. – Ещё слишком рано! Ты так много хотел сказать...

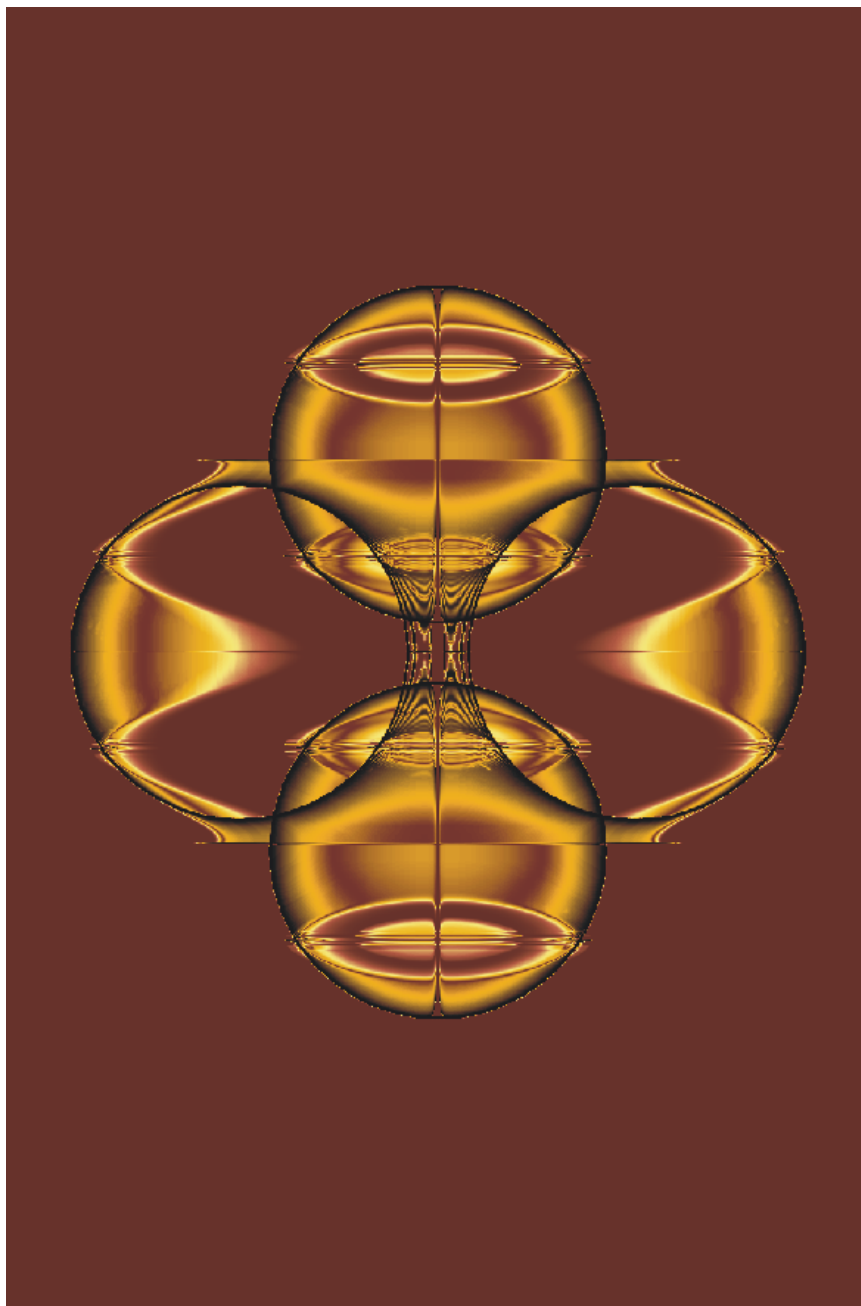
– Я устал, Том, – равнодушно откликнулся Мишель. Он ждал этого разговора. Он также знал, что этот разговор ни к чему не приведёт. – Устал, слышишь?

«Убегать от себя и прятаться, лгать и притворяться, забывать и вспоминать снова, бесконечно проверять себя на прочность, бесконечно что-то искать...»

Я, наверно, ошибся – родился не в своё время. А может, вообще не стоило появляться на свете? Здесь у меня нет будущего. В Петербург уже не вернуться, мне слишком явно дали это понять, а здесь... *умереть с пулей в груди стоит медленной агонии старика*². Не хочу сгнить в приграничной крепости. И если не получается под пулей горца, остаётся пуля товарища».

¹Томас Лермонт (Томас Рифмач, Честный Томас) – легендарный шотландский бард-пророк, считающийся основателем клана Лермонтов, предок гениального русского поэта.

²М. Лермонтов, письмо к М. А. Лопухиной (Петербург, ок. 15 октября 1832 г.)

СИММЕТРИЯ

– Как же все твои мысли, идеи, планы? – Томас предпринял ещё одну попытку, но Лермонтов только покачал головой:

– Я, к счастью, не последний на земле поэт, и на мне Золотой Век Руси не закончится. То, что я не успел, напишут без меня. А я сказал достаточно, чтобы меня услышали и запомнили.

– Как же, Миша, – шотландец использовал последний аргумент, – ты был влюблён...

– Влюблён? – Мишель горько усмехнулся. – Я люблю и сейчас, но знаешь, Томас, как ноет и разрывается грудь оттого, что милая глупо и бессмысленно губит свою душу?! Продаёт за бесценок тело? Нет, к чёрту, Томас, мою любовь... – Лермонтов отвернулся к окну.

«Четыре года... четыре года я не видел её! Я не могу ей даже писать! Её бестолковый муж сжигает все мои письма. Глупый ревнивец».

Да, я устал, Том... я хочу забыться. Мне наскучил этот свет, хочу увидеть тот, чёрт возьми! – Лермонтов бросил трубку на стол, неожиданно, так что Томас вздрогнул, обернулся к столу.

– Это дерзко и гордо. Ты молод, горяч, остынь! Ради чего тогда все твои жертвы? Умереть в двадцать шесть на потеху толпе глупцов?

Огонёк свечи испуганно трепетал, множа в углах скалящиеся тени. В этот тёмный предрассветный час отчаяние и безысходность неслышно наполняли комнату.

– Велика ли потеря, Том? – спокойно ответил Мишель. – Что им до меня?

– Ты уже всё решил? – Томас был мрачен.

– Я всю жизнь шёл в этот Пятигорск. Сквозь балы и казармы, через Чёрную речку и речку Смерти. За то счастье, что у меня было, я заплатил сполна. Да и что такое смерть? Поэты не знают её. Стихи лишены смерти. – Лермонтов посмотрел на толпящиеся вдалеке, убелённые утренним туманом, горы; жадно вдохнул свежий, влажный от росы воздух. – Кавказ в июле прекрасен как никогда...

Верстах в четырёх от Пятигорска, в стороне от дороги, кусты росли, образуя небольшую неровную площадку. Вечером 15 июля 1841 г. четыре молодых человека собрались там выяснять отношения.

– Где же они! Где твои секунданты?! – ярился Мартыш. Он метался из стороны в сторону, как загнанный зверь. Князь Васильчиков, вер-

тевший в руках пистолеты, пытался его успокоить. Глебов и Лермонтов стояли чуть поодаль, ближе к дороге.

– Ты удивительно спокоен, Мишель. Я поражаюсь твоей выдержке.

– Не хочу походить на эту... мартышку, – усмехнулся Лермонтов. – Да и было бы о чём переживать! Сейчас придут Монго и Трубецкой, и весь этот фарс закончится.

– Нет, Мишель, пойми! Я целую неделю ходил за ним по пятам, пытался отговорить, но он не хочет ничего слушать! Он серьёзен, Миша, он хочет тебя убить.

Лермонтов хотел ещё что-то возразить, но осёкся, взглянув другу в глаза. Они были полны волнения, беспокойства и... уверенности. «Он тоже знает, – вдруг подумал Лермонтов, но тут же отбросил эту мысль. – Нет, это чушь, откуда? Он всего лишь мальчик. Храбрый, добрый мальчик».

– Не вешай нос, Глебов! – Мишель всё-таки нашёл в себе силы улыбнуться. – Знаешь, я недавно получил письмо от бабушки. Как только закончим здесь, попрошусь в отставку. Мне уже двадцать шесть, пора заняться стоящим делом.

Он ещё продолжал что-то говорить, а небо темнело, и где-то вдалеке громыхало. То ли отзвук далёкого выстрела, то ли гром. Тёмно-лиловые тучи, набрякшие от готовой пролиться влаги, лениво сгущались над людьми. Надвигалась гроза.

Сверкнула молния, снова послышался тихий рокот. Духота в воздухе смешалась с влажностью предстоящего ливня. Наверное, только Мишель почувствовал его первые капли.

Очень быстро дождь разошёлся, плотная завеса воды отделила поляну от внешнего мира. Растрескавшаяся земля с жадностью впитывала долгожданную влагу. За несколько минут дорога превратилась в грязное месиво.

– Они не успеют, Миш, – сказал Глебов. – Нужно отложить дуэль, хотя бы пока не кончится гроза.

– Да... ты прав, они не успеют... – Лермонтов резко развернулся. – Полагаю, Монго и Серж появятся нескоро, – со странной обречённостью говорил он. – Им сюда не проехать, они, вероятно, дождутся окончания ливня. Но мы можем обойтись и без них, если кому-то хочется закончить это дело немедленно... Я к вашим услугам, Мартынов!

– Проклятый театрал! – прошипел Мартыш. – Он делает мне одолжение!! Да, чёрт побери, да, я хочу покончить с этим немедленно! – воскликнул он уже во весь голос. И на этот раз никто не стал его сдерживать.

– Что? – Глебов был изумлён. – Нет, нельзя проводить дуэль сейчас! Без секундантов, в дождь, как же все правила? – Он подошёл к Мишелю. – Что ты делаешь? Зачем? – В голосе расстроенной арфой дребезжало отчаяние.

– К чёрту правила! – В глазах поэта безумством сверкала отчаянная отвага. – Отмеряй барьер.

Кони бесновались, испуганные грозой. Дождь только приближался к поляне, но уже покрыл лица дуэлянтов мелкой изморосью.

– Ты готов, Мартынов? – Огромные, бездонно-чёрные глаза поэта внимательно изучали противника. Тот волновался, нервно сглатывал, руки дрожали.

– Ты первый. – От волнения голос Мартышки охрип. – Стреляй!! – Но Лермонтов продолжал стоять боком, заслоняясь правой рукой.

– Стреляйте же!! – не выдержал князь. Глебов молчал, умоляюще смотрел на Лермонтова, не опуская глаз.

– Вы в самом деле полагаете, что я стану стрелять в этого дурака? – Лермонтов вдруг опустил пистолет, непринуждённо обернулся к секундантам. – Ведь я же прихлопну его, как муху, не целясь!

Такой наглости Мартынов стерпеть не мог. Он пошёл вперёд, поднимая на ходу пистолет. Стрелял почти в упор, неумело, он ведь и вправду делал это только второй раз в жизни. Лермонтов успел обернуться и взглянуть убийце глаза, этот взгляд до самой смерти преследовал Мартынова в кошмарах. Этот взгляд и презрительная усмешка, навсегда застывшая на губах поэта. Лермонтов всегда знал, как это будет, он видел...

Видел, как изломанная молния расчертила небо, а раскат грома заглушил звук выстрела.

Видел, как пуля разрывает одежду, кожу, потом лёгкое, навывлет пробивает сердце. Жгучая, праведная кровь поэта лилась из рваной раны, питая жизнью сухую землю.

Видел крупные капли дождя на лице. Они близко, больно и тяжело разбивались о его полузакрытые веки. Он ощущал их вкус: «Солёные... слёзы? Кровь? Моя?..»

Рядом в отчаянии опустился Глебов. Несчастный парнишка, он так никогда себе и не простит.

Мишель слышал ещё голоса опоздавших Трубецкого и Столыпина, крики Мартынова, удаляющийся топот копыт его лошади.

И уже сквозь блеклые тени он видел синеву чистого неба и зелень альпийских лугов.

«Я подожду тебя здесь, Варенька».

Звуки арфы из-за холма.

«Здравствуй, Томас!»

Марианна ШАЛИМОВА

ФАРМАГОРИЯ

Отрывок из романа

В забвении, смятении прошёл ещё час. Никаких событий не происходило в третьем вагоне, никаких перемен: всё так же лежали, сидели у окон или прохаживались вдоль кушеток запертые в нём пассажиры, изредка перебрасываясь скудными словами, вздыхая, отлучаясь разве что по нужде. Периодически в вагон заглядывали охранники и, убеждаясь, что всё тихо, возвращались на пост. Дремала на своей кушетке неугомонная Маришка, сжавшись в комок и закрыв лицо руками; развязывала и завязывала свои кульки сухощавая Грета, стремясь, очевидно, занять себя хоть чем-нибудь; не останавливаясь, писала в своей тетради странная девушка в косынке на кушетке у дальней стены. Кто-то читал книгу в этом тихом вагоне, кто-то молился, а некоторые просто лежали и смотрели в светло-серый потолок, разрезанный на ровные части продолговатыми лампами, которые давно погасили. В вагоне струился утренний свет – а кроме света витали в нем и гнетущие мысли, связавшие всех здесь воедино, мысли о судьбе и ближайшем будущем, о неумолимо надвигавшейся на каждого, подобно грозовой туче, Фармагории. Бездействие, безделье усиливало напряжённое ожидание, и хотелось уже, чтобы всколыхнуло ровную гладь вагонной жизни какое-нибудь событие, пусть даже совсем маленькое, незначительное, – но чтобы разорвалась наконец эта тишина, расползлась по нитям эта зияющая, ощущаемая всеми пустота...

Минул час с того момента, как Маришка бросила в лицо странной незнакомке своё колкое слово, – и спустя этот час передние двери вагона с шумом распахнулись, въехала внутрь большая, массивная тележка с двумя огромными чанами и целыми стопками пластиковых тарелок. Показавшаяся вслед за тележкой молодая охранница затворила за собой дверь и, принявшись наскоро перебирать эти тарелки руками, громко объявила:

– Завтрак!

Тотчас же по вагону разнёсся одобрителный гул. Было где-то около семи часов утра, а это означало, что последний приём пищи состоялся более двенадцати часов назад. Пассажиры были голодны

и с готовностью выстроились в длинную очередь за порцией горячей овсянки, куском хлеба с маслом и чашкой приторно-сладкого чая. Лишь заслышав поскрипывание колёс тележки, пробудилась от лёгкой дремоты Маришка и в числе самых первых подлетела к началу вагона, чтобы получить свою порцию. На кушетке, поставив тарелку прямо на одеяло, она вылебала овсянку чуть выгнутой у основания ложкой, не пролив ни капли, а затем пальцем размазала кусочек масла по хлебу, быстро стала жевать получившийся бутерброд, дую на слишком горячий, обжигающий губы чай. Время принятия пищи было любимым временем дня для Маришки, потому что тогда в этот мёртвый вагон проникало оживление, расступалось извечное забвение. В эти минуты все были заняты общим делом, склонившись над тарелками, и казалось тогда, что нет в этом мире ни прошлого, ни настоящего, ни будущего.

Хлеб был съеден почти наполовину, когда внимание Маришки привлекла одна вещь, заставившая беспокойное сердце её дрогнуть. Маришка встрепенулась, продолжая жевать, и, вытянув шею, пристально вгляделась в дальний конец вагона. Нет, кажется, она не ошиблась: кушетка незнакомки пуста, сама она затесалась где-то в очереди, а тетрадь её тем временем покинуто лежит на заправленном под матрас одеяле, и темнеет издали смеющийся край её чёрной обложки – словно манит, зовёт к себе. Маришка недолго боролась с собой, увлекаемая новым порывом своей замысловатой души. Она, закашлявшись, проглотила кусок, который жевала, и спрятала остатки хлеба под подушку, а недопитую чашку чая поставила на пол к стене. Не медля ни секунды, Маришка соскочила с места и стремительно направилась к кушетке незнакомки, остановившись затем перед ней в неумном волнении. Напряжённо оглядевшись по сторонам, Маришка резким жестом схватила тетрадь, быстро пролистав её, цепляясь глазами за отдельные слова, а затем открыла первую страницу и с неудержимой жадностью принялась вчитываться в строки, погружаясь в неведомый мир незнакомки с самого начала, с самого первого её слова.

Странная девушка в косынке писала на русском языке, мелко, убористо и очень разборчиво. Маришка жадно внимала каждому слову, словно пересекая какую-то запретную черту, и вскоре присела на кушетку незнакомки, направив на страницы тетради лучи света от окна и не в силах оторваться от написанного...

«Меня зовут Ханна Герц. Со дня смерти моей матери прошло почти девять месяцев – и вот я здесь, в третьем вагоне пассажирского поезда, везущего всех нас в далекое место под названием Фармагория. А что это за место – приют? город? край? Нет, это целый мир, образованный внутри нашей реальности, со своими законами и правилами, со своими возможностями и тайнами. Я отправляюсь в этот мир по собственной воле, потому что во внешней реальности мне больше нет места, и ей удалось-таки изгнать меня со своей территории после стольких лет тихой, тихой войны. Я проиграла эту войну, пала в кровавом, жестоком бою с жизнью, а потому я должна уйти с арены действительности, раствориться, исчезнуть где-нибудь, но только не здесь. Я воевала и страдала достаточно. У меня больше нет сил.

Странно, но меня ничто не пугает в моём настоящем и почти не заботит моё будущее. Я знаю, что поступаю совершенно правильно, отдавая Фармагории свою жизнь, свою душу, себя. Что есть я и что есть Фармагория? – вот те два вопроса, на которые мне предстоит дать ответы. Смешно, но название этого приюта неизменно ассоциируется у меня со словом «фантазмагория», а ведь фантазмагория, как известно, – это бредовая, невозможная вещь. Вот и у меня сейчас такое чувство, словно я отправляюсь в совершенную ирреальность – место, настолько удалённое от земли, что не осталось между ним и этой землей ни одной связующей нити, ни единой общей струны. Живут ли во мне сомнения? Наверно, я не до конца ещё избавилась от них, хотя и понимаю, что нет для меня иного выхода, кроме как эта ирреальность, этот побег от жизни, эта Фармагория. Я и не желаю для себя ничего иного – и вообще у меня нет никаких желаний, никаких устремлений, да и в жизни моей – ни цели, ни смысла.

Мне и самой не до конца понятно то успокоение, которое приносит мне мысль, что теперь я осталась одна – да, совершенно одна. Должна ли я испытывать скорбь, печаль? Во мне нет ни того, ни другого, ведь на самом деле я стремилась к этому одиночеству, к извечному уединению, чтобы можно было шептать по ночам в тёмной комнате или кричать в слепые, безмолвные небеса: «Я Ханна Герц, мне девятнадцать лет, и я одна, одна!..» Только эта душевная покинутость и осталась мне, и нет у меня ничего и никого, кроме неё. За свои девятнадцать лет я видела жизнь и видела смерть – не видела только себя. И к жизни, и к смерти я дышала ровно, и в каком-то смысле я даже желала, чтобы все, кто был рядом со мной, умерли, дали мне дышать... Вот только дышать я хотела

не болью. Во мне жила и живёт эта боль, но что она есть и откуда взялась, мне по-прежнему неизвестно. И иногда мне кажется, что я нахожусь в совершенной тьме, что я слепа, и всё пытаюсь прозреть, и всё не могу – а что-то неведомое заставляет меня, заставляет...

В моей жизни было два близких человека – бабушка и мать. Бабушка умерла шесть лет назад, перевернув всё внутри меня, переставив с ног на голову весь мой мир... и я любила её, любила, я знаю это, потому что, кажется, кроме неё, на этом свете не любила никого. Я лишь от кого-то зависела и была к кому-то привязана, но не было во мне истинной, самозабвенной любви. Вместо неё было много ненависти, много злости, много обид. Я ненавидела свою мать и давно уже призналась в этом самой себе. Я так и не простила её и в то же время сама безмерно перед ней виновата. Вся моя жизнь была похожа на бушующее море, на целый ураган, и сейчас мне кажется, что я задыхаюсь, задыхаюсь под обломками того, чем когда-то являлась я сама... Я начала писать этот роман о себе и своём прошлом. И мне многое, многое нужно рассказать на страницах этой тетради, которую, может быть, никто никогда не раскроет и не прочтёт. В этом романе будет вся моя жизнь, и я хочу описать её в деталях и мельчайших подробностях, чтобы разобраться в себе, чтобы понять и принять себя. Да, я хочу понять себя, потому что невыносимо больше оставаться для самой себя чуждым миром с бесчисленным количеством запертых дверей. Я должна отпереть все эти двери – не должно остаться ни одного глухого замка. Моя задача заключается в том, чтобы отыскать ключи, и мне нужно поверить, что я смогу сделать это, ведь что-то подсказывает мне, что именно в вере – сила.

Теперь я понимаю, что мне нельзя думать о смерти и что я должна жить. В своей жизни я слишком много думала о смерти – и к чему привели меня все эти мысли, к чему я пришла? Позади меня – буря, впереди – неизведанная Фармагория, а настоящий момент стиснут стенами этого вагона, этим убаюкивающим постукиванием колес, ароматом букета полевых цветов на столе, свистом сквозняка. Пусть кажется мне сейчас, что повествование моё продлится вечность, – я знаю, что оно всё-таки будет иметь конец, имя которому – Свет».

– Имя которому – Свет, – прошептала Маришка вслух, вторя убогим строкам.

Этой фразой завершился пролог рукописного романа, далее следовала первая глава, и Маришка провела по её начальным страницам

быстрым и жадным взглядом, испытывая настырное желание читать дальше. Однако, на мгновение оторвавшись от тетради, она увидела, что странная незнакомка в косынке уже успела вернуться и сидит на кушетке совсем рядом с Маришкой, спокойно смотря на то, как та читает её рукопись, и не пытаясь ни отобрать её у Маришки, ни каким-либо иным способом выразить свой протест. Казалось, этой нелюдимой девушке было абсолютно всё равно, в чьих руках находится её тетрадь, и вторжение чужака в её таинственный мир не вызывало в ней совершенно никаких чувств. Всё это как-то уж слишком не соответствовало былому её напряжённому и обособленному ото всех поведению. Маришка вздрогнула от неожиданности, во второй в жизни раз встретившись с ней взглядом, и замерла в совершенной растерянности, не зная, что ей сделать и что сказать.

Снова эти тёмные, полуночные глаза – и застывший в них немой укор. Было в нём, в этом угоре, что-то неизменное, постоянное – то, что не поддавалось описанию, и обращён он был вовсе не к растерянной Маришке, а к целому миру во всех его гранях, во всех проявлениях. Между этой девушкой и миром шёл непрерывный спор, жестокий и молчаливый, вызывавший в ней целую волну страданий, и в Маришке с ещё большей силой разгорелся неуёмный интерес к этой сложной внутренней жизни, к этой чужой, запретной и недоступной душе. Прядь тёмных волос выбилась из-под косынки незнакомки, налипла на её высокий округлый лоб. Она держала в руках чашку с чаем, поверхность которого чуть подрагивала между её ладоней, выдавая то, что творилось там, внутри. Терзаемая тенью какого-то абсурдного, дикого страха, Маришка ожидала, что девушка в косынке скажет или сделает хоть что-нибудь, но она всё так же молчала и не двигалась, словно карандашный набросок или восковая скульптура. В этой тишине и неподвижности прошла почти минута, пронизанная их взглядами, – минута напряжённая, бесконечная, нарушаемая лишь чужими шагами и голосами, доносившимися извне, и мерным, убаюкивающим шумом колёс.

Наконец Маришка встрепенулась, не в силах долго пребывать в бездействии, и усмехнулась странно, неловко, рывком захлопнув тетрадь. Она опустила на эту тетрадь потерянные глаза, повертела её в руках, и ей внезапно захотелось уйти, чтобы не думать более об этой нелюдимой незнакомке, вовсе стереть из своей памяти черты её лица. На свете много других мыслей, других лиц – а чувство вины не в счёт, ведь Маришка по-

ступила совершенно правильно, удовлетворив своё любопытство. Никто не знает, что порывы её души бывают сильнее неё. Маришка встряхнула своей светлой головкой, продолжая улыбаться, и протянула странной девушке её тетрадь, глядя ей в глаза своими глазами, с искорками смеха:

– Держи, Ханна Герц, – невольно произнесли губы Маришки, и фраза эта прозвучала не то издевательски, не то по-детски невинно.

Темноволосая незнакомка приняла то, что ей принадлежало, не сразу. Она долго не хотела отпустить взгляда Маришки, словно концентрируя в одном мгновении целую Вечность, а затем одна её рука мягко отпрянула от чашки чая и пальцы сомкнулись на переплёте тетради, ухватили её за край. Тетрадь оказалась у неё на коленях, а Маришка тем временем поспешно сорвалась с места и чуть ли не бегом направилась к своей кушетке, чувствуя нечто обжигающе-колкое внутри себя. Её почти ошутимо колот взгляд этих чужих, этих тёмных глаз, который слишком сильно запал в её душу, проделав в ней брешь, заставив испытать мучительный ужас. Маришка была впечатлительна и крайне восприимчива ко всему новому, необычному, однако что-то подсказывало ей, что пережитый ею ужас не был плодом её воображения, а заключал в себе какой-то особый, скрытый смысл...

«Кем бы ты ни была, Ханна Герц, – волнами плескались мысли в разгорячённой голове Маришки, – какой бы ты ни была, чем бы ни жила, я проникну в твой мир, разгадаю тебя, обрету к тебе маленький ключик – прежде, чем это сделаешь ты сама».

Дмитрий ЦЕНЁВ

СТРАСТИ ПО БАНАНОВЫМ
СЕМЕЧКАМ

Фрагмент повести

Сюжет повести начинается с того, что главный герой находит закодированный черновик четырёх вариантов написанного им когда-то стихотворения...

... Я не помню ни того дня или ночи и сопутствовавших написанию стихотворения-первоисточника обстоятельств, ни того дня или ночи, когда сотворил вот это в четырёх вариантах разложенное безобразии. Возможно, что тогда я немного излишне увлекался авангардом, и тогда, быть может, когда я из этого заполучу первоисточник, в его виде я получу нечто неудобоваримое так же, как и любой из представленных составляю... вариантов то есть... Что же? Заподозрив сие неладное, я попытался сейчас же, не сходя с места – то есть не покидая письменного стола, припомнить: в каких жизненных обстоятельствах всё ж таки я это накопал?!

К сожалению ленивого сыщика, каким я и являюсь, а также – и не умеющего логически мыслить логика, каким являюсь по совместительству, на листке нет более ничего, что могло бы хоть чуть-чуть подсказать время... по цвету бумаги, например, определить тоже не возьмусь: да, конечно, жёлтая – ну так что же?! Она могла выгореть и пожелтеть и за неделю, и за год – в одинаковой степени, что зависит лишь от того, где ей посчастливилось быть утраченной. Вообще, такие вещи со мной случались: я потерял «Имитатора», поставил крест и даже поминки справил с водкой, закуской, гитарой и друзьями. В разгар тризны в гости татаринном непрошеным припёрся один арбуз знакомый, и оказалось, что тот единственный экземпляр, надежду отыскать который я хоронил в этот самый момент, лежит у него в ящике стола, и даже не письменного, а кухонного – жив-здоров, только пожелтел незначительно да пообтрепался по краям. Что тут началось! Что началось, даже вспоминать противно: да разве ж я к этому типу при нормальных-то обстоятельствах полез бы целоваться?! Да не только вряд ли, а и просто ни за что! Так вот, возраста моего «четырёхглавого» стихотворения я сейчас определить не смог, то есть абсолютно, хоть плачь, хоть рыдай, хоть вешайся, хоть удавись –

одно что не в туалете, не над унитазом. Не люблю я антисанитарии, вот умирать соберусь, ничего такого антигигиеничного никому не позволю, и не просите...

Итак, два последние года – со счетов долой, это точно, потому что именно года два я и страдал по поводу сегодняшней долгожданной находки... Вот и подвернулся мне первый в качестве свидетеля допрашиваемый – тоже арбуз, но всегда, несмотря на то что непрошенный, никогда не татарский...

О, странный мой обожаемый язык, что ты со мной делаешь?! Нельзя злоупотреблять, увлекаясь отрицательными частицами и флексиями; получилось, что он всегда – татарски непрошен, а ведь я хотел сказать прямо противоположное: я почти всегда рад ему. Этот арбуз – мой, сладкий, зовут его Неважно Как, потому что это действительно не важно для следствия. Я угостил его чаем, благо, недавно только что заварил, и спросил, глядя в полные сочувствия глаза:

– Арбуз, послушай, можешь сказать точно, когда я математикой увлекался? – Я подвинул ему листок. – Хочу определить: когда это написано?

Он читал внимательно, нервно так, как для какого-то поцелуйчика воображаемого сдёргивая в трубочку губки – на секундочку, на пару секундочек, этак: раз, два, и готово – между делом, конечно же. Если Неважно Как так делает, значит, хоть чуточку, но пьян. Отложив через пару минут предмет расследования подальше от себя и поближе ко мне, он посмотрел своими эгоистически-ясными глазами в мои, интеллектуально-мутные, и ответил, блюдя чувство собственного достоинства:

– Ты и сейчас математикой увлекаешься. – Подождал, что я обижусь на это замечание, но я не обиделся – не до того мне сейчас! – и закончил умиrotворяюще: – Только математика твоя, пожалуй, всё вышеет и вышеет, так что теоретика твоя и практицирование дали свои результаты. Народ наш в своей недопросвещённой массе тебя не поймёт. У нас вообще, между прочим, кроме Пушкина и Маяковского с Есениным, поэтов не любят, а твою элитно-богемску хреноматью просто отвергнут как нечто заживо мёртвое для средних умов. Ты же знаешь?

– Знаю, – говорю я, сам не зная зачем, соглашаясь.

– А зачем тогда спрашиваешь?

– Я тебя про другое спросил.

– Про что же, друг мой Банан?!

– Про то, друг мой Арбуз Неважно Как, когда я мог это сочинить?
– Я брезгливо вновь подтолкнул к нему листок. – Сейчас у меня так уже не получается.

– Покурим? – предложил мне поэт формации эготического эвристицизма, потому как он тоже мне поэтом приходится, а не каким-нибудь там астраханским татариним. – Поставь что-нибудь для души.

– Издеваешься, да? Если я сейчас твою тягомотину, обожаемую для твоей души, поставлю, то что же мне-то тогда останется делать? Уши затыкать или повеситься пойти, а?

– Если не второе, то – первое. Но лучше поставь что-нибудь, чтоб и тебя не ломало.

– Легко сказать! Что, например?!

Он вздохнул жутко сокрушённо:

– Ну, хорошо, поставь этот свой «Кинг Даймонд», уговорил.

Я поставил это консерваторское дерьмо, являющееся вроде бы одним из беда редких наших совпадений наших категорически не совпадающих вкусов, и приступил ко второй стадии допроса – уламыванию с пристрастием:

– Мы же, Арбузик, вместе с тобой тогда теоретизировали, не помнишь разве?

– Когда же это? – Он выдохнул мне в лицо изрядную порцию дешёвого вонючего дыма моих сигарет, приправленную запахом его перегара. – Ты мне что же это пришиваешь, начальник, соучастие, да?!

– Какое ещё соучастие?! – Искренне даю встречную отмашку. – Я пытаюсь найти хоть какую-нибудь зацепку. Мы ведь тогда вместе с тобой авангардом увлекались? А, Неважно Какик, ведь правда?

Я тут его почти уже упрашиваю, а он, гад, горбатого мне лепит, на чём свет, блин, стоит:

– Когда – тогда? Ты сам-то, Банан, думаешь хоть чуть-чуть, что горишь? Ну, ты и банан!!! Когда – тогда? Ты уверен, что это, – он брезгливо оттолкнул ко мне листок, – написано именно тогда?

– Я не знаю, Арбуз, но с тех пор я и вправду, наверное, ничего подобного и не написал больше, понимаешь?

– Понимаю. А «КрондельФаг»?!

Да, с «КрондельФагом» он меня, пожалуй, поставил, и я начал оправдываться, как последняя – самая печальная – помидора в гнилом ящике:

– «КрондельФаг» – это другое! Это святое, это ты не трожь совсем. Это – не твой вонючий авангард, это выстраданное, слезами здесь вот, на этой сраной кухне, размоченное, понимаешь или не понимаешь, ты?!

– Ну и что с того, что слезами! Я тоже, например, слезами пишу и кровью, и слюнями, и мочой, и потом. И потом, все твои нынешние банановые стилизации-инсинуации – дерьмо кошечье, не больше! Ты после «КрондельФага» ни фига больше не написал, понял! Вот!!!

Ни инжира себе! Чуть было не посорились, потому что я завёлся и сам не заметил, как тоже на него погнался:

– А ты... а мне... ты вообще заузил себе рамки своим перформенсом арбузным, орёшь на каждом углу: «свободный я, свободный!», – а сам ничего уже, кроме корок полосатых и зелёных, нарезать не можешь!

– Да ну брось! – Он успокоился уже. Или уже?

Но успокоился же, вот и мне пришлось... а кроме прочего, у меня же ещё и цель есть, я её преследую по-прежнему:

– Сам и брось! Это когда было? Тогда ещё никаким «КрондельФагом» и за версту коломенскую не пахло, это я тебе точно говорю.

– Н-ну, пусть это было, сейчас вспомню, года три уже как было. Ты потом в свои официальные банановые дебри удалился.

– Вот именно, что в дебри! А ты говоришь – «математика»!

– Э-э, к словам не цепляйся, да? – Он не менее брезгливо и ещё более презрительно отпихнул от себя едва клетчатый жёлтый листок тетрадного формата, несущий в себе информацию о пропавшем без вести стихотворении, которое мне нужно... просто необходимо отыскать, прежде найдя ключ к шифровке... дерьмо-то какое обезьянье!.. кошачье... ишачье...

Я отодвинул себя вместе со стулом... ну зачем, скажите мне, люде умнаи, это дикое желание представить на бумаге всё покрасивше, чем есть оно на самом деле?.. Я отодвинулся вместе с табуреткой от узкого столика-столбика и выдвинул ящик, там у меня, как в библиотеке, длинным таким плотненьким строем стоят библиотечные бланки, я на них всякие свои короткие словесные выкрутасы храню – на будущее, для романа какого-нибудь...

– Слушай, Неважно Как, я тут одну гениальную штуковину сочинил, оцени. – Найдя то, что нужно, зачитал: – «Мартыньшина то трясло, то дрожало. Озноб твою... Жало похмелья свербило мозги победитовым конечником.» Всё.

– Во, вот это гениально, пожалуй, так что больше даже ничего и писать-то не надо.

– Ну, ты скажешь тоже! – Я вернул шедевр обратно в картотеку. – Скажи мне, постарайся вспомнить, Арбуз, ну, пожалуйста, я тебе эти семечки точно никогда не показывал?

Он отрицательно покачал головой, давая окончательно в пепельнице красномордого червяка сигареты до состояния черномордости, я переспросил со слезой в голосе:

– Точно?

Он сматерился в ответ, и на этом, собственно, конструктивный разговор пресёкся насовсемушно грустно. Потом зашла к нам Дынька, она вообще заявила громко и весомо, что я – огурец последний, если что-то пытаюсь высосать из этих четырёх какашек, которым, между прочим, не место на обеденном столе, за которым, между прочим, кроме меня, вся семья трапезничает. Я старательно обидел её, мол, это ещё надо посмотреть, кому здесь не место. Арбуз трусливо сделал вид, что не слышал, и она ушла в комнату, громко выключила там телевизор и демонстративно легла спать. Её допрос на предмет свидетельских показаний о без вести пропавшем я отложил на утро и тут же выгнал порядком уже бесполезного мне Арбуза, сказав, что мне, Банану, надо работать. Он выпил ещё три кружки чая, кавун проклятый, выкурил две сигареты и испарился с лёгкостью поглощаемого им моего, вернее нашего с Дынькой, чаю и моих сигарет.

Я устал ломать голову. «Чего проще? – скажет какая-нибудь тупо-посторонняя тыква, которая ничего ни в банановых, ни в арбузных корках не понимает. – Завяжи да лежи!» Ан нет, я устану ещё больше, если не буду думать, потому что меня заело на данный момент. И тут я совершенно неожиданно и без каких бы то ни было предшествовавших умозаключений и воспоминаний вспомнил, дурак, что сам же, тогда же, вот этими же руками, которые, между прочим, в коллективе никакими другими и не называют, сжёг то самое стихотворение!

Убийца, гниль тропическая!!!

Позвонил другой арбуз, спросил Неважно Кака, которого, как мне ещё помнится пока, я только что всё-таки испровадил за дверь.

– Что ж это он мне не сказал, что ждёт, пока ты позвонишь?

– У него спроси!

– Я спрашивал, но поздно: его уже здесь нету!

– Киви звонил, говорит, до двенадцатого сдать надо, иначе он за последствия не ручается.

– Может, он ещё сказал, сколько нужно сдать?

– Да там уже столько всякой бахчи припёрлось, что нам и места-то не хватит. Ладно – мне, я стерплю, не гений ещё, а вот вас с Неважно Каком опять урежут! Я тогда собственноручно, а мои руки, ты же знаешь, между прочим, в коллективе золотыми называют... Я собственноручно Киви задушу и выброшу на помойку!!!

– Ладно тебе уже!!! Зачем – на помойку? Да и отечественных поэтоманов и поэтоманок не надо лишать такого любвеобъекта, как Киви.

– Ага, а ты, сладкий Банан, готов всех и каждого в один тоненький альманах запихнуть. Тоже мне...

– Нет, это Киви хочет всех и каждого, а я думаю, что никого, кроме нас троих да Ананаса с Кабачком, пока и близко подпускать нельзя. Ну, можно ещё Киви – за компанию и в качестве проявления уважения к его седым перезрелым годам.

– Вот так ему и скажи!

– И скажу!

– Скажи-скажи!

– Скажу-скажу-скажу!

– Давай-давай, Бананчик, глядишь, на твоём месте какую-нибудь земляничку с малинкой посеют. Вот радости-то будет!

– А по мне – хоть хрен с редькой, понял?! Я вот тут гораздо более трагическим делом занят! Детектив какой-то, не иначе просто, а голова не варит, и вы ещё, арбузы, под руку толпами лезете.

– Что у тебя стряслось?

– Да я вот тут собственное зашифрованное стихотворение нашёл в четырёх вариантах, понимаешь? Это шифровка такая – четыре варианта. Если читать, как написано, то такая похудрень получается, что даже для меня – похудрень, а вспомнить, что было вначале, не могу. Давно это было, года три, а может и больше, назад.

– А зачем тебе вспоминать, может, и не нужно совсем? Ты же любишь математику!

– Отстаньте от меня со своей математикой! Я её терпеть не могу! Хотя это, конечно, мысль, арбуз! Спасибо, я подумаю её. Пока! – я повесил. Или «положил»? Смотря что.

Я положил трубку на аппарат и пошёл на кухню – вырубить ненавистный «Кинг Даймонд». И с чего бы это вдруг Арбуз решил, что я люблю «Кинг Даймонд»? Может быть, я его ненавижу примерно так же, как и математику?!

Математика, математика, математика – ворчу я себе под нос, сидя в полной тишине приблизительно в полночный час и глядя на испещрённый моим идиотическим, достойным матерных идиом почерком лист. Математику я пока отверг, взяв за основание этого серьёзного шага свою нелюбовь к ней как к методу творчества, решив проанализировать текст на логичность сцеплений слов. Так, что ли?

Получилось. Вот это. В общем, тоже дерьмо не менее куриное, чем вся жизнь, да ладно уж...

вариант I:

как боль красивых фраз изъяны... ритуальная ложь плююще приложима к шее... разливая в навоз... со вздувшейся веной черпает стаканом как нож протоплазму кровавый алмаз... прозектор-гипноз постепенно окна истекает соком... распаханый разум растворяющих глаз... составляющие вторженья по извилинам – на... глубоким разложен мозг как соль

вариант II:

как соль разложен мозг глубоким... по извилинам – на... вторженья растворяющих глаз распаханый разум... или ...распаханый разум истекает соком окна постепенно... или ...истекает соком окна постепенно прозектор-гипноз... кровавый алмаз протоплазму как нож черпает стаканом со вздувшейся веной разливая в навоз... или ...разливая в навоз приложима к шее плююще ритуальная ложь... изъяны красивых фраз как боль

вариант III:

как боль разложен мозг... изъяны по извилинам – на плююще составляющие разливая навоз распаханый разум черпает стаканом окна протоплазму... или ... черпает стаканом окна протоплазму прозектор-гипноз... кровавый алмаз постепенно как нож истекает соком... или ... постепенно как нож истекает соком со вздувшейся веной растворяющих глаз... или ...со вздувшейся веной растворяющих глаз приложима к шее вторженья ритуальная ложь... глубоким... красивых фраз... как соль

вариант IV:

как соль красивых фраз глубоким ритуальная ложь вторженья приложима к шее растворяющих глаз со вздувшейся веной... или ...со

вздувшейся веной истекает соком как нож постепенно кровавый алмаз... прозектор-гипноз протоплазму окна черпает стаканом распаханый разум разливая в навоз... или ...протоплазму окна черпает стаканом распаханый разум разливая в навоз составляющие плююще по извилинам – на изъяны... или ...разливая в навоз составляющие плююще по извилинам – на изъяны разложен мозг как боль... или просто ...по извилинам – на изъяны разложен мозг как боль

Есть, конечно, во всём этом нечто пульсирующее, гнетущие сцепки какие-то, как грамматические, так и эмоциональные, да и содержание какое-никакое вроде иногда проглядывает. Знаете, что настораживает?

– Знаете, что меня настораживает, господа присяжные соглядатель? – сказал я вслух, на время забыв, что время позднее и говорить так громко не следовало бы, и, сразу вспомнив об этом, стал говорить тише, хоть и по-прежнему вслух, но ужé (или ўже) шёпотом. – Ось «прозектор-гипноз» – «кровавый алмаз», точно разделяющая каждый из вариантов стихотворения надвое!!! И самое странное то, что, по сути своей, здесь даже не четыре варианта, а всего лишь два, два других являются точными зеркальными отражениями. Но каким отдать предпочтение? И стоит ли делать это? Но как же тогда выделить те два, с которыми следует продолжать работу?

Двумя зеркальными являются варианты: I со II и III с IV. Тут я снова...

В общем, голова наутро болела и отказывалась хоть сколько-нибудь продуктивно шевелить мозгами. Дынька рассердилась вчера не на шутку и на моё предложение вместе пошебуршать красной и жёлтой осенней листвой в лесу ответила категорическим отказом в том смысле, что является законченной урбанисткой, посему не представляет себе никакого отдыха вне городского комфорта, и, если уж на то пошло, нужно же хоть в чём-то пойти мне насуперечь! Я согласился, что нужно, конечно, спорить не было ни сил, ни желания, тем менее настаивая, чем более хотел – а я хотел этого! – остаться в одиночестве, оделся в плащ, шляпу, утеплённые кроссовки и взял в руки пластмассовое ведро. Она только хмыкнула напутственно:

– К обеду будешь? – Издевается, сладкая моя, ведь до обыденного обеденного часа оставался всего час. – Или ты и впрямь надолго?

Я прикинул в уме, надолго ли, но внешне – прикинулся вполне ответно обидевшимся:

– Не знаю. – И потом на автобусе семнадцатого маршрута заехал на родительский участок, взял секатор на предлинном шесте и со шнурком и пошёл в лес собирать рябину.

Однажды я пересёк однопутную железнодорожную трассу. На ней вдалеке я увидел, как старый добрый семафор стоял и думал, светя зелёным глазом. Это была заводская ветка, поэтому он, наверное, почти всю свою старую добрую жизнь простоял, чаще светя именно зелёным глазом. . .

Вот так вот и удалось отдохнуть мне от всей этой ночной дури: не думая ни о чём сколько-нибудь серьёзно, как бы взглядевшись в это дело со стороны, а не изнутри, как раньше, не то чтобы внимательно, скорее – наоборот, бродя с шуршанием по красной и жёлтой листве осеннего леса, высматривая краснеющие гроздьями обмороженных уже ягод рябины среди голых других деревьев, обстригая их неторопливо, неторопливо по виду выбирая те кисти, что потяжелее цветом и, значит, спелее на вкус. Как бы взглядевшись в это дело со стороны, а не изнутри, как раньше, не то чтобы внимательнее, скорее – наоборот: рассеянно, – я вдруг ощутил тревогу и умиротворение единым каким-то необъяснимым не то сладострастным, не то жестоким к себе, саможестоким, чувством. Точного, одного-единственного слова для обозначения этого странного чувства я подобрать так и не смог, поймав себя на том, что вряд ли хочу этого сейчас, как чего-то излишнего, когда, подбирая и складывая ягоды в ведро, снова бредя с шуршанием по красной и жёлтой листве осеннего леса, снова высматривая краснеющие гроздьями уже обмороженных ягод рябины среди голых других деревьев, снова обстригая их неторопливо, снова неторопливо размышляя о жизни как о чём-то абстрактно-безразличном и не умея мыслить так, не умея найти определения своим чувствам. Не то мороженого хочется, не то – родиться заново. В конце концов, кто дал право всем этим... ВАМ... издеваться надо мной, сиротинушкою беззащитным?! Не любите вы бананов, вот что, совсем не любите, оказывается! Ненавидите даже, я это знаю.

Во-первых, быт. Заедает тех, кто к нему или никак, или свысока относится. Обо мне речь. Ну, не умею я варить, жарить, тушить-парить ничего, кроме яичницы и чая! Так что же теперь, это повод, чтоб вот так вот ежедневно, как это происходит со мной ежедневно, ежедневно издеваться, убивая ежедневно?! Челентано, мне помнится, в кино снимается, сам снимает, да ещё и песни успеваешь как писать, так и петь (о, Боже) – и записывать; и никто с него не требует, чтобы он помылся,

посуду там всякую, мусор выносил или бельё стирал. Ну, разве что чужое – вечером, в компании друзей за бутылочкой (по опечатке – вместо «бутылоч-кой»... какой-то странный, прям-таки перформенный кайф) чинзанки, но на это-то простительное место мы все слабаки, не он один – совсем другое дело. А скажите-ка мне абсолютно честно, положив руку на «Трёх мушкетёров», не унижение ли – гнать человека за тестом на другой конец города только потому, что даже не ему, а ей пельменей вдруг захотелось, вот надо же было так хреново случиться! И некстати!!! Решив перейти через придорожную канаву по сваленной в неё куче не то наломанных, не то нарубленных веток и сучьев, я оступился и, неловко провернувшись на уходящей из-под ног опоре, упал на неё – вдоль дороги, на которую хотел выйти и до которой оставалась какая-то пара-другая шагов, и вдоль канавы, вернее – сверху. Естественным и вряд ли предосудительным проступком было бы сматериться чисто по-русски смачно во весь голос, но у меня начисто пропал дар речи, когда в канаве под собой сквозь эти наломанные сучья и ветки я увидел мёртвое лицо с мёртво уставившимися на меня глазами и мёртвой жизнерадостной улыбкой... или оскалом?... почему, собственно, решил, что мужчина примерно моего роста и возраста, так безмятежно-интимно оказавшийся подо мной, мёртвый? Да кто же живой будет так безмятежно-интимно лежать под кучей хвороста на мёрзлой земле и добродушно скалиться беззвучной улыбочкой свалившемуся на него гетеросексуальному мужику примерно его роста и комплекции – не из легковесов? Я едва сдержал спазм мочевого пузыря или расслабление мышц мочеиспускательного канала, в общем, не знаю, как там это называется и что происходит, но счастливо избежал дурнопахнущей сырости в нещадно любимых мною джинсах и даже пошутил почти с надеждой в голосе, прозвучавшей, надо думать, дико и несурзно:

– Извините меня, пожалуйста, но мне сказали, что здесь не занято!

Он не ответил, а зря! Осмелюсь признаться, если б он ответил, то навсегда бы отбил у меня чувство юмора, и без того убогое. Не ответил, видимо, его чувство юмора замёрзло, как и всё остальное: в частности, рука в торчащем положении, об которую я сильно ушибся каким-нибудь ребром. Потирая осторожно ушибленный бок, я поднялся и отбросил те несколько разветвлённых крупных сучьев, что так не совсем хорошо скрывали труп, запел «Отель «Калифорнию», не совсем хорошо и недостаточной точно помня текст, вследствие чего вместо забытых слов встав-

лял какие-то от фонаря. Жаль, что до сих пор я не сделал перевода! Как жаль, ведь это одна из редких песен, с которой на устах можно на свет и рожаться, и рожать, а также – умирать и, в гроб сходя, благословлять. В общем, нерукотворный памятник, поставленный «Иглз» самим себе на обломках и в грязи умершего и разложившегося хиппанства, царствие ему небесное! Труп выглядел, как и при знакомстве, по-прежнему привлекательно и неплохо в смысле сохранности и целостности, лежал прямо, не двигаясь, только левая рука, согнутая в локте, торчала вверх полусжатым кулаком... вот разве заулыбался он вроде уже будто бы иначе, словно хотел мне что-то предложить этакое... растакое авантюрно-мстительное...

Домой я вернулся позднее, чем мог бы и должен был вернуться, если б не ряд вышеописанных и – на выбор автора – некоторых, подвергнутых временному умолчанию, случайных обстоятельств фактического земного существования и последовавших под воздействием их поступков, предоставивших наконец настоящую свободу выбора, а не декларируемую – между прочим, впервые в жизни: съесть мороженого или родиться заново? За мороженым надо было поехать в город, а вто-рое получилось само собой, я просто развёл костёр над телом переоде-того мною добровольца, так что лица его теперь стало не узнать, а вот та часть моей одежды, что лежала под его спиной на холодной земле, сохранилась в достаточном для опознания виде; кроме того, я предварительно подарил ему вопреки проснувшемуся во мне щемящему чувству жадности свои часы, свои очки, наскоро вбил ему в ухо свою серёжку и надел на безымянный палец правой – слава Богу, не сжатой в кулак! – руки своё обручальное кольцо. Я искренне извинился перед усопшим за свою подлую надежду на скорое возвращение этих предметов ко мне же, но расписку с него требовать не стал, и он остался безмолвно благодарен мне за то, что я не издеваюсь, не кошунствую над беззащитным трупом попавшего в неприятно беспомощную ситуацию человека.

Дашка ошалела, когда, увидев меня в невнятного вида рванье, получила самые постепенные, самые осторожные, на какие я, возбуждённый, был способен, объяснения по поводу того, что всё совсем не так страшно, как она себе это в мгновение ока нафантазировала, никто меня не бил, не раздевал, не грабил, я вот даже и собранные ягоды не забыл принести из лесу! Просто я решил умереть и родиться заново, раз представилась такая возможность, редкая и удачная... В нервной обстановке

мы провели с ней всю ночь, обсуждая как случившееся, так и то, чему ещё предстояло произойти. Обнаружили ошибку в моих действиях: ведро и рассыпанную рябину нужно было бы оставить где-нибудь там же, поблизости, но не рядом. Но этого не воротишь, и, пересыпав рябину в фанерный ящик на балконе, а ведро поставив на положенное ему место, поутру она позвонила в милицию. Её стали успокаивать: мол, пусть больницы обзвонит и морги, и про медвытрезвитель пусть не забудет, да про родственников или, возможно, друзей и знакомых, я, мол, просто у кого-нибудь на стороне заночевал, одно что любовниц моих ей не предложили навестить! Дынька всё сделала добросовестно, и это, надо сказать, вместе с тем нервным состоянием, в котором за компанию мы пребывали с ней ещё со вчерашнего вечера, очень помогло ей войти в роль перед тем, как она снова позвонила в милицию: они подробно расспросили, когда она видела меня в последний раз (она ответила и добавила, что мы, кажется, поссорились), как это было (ужасно-дико-нехорошо), собрался ли я уходить куда-нибудь определённо или вообще (взял ведро, а перед ссорой ещё предлагал вместе поехать в лес за рябиной).

– Да ведь я вам ещё утром, то есть когда в первый раз звонила, говорила про это!

Вопросы цеплялись один за другим и, как грибы, нанизывались вместе с ответами на нить для сушки логическим мышлением.

– Вы хотите сказать, что знаете, куда он пошёл за рябиной?!

– Да я уверена, что в район третьего рудоуправления, там у его родителей сад.

Видимо, Дашке повезло, не то рука, крутившая с дрожью диск телефона, лёгкая такая, не то язык – без костей: или у них не оказалось под руками никаких больше дел погорячее и они решили, что быстро отделеются от этого, и не важно, с каким результатом, но пообещали заехать через полчаса и спросили адрес.

Когда Дынька вернулась, замученная и заплаканная, я уже приготовил гороховый суп из пакетов, яичницу с помидорами и заварил чай, открыл банку датской королевской ветчины и поставил на стол купленную во время трагических скитаний бутылку «Каберне».

– Ты знаешь, Банан, был момент, когда я и вправду поверила сама, по-настоящему поверила, что это ты мёртвый. Это было ужасно. Ты даже представить себе такое не сможешь! Я будто бы раздвоилась совсем, я сходила с ума, просто потому, что ты был мёртвый передо мной,

я ошупывала тебя, холодного, голого и обгорелого, и этого... того, что ты мёртв, было бы уже достаточно, чтобы сойти с ума не сходя с места, но я же знала, где показать им то родимое пятно, про которое ты говорил. Только оно меня и спасло. Оно подтвердило, что это всё-таки не ты, ты – дома, живой, меня ждёшь и боишься, что я что-нибудь не то сделаю, не справлюсь. Я увидела это огромное родимое пятно, и меня чуть удар не хватил от страха, что меня сейчас заподозрят. Это так своевременно получилось, что даже пришлось менту меня поддерживать, чтоб я не упала, потому что я мертвеца оттолкнула. А он снова стал как бы тобой. Это ужас. Ты вправду боялся, что у меня не получится?

– Да. Дашенька, да я тут тоже чуть с ума не сошёл. А ты успокаивайся давай. Видишь, я-то здесь сейчас перед тобой, так что давай-ка выпьем, потрогаем меня тёплого, живого. Успокойся, пожалуйста, там ведь совсем не я был, даже ведь и не похож на меня совсем...

– Ещё бы, он так сильно обгорел, и с него, между прочим, снимали и давали мне посмотреть твои вещи. Я, наверное, мазохистка, мне и сейчас, как вспомню, так вздрогну, кажется, что там – тоже ты.

– Ну, что ты. Там был... – я едва не проболтался, – другой, видела, какая у него родинка? У меня таких нету и отродясь не было, ведь правда? И совсем, кстати, на другом месте. Я в этом смысле гораздо приличнее, чем он.

Она выпила медленно полный высокий бокал красного вина и спросила ещё более безвольно, чем говорила до сих пор:

– Ты думаешь, поможет? Я так устала.

– Обязательно поможет. Кушай давай. Спасибо тебе, любимая! Жена моя! Я теперь как-то особенно знаю, как не знал никогда, ни у кого больше нет такой женщины, как ты, Дашенька. Ни одна на свете женщина не способна любить так, как ты, потому что ни одна не повторит...

– Перестань, Банан, не говори чепухи, ты ведь не Павка, чтобы чушь несусветную пороть. Ох и подписались же мы с тобой на мероприятие. Ты – сумасшедший банан – сумел уговорить меня, трусиху, на такое, вот это точно, что никто другой не смог бы сделать этого...

– Откуда ты знаешь? – Мы постепенно оттаивали, и чем больше говорили, тем быстрее и блаженнее.

Она пожала плечами, блеснув улыбнувшимися на миг глазами:

– Я ведь не кого-нибудь там в морге люблю, а тебя. И именно так, что только ради тебя и пошла на весь этот ужас.

– Прости меня, Дашенька, прости за этот страшный день. Давай уже забудем его хотя бы до утра. Потом ведь всё равно настанет время, когда всё это безобразие закончится. – Это был странный вечер, неопределённо и очаровательно затянувшийся ужин с разговорами, состоящими из слов, вновь, как когда-то, наполнившихся содержанием, вполне искренним и безоглядным, и безумная страстная-страстная ночь.

Только под утро я вспомнил и спросил о Славике, том самом Неважно Каке, арбузе формации эготического эвристицизма, что позавчера распинался в своей ненависти к математике, ведь именно ему, так как у него есть телефон, довелось сопровождать вчера мою супругу, поддерживать и утешать. Она вздохнула:

– Самое большое свинство с нашей стороны будет, если ты заранее не предупредишь родителей. Они ведь по-настоящему, не так, как мы...

– Ну, что ты, Дынюшка, это ведь не навсегда! Потом постепенно мы им всем всё объясним, и друзьям – тоже, я буду лично на коленях выпрашивать прощение у каждого.

– Ну и дурак же ты иногда бываешь! Если б я тебя не знала так хорошо, как знаю, я бы ни за что не подумала, что ты способен произнести такую чушь! Вот, понял?

– Не понял. Что сие означает?

– Нужны им твои извинения? Они только увидят тебя, так сразу же и без твоих усилий тебя простят. Я считаю, что маму и папу нужно заранее предупредить. А Славик, между прочим, так ревел вчера, так ревел. У него, например, губы дрожали, особенно в морге – он вообще не мог сдержаться, его вместе со мной таблетками накормили, а спичку на улице к сигарете вообще я ему поднесла, понял?! Если бы ты мог увидеть, как это красиво – мужские слёзы по лучшему другу... тебе, дуралею, сразу бы захотелось воскреснуть!

Я не ответил ей, что не только видел, а и сам лил их недавно – позавчера... Пусть не над лучшим другом, но некоторые обстоятельства частной жизни делают порой незнакомых тебе людей или знакомых заочно очень близкими и значительными, доводя до самых искренних слёз в таких вот, подобных нынешнему, случаях...

– Да, наверное, так и случилось бы. Поэтому я и не пошёл с вами в морг, потому что знал, что вы будете плакать и мне очень захочется воскреснуть, чтоб только не видеть этого. Ты как себя чувствуешь сегодня?

– Отдохнувши, как ни странно. У нас ещё найдётся ли случайненько бутылочка вина? Это было бы лучше и просто замечательно.

Знаете, что меня больше всего настораживает в моём поэтическом детективе? Ось «прозектор-гипноз» – «кровавый алмаз» точно разделяет каждый из вариантов надвое, и самое-то страшное то, что вариантов-то даже и не четыре вовсе, а совсем лишь два: пары I со II и III с IV являются зеркальными отражениями. Тут я снова попытался не трогать пока математику. Возможно, потому, что понял, как быстро и легко благодаря ей вычислю с помощью какой-нибудь очень простой математической закономерности искомое стихотворение, а мне, по всей видимости, не шибко-то этого хотелось, и я стал искать новые возможные логические, эмоциональные и грамматические сцепления, исключая скобками не укладывающиеся в них слова.

вариант I:

как боль, красивых фраз (изъяны) – хотя, блин, и изъяны нормально в такую конструкцию вписываются, а если без них, то уже и длинно-таки получается – как боль, красивых фраз ритуальная ложь, плююще приложима к шее (разливая в навоз – ну, никуда!) со вздувшейся веной, черпает стаканом (как нож – вырубает топором) протоплазму... далее я сразу и сам вырубаясь, потому что не знаю, как поступить с рядом стоящими «кровавым алмазом» и «прозектором-гипнозом»

вариант II:

разложен мозг (глубоким) по извилинам – на вторженья, составляющие (растворяющих глаз) распаханый разум... да-а, очень даже одновременно и философично, и физиологично, а если принять за целое «истекает соком окна́ постепенно», то встаёт вопрос: кто истекает? Стоящий впереди «распаханный разум» или следом стоящий «прозектор-гипноз»? А почему, собственно, не всё тот же «кровавый алмаз»? Правда, с алмазом тут и ниже вполне может получиться: ...кровавый алмаз протоплазму (как нож) черпает стаканом (со вздувшейся веной), разливая в навоз... что разливая?! Дальше-то что?

Кранты!!! Съезжает крыша; как жаль, что я не успел (пока) познакомиться с Башковым, это тоже один наш местный арбуз был (есть и будет). Сбродив к своей «поэтической» книжной полке, я достал его «Чёрный треугольник», ругаясь в очередной раз, как и всегда, что он озаглавил книжку названием попсовой политиканской телепередачи. Может быть, все они, это обладающее активной жизненной позицией старшее поколение,

так политикой перее... как же это бьют пё-рюски: перееханные, пере-еденные? так политикой раздавлены в кровавые кляксы – их души перемешаны навсегда с дерьмом... ха! красные, выбрав себе цвет для своего дерьма, не прогадали: вот кровь, а вот – красное – перемешай, а потом поди разберись, где душа, а где что! Уже не сможешь отделить одно от другого. Слушая в наушниках шикарно – не по трансляции из какого-нибудь заходящегося кашлем колонного зала, а студийно – записанного Рахманинова, я листал книжку форматом 142x100 мм и объёмом 128 страниц минус 14 вступ. статьи и «Содержания», названную на обложке в соответствии с изображённым там же оранжевым ромбом, и вот что обнаружил.

* * *

Вот и я не уехал в Париж,
Всё мечтал и мечтал о котором.
Что теперь мне останется? Лишь
Умереть под российским забором.
Как стремительно близится взрыв.
Это общество начало с марта
Испытанье своё на разрыв,
На разрыв моего миокарда!
Может, кто-то процедит едва:
«Этот парень сгорел не от страха...»
Но на Сент-Женевьев-де-Буа
Моему не поклонятся праху.

Зря он не уехал, когда была возможность, теперь это стихотворение можно читать как пророчество. Странно, что арбузов всяческих больше, чем бананов, мне об этом в институте сказали, долго объясняли, почему, но я так ничего и не понял, хотя вроде и не дурак, и не совсем дурак? остаётся добавить от себя – для себя же: а невсяческих с Большой буквы Арбузов гораздо меньше, чем невсяческих с Большой буквы Бананов. Я, например, вообще гибрид чистой воды. Дынька несказанно удивилась, увидев в моих руках «Зелёный круг», тронула меня за плечо и, дождавшись, пока я сниму наушники и выведу звук на колонки, с неподдельным интересом спросила:

– Что на обед приготовить? Макароны, ракушки или рожки? И у нас ещё позавчерашняя тушёнка осталась, как ни странно.

– Действительно, странно. Даш, а что тебе самой больше нравится? То и приготовь.

– Мне больше нравится плов с бараниной, приготовленный в кафе «Стрелка на Невском» и поданный с бульоном в глиняных горшочках, и ещё посыпанный зелёным горошком, как ни странно.

– Действительно странно, Даш. А вот мне больше всего на свете нравится яичница.

– А как же омлет?!

– И омлет тоже! Но это же один из великого множества всевозможных яичниц, не так ли? Мне нравится всё, что можно приготовить из яиц: глазунью, болтунью, омлет и так далее. Просто варёные яйца и просто сырые, яичные блины и всмятку. Между прочим, когда мы с тобой уедем отсюда навсегда-навсегда в поисках сладострастнейшей из ностальгий, давай откроем на Лазурном Берегу трактир или даже постоянный двор в жирно-жирном русском стиле и назовём его пугающе честно и откровенно пугающе: «Холестерин». – Про Лазурный Берег, а не про Париж я сказал потому, что ведь всегда боялся стать плагиатором, я и сейчас боюсь, несмотря на то что прямо до какой-то антиностальгии хочу именно в Париж. – Там мы будем готовить на животных жирах жирные-жирные котлеты и бефы, строганоффы и лангеты, картофель фри и по-домашнему и макароны по-флотски, будем щедро маслить кашу сливочным-сливочным маслом, а я лично разработаю крупнейший ассортимент фирменных блюд из яиц! Как ты на это смотришь?

– Не знаю, – серьёзно пожав плечами, задумчиво ответила Дынька. – Будет ли у них пользоваться успехом вредная-вредная для здоровья диета?

– Нет проблем, они ведь европейцы, в конце концов! Сборище наций вымирающих, в отличие от нас с китайцами, недоразвитых, и от переразвитых американцев, помешанных на здоровом образе жизни и разжиревающих на правильных диетах.

– Возможно-возможно. Как говорил твой мастер на актёрском мастерстве... – Она выждала, сигнально приподняв бровки, и мы дуэтом закончили заезженную в качестве цитаты крылатую фразу одного из лучших моих педагогов:

– Всё возможно на этой Земле под этим Солнцем.

Я не сдержался и добавил экзистенциально:

– Ур-ра-а, товарищи!!!

– Не ори! Ты мне вот что объясни, – спросила она едва ли не равнодушно, давно занимаясь варкой спагетти. – И поубедительней, пожалуй-

ста. Ты чего это вдруг Рахманинова слушаешь и антикоммунистический агитпроп читаешь? Ты же не любишь Башкова?!

– Ну, это ты совсем напрасно говоришь так сильно, я не Башкова, я политику в поэзии и вообще в искусстве не люблю. На-ка лучше почитай. Вот это, на шестьдесят четвёртой странице.

Она читала, по праву забыв на время о варящихся рожках, а я (плакал... во, нормально?!), глядя в окно на землю, пегую снежными пятнами, нашедшими своё простое земное счастье в бескомпромиссной борьбе за существование под солнцем (и не), просто пялился в окно и курил (а просто прятал глаза, потому что на них навернулись слёзы).

– Сильное стихотворение. – Она положила книжонку на стол. – А ты не знаешь, почему он так и не уехал?

– Да откуда ж мне знать? Я с ним и знаком-то не был, не виделся (ещё) ни разу. Мне всё только обещали познакомить нас, да так и не познакомили, не исполнили (пока) обещания. – Показалось, что сказало вдруг всё это как-то неправильно, и я спешно сменил тему. – Слушай, как ты думаешь, этот подорожник на велосипеде, с собакой который, знаешь?

Она кивнула, спросила:

– Ну?

– Как ты думаешь, он все помойки в городе объезжает или выборочно?

– Да откуда ж мне знать, – начала было она.

Посмотрела в окно, где упомянутый неспросонок персонаж в мотоциклетном старинном шлеме ревущих семидесятых, обшарив мусорные баки напротив нашего хрущобного хауса и уложив что-то в приспособленную на переднее крыло некогда магазинскую металлическую корзинку квадратно-прямоугольной формы, тип которых давно вышел из употребления у нас в провинции по причине необновления парка, так сказать, как-то очень даже по-ковбойски, подобно телерекламе из «Мальборо», вскочил в седло и, послав свою крупную полудворнягу-полуколли далеко вперёд, рванул за ней вдогонку по улице в направлении, привычном нашему не однажды за ним наблюдавшему наблюдательному наблюдательскому взгляду.

– Слушай, Банан! – Дынька закончила начатое. – А представь себе, что все эти городские и пригородные баки и помойки тоже поделены на сферы влияния, а? Как площадь перед мэрией?! Как весь город?!!

– Почему бы и нет, у нашего подорожника есть преимущества. Он – на колёсах и с собакой, так что орудует наверняка в одиночку. Ты когда на работу выходишь, завтра в ночь?

– Какая работа?! Я же в отпуске по случаю похорон мужа!

– Ой-ё-о! Я и забыл совсем, что помер! – Я-то пошутил и почти смеялся, а она лишь слегка улыбнулась и успела только начать:

– Не остри так больше, ты мне обещал... – когда зазвонил телефон, и, уходя, распорядилась: – нарежь хлеба, достань кетчуп и чайник поставь. Это Славка звонит.

– Привет ему!

– Ага. – Она вышла, и я едва ли услышал из прихожей:

– Привет, Неважно Какик! Нет-нет, пока не съехала. Ты только не падай, пожалуйста, а то шнур порвёшь, как тогда с папой расплачиваться будешь...

И так далее и тому подобное, я сменил кассету, отслушав могучую ностальжи а-ля рюсс, и, когда Дынька вернулась, спросил во весь голос, надеясь, безусловно, на лучшее:

– Ну как?

– Летит на крыльях. Обещал тебе морду набить.

– О, ёлки-палки! Дынь!!! А где у нас маска?

– Какая маска?

– Вратарская – проволочная сеточка со шлемом вместе. Я её наде- ну, чтобы он мне лицо на радостях не попортил, а?

– Неплохо придумано, кажется, я её недавно в кладовке в коридоре видела. Но это было так давно!

– А ты хоть догадываешься, почему этот негодяй хочет непременно набить мне морду?

– Почему?

– Потому, что тайно и явно, давно и неизлечимо вышеозначенный негодяй влюблён в тебя, и, воскреснув, я обломал все его далеко вперёд смотрящие радужные планы и надежды.

– Это ты – негодяй! Завтра, между прочим, в газете будет напечатан некролог с фотографией и стишком, написанный, между прочим, твоим другом...

– Друзья познаются в бидэ, а он...

– ...так что готовься: нужно сегодня же идти к родителям и созна- ваться. Откладывать больше некуда.

– Дынь, ну, зачем ты мне об этом напоминаешь, злодейка? И без того уже на душе муторно. – Я вновь закурил, не понимая, зачем я делаю это так часто. Мозги разламывались малочегохорошегообещающи- ми закато-раскатами где-то вдоль и около горизонта, не мешая при том странному ощущению некой гнетущей свободы выбора как в теле, так и в душе. – Я боюсь, что они не поймут меня.

– Ну, ты же сумел меня убедить, теперь вот займись родителями...

– Давай замнём, не угнетай меня раньше времени. А тебе на кре- мации присутствовать обязательно?

– А как же иначе? Так принято, это ведь вместо похорон. Должны же они кому-нибудь отдать в руки урну с прахом великого...

– Да, урну с прахом великого Арбуза. Великого провинциального арбуза.

– Почему – арбуза, когда банана?!

– Я оговорился. Конечно же, банана. Да, Банана. Дашенька! Так и не уехавшего на свой Лазурный Берег.

– Ты зачем так часто куришь?

– Разве?

– Да, часто, говорю тебе!

– Не знаю. Извини. Детективная задачка тут одна всё никак не ре- шается. Ты не помнишь у меня такого вот стихотворения? – По привычке брезгливо взяв жёлтый листок бумаги за уголок, я отдал его самой близ- кой в плане интимности взаимоотношений критикессе. – И это даже не само стихотворение, понимаешь, а шифр, который я почему-то никак не могу ни вспомнить, ни разгадать заново.

Почти не вчитываясь, она пробежала листок глазами:

– С тех пор, как ты завязал с математикой...

– Уй-йю-о! Далась вам всем эта долбаная математика! – Я чуть не взбесился.

– Слушай, когда тебе ещё что-то говорят, и не перебивай! С тех пор ты ничего подобного не писал. Разве что «КрондельФаг», но в нём и на дух нет никакой математики...

– Вот это ты Арбузу скажи, мне он почему-то не желает верить, хо- тя сам тоже...

– После твоей нынешней шуточки тебе вообще никто и никогда больше не поверит, даже если ты скажешь всего лишь, что дважды два – четыре. Да, кстати, об этих твоих четырёх какашках. Сколько в

твоём стихотворении было... этих, ну? как у вас там куплет называется?

– Строфа.

– Да. Так сколько в твоём стихотворении было строк?

Мне почему-то захотелось сопротивляться, не знаю, почему, но знаю точно, что захотелось не зря, бывает у меня такое чувство в безоблачные жаркие дни, когда, казалось бы, ничто не предвещает ничего такого, что нарушило бы картину цветущей мировой гармонии в отдельно взятой местности при почти полном отсутствии человеческих особей, и чувство это предшествует, как уже, наверное, догадался проницательный читатель, атмосферному явлению типов: «гроза», «ураган», «буря», «цунами», «смерч», «тайфун», «шторм» и тому подобным мерзостям, иногда ещё случающимся в нашей преобразуемой трудовым человечеством природе...

– Мне кажется, дорогая, это я должен задавать вопросы.

– Ты вообще не умеешь мыслить логически. Подумай сам, возможно ли при этом суметь задать нужный вопрос? Сколько было строк, я тебя спрашиваю?!

– Сколько-сколько! Я не помню. Две. Две строфы было, – Я совершенно неожиданно ответил и понял тут же, что зря вспомнил про количество строк, но было поздно что-либо менять или прятать.

От кого прятать, кстати? От неё ли? Со вздохом снисхождения вручила мне лист, заметно, ещё заметнее, окончательно потеряв к нему всякий интерес, и посоветовала:

– Читай через строку.

– Как?!

– Через строчку.

– Как просто. – Я разочаровался и ироничен вслух оказался как никогда, но про себя подумал скромно и почти безэмоционально: «Н-ну!»

И что же мне теперь делать? Что мне теперь делать с этим, как я уже повторял не однажды, дерьмом?! Что теперь??? Хотел ли я разгадки? Оказывается, я так надеялся на неудачу собственных поисков, подтверждая чей-то странный отложившийся в мозгу принцип: важен не результат, а сам процесс его достижения. При сём не важно, с каким результатом; но вслух я прямо-таки излился дождём благодарностей:

– Возможно, вполне возможно, что так оно и есть. А ещё возможно, что и так тоже получится какая-нибудь дребедень... То есть авангард, я хотел сказать. Авангард, – успокаивая непонятно кого, повторил я.

Или, наверное, мне не нравится вермишель, или когда меня загоняют в угол. Почему же вдруг я в очередной раз, как много и много очередных разов до этого, попал в парашу – очередную и, как ни странно, вне очереди, то есть с опережением графика дежурств? Да потому, сказал я себе в очередной раз, как много и много очередных разов до этого раза, в очередной раз снова получив урок... ну, скажем, не такой жестокий, какими нас балует тиче Жизнь... но я ведь почти уверен, что и сегодня что-то в очередной раз прошло мимо, возможно, большое и важное, нет, это уж точно – большое и не только важное, а и просто жизненно необходимое, как что-нибудь вроде воды, воздуха или сигарет... и я просто в очередной раз, как много и много раз до этого, не усвоил материала. Да я же просто по необъяснимой причине или вообще без какой-либо её бросился вдруг заниматься не своим делом, а совсем даже противоположным: вместо того чтобы скрываться и обманывать, манипулируя, создавая, воображаемой реальностью, и выдавать её за натуральную, я начал эту реальность разоблачать, тем самым будто лишал себя самой кожи, органов, костей и так далее...

Я сам открыл дверь Славику и разочаровался в том, что первое бросилось мне в глаза: это был не сокрушительный прямой правой – кулаком, сжатым для смертоубийства или послабже, а всего лишь – искренне влажный, ныне настроенный на катастрофический альтруизм, эгоистически-ясный взгляд моего друга. Мы крепко обнялись, он – значительно крепче, чем я, истолковавший это как истинно мужские объятия после романтически-долгой-долгой разлуки в ледовых днах тропического каньона, когда один из нас, то есть я-то знаю, что ничего страш... ш-ш-ш-шнох-хо... а другой? Вот с ним, с другим, с другом, сложнее. Уколовшись об обычную для него щетину, пропахшую моим дешёвым и вонючим табаком, его не менее дешёвым и вонючим потом, нашим с Дынькой всегда импортно-цейлонским чаем и дымом костров поисковых экспедиций, обшаривших весь насущный мир, и успев подумать вполне безалаберно, как должна быть неприятна эта его небритость а-ля Кэмел случайным в дорогах подругам дней суровых, я шепнул трагически-виновато – что есть мочи:

– Извини меня... Славик, пожалуйста, извини меня.

Он ещё крепче обжал моё ставшее вдруг щедродушным тело, сглотнул. Никогда ещё не доводилось подозревать в нём, не менее щедродушном, чем я, такой медвежье-геологской хватки! И впрямь чудеса...

– Ничего, уже ничего, Бананчик, отошло, улеглося всё. Прошло и пожалуй что. С возвращением тебя, дорогой мой. Я так рад, так рад, что ты... – Он поперхнулся и отодвинулся. – Надо же, вчера меня так окончательно и бесповоротно убедили, что ты мёртв, я уже, понимаешь, вот даже Даше по телефону сегодня вот поверил с трудом и не сразу. Думал, у неё, понимаешь, крыша съехала, боялся, будь оно неладно, что еду для того только сюда вот, чтоб дурку скорую вызвать.

Кажется, я и вправду воскрес. Может, и не жил никогда? Куда уж дальше воскресать, странное чувство для того, кто и не умирал ещё ни разу в жизни. Мне всё ещё трудным оставалось понять Неважно Каковы чувства, и, боясь ещё раз обидеть его, наверное, потому что уже обидел раз... да нет же, почему это? Скажите-ка на милость, чем обидел?! Тем, что воскрес, или тем, что взаправду не умер, так, что ли?! Да ведь я так плохо не могу думать о лучшем друге, искренне люблю которого. Когда мы пришли в кухню, Дашка курила, заняв моё место около окна и глядя на улицу сквозь чуть подмёрзшие по углам внешние стёкла. Арбуз сел на обычное своё место – спиной к холодильнику – на табуретку, отстоящую от стола, и привычно потянулся к лежащей на нём под настольной лампой пачке сигарет. Закуривая, заговорил, не глядя уже в мою сторону:

– Дыня, честно говоря... Дыня!

– Да, я слушаю тебя, Арбузик. Говори.

– Честно говоря, я ведь, грешным делом, когда ты позвонила, подумал, что ты того – съехала. Если б вы знали сейчас, какой у меня камень сейчас свалился. («Лишь бы не на ноги», – пошутила Дынька.) Не знаете. Я вчера себя едва сдерживал, едва удержался, хорошо, что пришлось побегать, а то бы я в пике ушёл бы. Хотя я и так, если б ты не воскрес, всё равно послезавтра на поминках надрался бы, как кролик, и пошёл бы кого-нибудь замочить.

Это было что-то новенькое в репертуаре кайфующе-застарелого пацифиста, каким мы его знали все эти годы, разбуженное, видимо, именно моей смертью, и Дынька поинтересовалась с большим сомнением, опередив меня, всё ещё очарованно-тормозящего:

– Это ты-то? Замочить?! И кого же?!!

– Не знаю. Кого-нибудь, чья рожа макияжу попросит. Банан, мне тут по знакомству... вернее, там по знакомству сувенир пообещали после закрытия дела о несчастном случае: пулю, убившую моего лучшего друга.

– Слушай, Арбузище, её всё равно надо будет забрать. – Я просто воспылал этой страстью, не оттого, конечно же, что она, гадкая такая, меня убила, сволочь подлая, тем более что и убила-то она не меня, а даже совсем не так. – Мне нужен этот сувенир.

– А я тебе её не отдам.

– Это почему же?

– Потому что она убила моего лучшего друга, а не твоего, понял?

– Откуда ты знаешь, кого она убила?

– А ты знаешь, да?

– Всё равно. Я просто хочу подержать её в руках.

– Я же сказал, обещали. Отдадут, не отдадут – не знаю. Тем более, после того, как ты воскреснешь. Лучше скажи-ка мне, а для остальных ты долго ещё будешь ломать трагедию? – Взгляд его упал случайно на листок на столе, и он случайно взял его. – Тебе родителей не жалко?

Возжелав спонтанно поиздеваться на впервые и так вдруг неожиданно в устной речи выявившимися у него сыновними сантиментами, зная, что та часть его души, которая предназначена для любви к отцу, живёт очень странно-напряжённой жизнью на грани окончательной смерти, я ответил, жестоко имитируя чёрствость с душком мыльной оперетточности:

– Жалко, да. А что делать? Искусство, оно, знаешь ли – знаешь, а? – оно требует жертв, народ должен верить в гибель своего героя, своего гения, не успевшего к случаю своего двадцативосьмилетия, к величайшей печали как земляков, так и соотечественников, воздвигнуть свой нерукотворный памятник, хотя и делал всё зависящее от него. Пусть все искупаются по горло в чувстве собственной вины. Это полезно и, как правило, не слишком смертельно. Иногда даже заканчивается переменами к лучшему. Родительские слёзы должны быть самыми достоверными из всех слёз, присутствующих на панихиде и на кремации. А как же иначе? Или ты не согласен со мной совсем?

Неважно Как растерянно пожал плечами и спросил у Дыньки, переводящей недоумённый взгляд обожаемых и мною, и им глаз то с меня на него, то – обратно. Похоже, я сыграл крутовато, он спросил:

– Дарья, он это серьёзно?

– А хрен его знает, ты у него спроси.

– А он не обманет?

– Не знаю, он в последние дни поднаторел в разного рода мистификациях, ты не находишь? Где мне, глупой женщине, понять его умные

замыслы? – Она сердито посмотрела на меня, по-прежнему стоящего почти в дверях. – Ты что торчишь-то, как часовой у Мавзолея? Сядь и отвечай на вопросы, когда тебя ими спрашивают!

Я сел, включил подаренную мне мамой по причине моего еженощного писательства настольную лампу – несмотря на ясный день за окном, заинтриговав их, и направил её свет себе в харю. Идиот! Надо сознаться сразу, пренеприятнейшее ощущение – этот ваш детектор лжи, даже такой примитивный; так что, сглотнув, я едва смог выдать из себя:

– Я готов... спра... спрашивайте, пожа... луста...

Они уставились на меня, как на воскресшего Солоницына, посчитав, видимо, что я окончательно заигрался и уже перегибаю палку. Первым от сиюминутного минутного затишья, жуткого своей сущностью – повисшей будто навечно тишиной, опомнился Арбуз.

– Ладно. Замяли. Для ясности, – сказал он раздельно, отчеканив слова, как шаги перед расстрелом. Уточняю, перед показательным расстрелом. – Вернёмся к этому после. Дыня Хурмовишна, возьмите лист. Стенографируйте.

Он положил перед ней листок, который вертел в руках, только – обратной стороной кверху, а не той, что уже была исписана мною, и, дождавшись готовности моей супруги, деловито начал допрос:

– Зачем вам, Банан Тростникович, понадобилось вводить в заблуждение правоохранительные органы внутренних дел?

Я растерялся:

– Об органах я вообще не думал.

– А надо бы. О нас, как о смерти, нужно помнить всегда. О чём же вы думали?

– Только о себе. – Я собрался с духом и сделал отрешённо-гордое лицо, примерно такое, каким представлял себе лица всяческих романтических героев (литературных, разумеется) прошедшего девяносто пять лет назад столетия. – Странная и страшная мысль сымитировать собственную смерть давно терзала воображение моего горячечно мыслящего разума и расхристывала в жалкие клочки мои чистые честлюбивые чувства, господин-товарищ следователь. Возможно, вы сочтёте меня безусловно сумасшедшим, но я хотел... Да, я всегда, сколько себя помню, хотел испытать истинность тех чувств ко мне, которые имел честь вызывать в моих друзьях, родственниках, близких и дальних знакомых и незнакомых. С огромными душевными затратами, растратами и утрата-

ми размышляя по сему поводу, я понял однажды, что отношения ко мне многих и очень многих людей я так и не знал по-настоящему никогда. Кроме этого чисто эготического аспекта моих исканий, мною руководило знание своего духовного несовершенства, и я возжелал предпринять отчаянную попытку совместить собственное своё мнение о себе самом с тем, с чем, как мне думается...

– Ближе к делу, говорите только о том, – Неважно Как, оборвав меня, грубо выпустил изо рта в сторону моего открытого от растерянности рта изрядную порцию дешёвого вонючего дыма моих сигарет, пока ещё не заправленного перегаром, но готовящегося стать таковым, пото-му что в ванной комнате, в умывальнике под холодной струёй воды из крана, стояла принесённая следователем бутылка. – И только о том, что является настоящим обоснованием вашего кощунственно-аморального и антиобщественного поступка. Я вам, Батат Лианович, не Зигмунд Фрейд какой-нибудь, чтоб выслушивать слезливые поэтические бредни. Меня интересуют вполне материальные причины вашего преступления.

– Вот ты завернул, Ар...

– Без панибратства, гражданин подследственный. Отвечайте на поставленный вопрос.

– Ну, хорошо-хорошо, на какой вопрос? Извините, не знаю теперь, как вас теперь...

– Для следствия – не важно, как. Отвечайте.

– На какой вопрос, господин-товарищ следователь Неважно Как?

– Объясняю по слогам: ме-ня ин-те-ре-су-ют впол-не ма-те-ри-аль-ны-е при-чи-ны ва-ше-го прес-туп-ле-ни-я.

– Что вы и-ме-е-те в ви-ду?

– Где паспорт жертвы? – сразу спросил он.

– Не знаю, – сразу ответил я, не менее сразу внутренне похолодев.

– Какой же дурак в лес с паспортом пойдёт?

– А с чего это вы взяли, что он сам припёрся в лес, а не был туда привезён и выброшен уже в виде трупа? Но ведь возможно, что и живым?! И не был ли он убит там, на месте уже нового – вашего – преступления?! И почему бы, собственно, и не вами? Между прочим, а? К вопросу о вашем алиби на момент убийства нам ещё придётся вернуться после получения итогов экспертизы. Обязательно, невзирая ни на что, даже на сами эти результаты. А сейчас я готов проработать вашу насквозь гнилую версию. Итак, деньги, документы, драгоценности?

– Нет, у него не было ничего такого особенного, только... – я осёлкся, дурак, – вот часы. Вот они, но ведь я честно обменялся с ним, когда переодевал его.

– Где одежда? Что на нём было? Неужели на обгоревшем трупe могла сохраниться одежда, достаточная, как говорите, чтобы в ней можно было вернуться в город?

– Я возвращался поздним вечером, и это была одежда с не обгоревшего ещё трупа...

– Автобусом? Или пешком – по морозцу-то?

– Хватит, Слава!!! – Я трахнул по лампе так, что лампочка внутри разбилась. – Давай нормально поговорим друг с другом, как друг с другом, а не как недруг с недругом.

– Давай, – спокойно и совершенно тихо согласился он. – Тебе трудно придётся, когда явишься к ним с повинной.

– Лампочку разбил, – чуть не плача, испуганно прошептала Дынюшка.

– Кстати, о банановых семечках. – Арбуз брезгливо, за уголок перевернул испещрившийся стенографически непонятными каракулями листок и подвинул ко мне. – Сколько там было строф?

– Две, – автоматически и обречённо сознавая собственную обречённость, ответил я.

– Значит, читай через строчку, Пифагор.

– Смени тон, Арбуз, пожалуйста! – попросила, тронув его за руку моя жена. – Ты так мне не нравишься такой!

– И мне, – добавил я.

Иногда я не могу понять тона моей супруги, мне кажется порой, и в последнее время – всё чаще и чаще, что она основательно порой перегибает палку, то ли выказывая всю бессовестность отсутствия чувства меры, то ли...

– Я и сам себе сейчас не нравлюсь. Давайте лучше-ка водки выпьем.

– Нам ещё к родителям сегодня. Мы хотим их предупредить про завтрашний некролог. И вообще – рассказать всё.

– Ну, слава Богу. По такому-то поводу точно выпить надо. Да и для храбрости, так сказать, а?

Наконец-то я дождался, что мы остались вдвоём с Неважно Каким, приходящимся мне арбузом формации эготического эвристицизма, а не каким-нибудь беспризорным камышом с улицы Вязов; это случилось по-

тому, что Дынька пошла в большую комнату, чтобы там с балкона достать квашеной капусты на закуску, и я торопился, зная, что она ушла ненадолго:

– Нужна твоя помощь. Отказаться не имеешь права.

– Имею.

– Не имеешь.

– Имею.

– Хорошо, право имеешь, но прошу, не спеши им воспользоваться.

Ладно?

– В чём дело?

– Нужно позвонить моим родителям от магазина, там есть таксофон, через полчаса... ну, или через час после того, как мы войдём туда, и вызвать меня по очень срочному делу. Так, чтоб ни родители, ни Дынька не возразили.

– Так, ты уже увливаешь от признания родителям? – хмуро заинтересовался друг.

– От признания – нет, не увливаю, а от лишних и долгих разговоров, чреватых развитием в ссору, – да. – Тут послышалось приближение жены в виде звука приближающихся шагов, и я съехал на другие рельсы.

– Ты Башкова в последний раз давно видел?

– Ха, ты так спрашиваешь, что можно подумать, будто мы – прямо лучшие друзья, не меньше, как мы с тобой.

– Прямо так и спрашиваю, потому что ты ведь говорил, что Киви вас с ним познакомил.

– Да, познакомил. Две недели назад, и это была пока единственная и последняя, кстати, встреча. Башков собирался кому-то камин класть, обещал после этого мне позвонить, только вот я никак не дождусь звонка. В запое, наверное, с большого заработка-то.

– И не дождёшься, в таком случае. В общем, я тоже буду ждать. – Он открыл было рот, чего-то будто недопоняв, кажется, но я жестом остановил его. – Давайте выпьем за моё воскрешение. У меня созрел тост. Значит, так. Я понял, находясь в свете происходящих событий, что родиться заново, родиться иначе, чем получилось это в первый раз, и воскреснуть из мёртвых – это две совершенно разные вещи, и путать их между собою нельзя, как бы назойливо этого ни хотелось, а тем паче – подменять одно другим, ибо...

Я остановился, как некто, ожидая последствий своего «ибо», ибо тоста у меня, когда я его объявлял, конечно же, далеко не было,

как, впрочем, всегда, когда я объявляю тост. Со мной всегда так: я не люблю произносить тщательно заготовленные речи и спички, от которых пахнет печальными помидорами, но всегда, начиная говорить, если уж взялся за это кровавое дело, полное невзгод и лишений, то – договариваю до конца каких-нибудь шпильки или шпиля. Вот и сейчас, уловив сошествие на меня благодати вдохновения, я не преминул поставить на положенное ему место восклицательный знак:

– Ибо! – Тогда, не вспомнив совершенно, что где-то и когда-то в литературе это уже случилось, мы приподняли в приступе безумной любви друг к другу и к самим себе в частности до краёв налитые стопки и залпами выпили до... днов? дон? дней? ну, в натуре, ты и могуч, мой великий и русский!

Дынька закашлялась, как всегда, когда совершает подобный подобный подвигу опыт возлияния крепкого напитка внутрь, это крест у нея таковой есть: выпивая полные сто грамм, обязательно поперхнуться. От отсутствия наличия опыта, наверное, что хорошо только, отмечаю я про себя – про неё, него... ну, и про тебя тоже, как всегда и с гордостью. Вновь закуривая, Неважно Как спросил:

– И как же ты сейчас? Нашёл то, чего искал?

– Пока не знаю, – честно ответил я. – Даже не знаю и придумать не могу, когда закончится это двойственное существование: наверное, я был бы счастлив...

Тут я почувствовал, что снова запутался как в словах, произносимых вслух, так и в мыслях, вяло и жирно ворочающихся в мозгу, – как в том, так же, как и в другом, неумном, несильном, невнятном даже... и замолк, глядя на часы супруги, в моих давно уже села батарейка, а новой всё никак не может мне попасться...

– Не знаю, извините меня. Давайте ещё выпьем. – Выждав приличные тридцать секунд вполне театральной паузы, я вновь наполнил нам со Славкой, а Дынька же, опередив меня, накрыла свою стопку ладонью, за что я ей остался сугубо и крепко, как водка, благодарен.

Она же строго предупредила:

– Это пока последняя. Остальное допьёте потом, ладно, ребята, фрукты-овощи, а?

– Когда потом? – я испугался, что она слышала наш приватный разговор.

– Пусть Арбуз придёт к нам где-нибудь после девяти, когда мы уже вернёмся?

Арбуз, тоже почему-то порядком испугавшийся, перевёл свой взгляд с неё на меня и согласился:

– Ладно. Приду в девять. Придётся снова привыкать к этому вот препятствию нашего с тобой романа, Дынюша.

Я встрял:

– Хорошо, Неважно Какик, уговорил. Я всё равно умру раньше вас обоих и, если вы не будете возражать, могу завещать свою вдову своему другу в качестве наследства. Не будете возражать?

Он сделал наивнейше и самодовольнейше счастливый вид:

– Я не буду. – И скромно потупил глаза, для чего-то ещё и сглотнув.

А она подмигнула почему-то ему, а не мне:

– Когда Банан заработает кучу денег, вывезет нас с тобой на Лазурный Берег и наконец надоест, не забыв, однако, черкнуть своё завещание, чему надо будет не забыть посодействовать, мы просто уберём его с пути нашей с тобой любви, Арбузик. Как ты на это смотришь?

– Целиком и полностью.

Иногда я не могу понять, как ни стараюсь, тона моей супруги, мне кажется порой, и в последнее время – всё чаще и чаще, что она основательно порой перегибает палку, то ли высказывая бессовестно отсутствие чувства меры, то ли за какие-то мои неведомые мне же грехи (не уверен я, существуют ли таковые в природе, неужто ж и я грешен?!!) пытаюсь наказать меня. Наверное, я излишне ревниво люблю её, совсем избаловал, что ли? Славик всё сделал как нужно, избавив от весьма острого столкновения с родителями, и, уходя от них, я извинился шёпотом – в прихожей – перед Дашкой.

Она в ответ жестоко и незаметно для них саданула мне кулаком под дых и, поцеловав, смахнула с глаз моих непрошено выступившие слёзы:

– Ладно, вали домой, засранец, я, наверное, тоже скоро приду.

Внизу, далеко не конспиративно, а совсем даже близко от подъезда, меня ждал курящий какую-то с фильтром сигарету Славик:

– Ну, как?

– Нормально, Дынька их доломает. Ты принёс?

Но он не ответил, спросил насущное:

– Куда сейчас идём? – Поёжился, одетый легковато не в сезон.

– Домой. – ответил я однословно и снова спросил насущное: – Ты принёс?

– Да, – ответил он односложно и тоже сразу спросил про насущное: – Зачем тебе грим? Ты им и пользоваться-то не умеешь.

– Но ты-то умеешь. – Мой довод мог бы оказаться и круто убедительным, но...

– Я-то умею, но с чего это ты вдруг решил, что я тебе помогу?

– Угости.

– Я стрельнул.

– Дай докурить.

– Поздно.

– Вижу, что поздно.

Шли не останавливаясь, я не хотел посвящать его во все свои планы, но сейчас почувствовал безумно редкое нечто, на грани невозможного: безграничное терпение моего друга, которое посторонние склонны всегда считать равнодушием, обнаружило вдруг свои пределы, поставив меня перед очередной дилеммой истинно свободного выбора: либо я ничего не делаю и подписываюсь под сакраментальным признанием, что я дерьмо обыкновенное, потому что без его умения ничего у меня не получится, либо я всё чистосердечно рассказываю, вписывая его в соучастники (тоже как-то говнисто получается). Почти не колеблясь (а если это отпечатать вот так: Коле – Блясь!), я выбрал второе, если он так рвётся, в моей безвыходной ситуации это вполне оправданно и простительно.

– Для обоснования ненапрасности моего существования на Земле под флагами чистого искусства мне просто необходимо убить одного негодяя, недостойного жизни...

– Совсем съехал. – Не остановившись даже, постановил свой гениально-пронзительный диагноз светило отечественной психиатрической науки доктор Арбуз Неважно Как.

Ганасюк заглушил свой «форд», купленный на зависть всей братве совсем недавно, и подумал, сидя в ватной тишине салона, что надо бы ещё и ворота в гараж сделать по-модному автоматическими, управляемыми дистанционки, и тогда он ещё на один шаг приблизится к счастью.

Возможно, он думал другими словами и мыслями, но автор, извиняясь перед читателем, сознаётся в недостаточно близком знании этого

типа людей, чтобы понимать и знать тип ихнего сугубого мышления. Позволительно и желательно считать выписанные здесь и далее мысли, чувства и слова вышеобозначившегося персонажа переводом с одного русского на другой русский язык, облагороженным по мере возможностей в соответствии с типом мышления переводчика, у которого слов и мыслей, типически характеризующих персонаж, может, и нет таких, дабы обеспечили адекватность изображения образцу, но в наличии – стремление видеть даже в плохом герое нечто хорошее, хотя бы это была тоска; и тогда она является последним шансом автора отстоять в существующем ныне так, а не иначе, мире хоть какую-то едва возможную надежду на справедливость, обречённо выдавая желаемое за действительность, до ломоты в спине и рези в глазах выискивая в итоговом продукте человеческой пищеварительной жизнедеятельности фантастически невозможные бисеринки жемчуга. И чем их меньше на этой страшной территории, тем они драгоценнее, не так ли? А если так, то...

Ганасюк вышел из машины, осторожно закрыв дверь, и направился к освещаемому фарами «форда» створу ворот. Закрыв их, водрузил в качестве засова на крюки в стенах и на полотнах дверей крестовину, сваренную из двух трёхметровых обрезков рельса, почитая это действие ежедневнообязательным тяжелоатлетическим упражнением, бодрящим здоровое тело и здоровый дух и необходимым для поддержания хорошей физической формы. Переводя здоровый дух, этот, с ироничного позволения сказать, экскаватор развернулся к мордашке нового своего симпатичного дружка, с любовью глядя в горящие ответным, как, наверное, хотелось бы ему, если могло бы, чувством глаза, немного отошёл в сторону, чтоб не слепило, и вновь остановился, вновь продолжая, как дней уже десять подряд, любоваться автомобилем, вынужденно расставаясь с ним на ночь. Ночью надо спать, треть жизни уходит коту под хвост, подумал он, с пульта – всего-то брелока на ключе зажигания – блокируя замки в дверях, слушая в едва шуршащей тишине снаружи – беззвучным снегом – щелчки сработавших механизмов, а ещё бывает, всякие кошмары снятся или идиотский бред вроде фильмов этого, ну, не важно как, Бандюэля, что ли. Со вздохом он выключил фары и остался в темноте, аккуратно, как консервная банка при помощи электрооткрывалки, взрезанной прямоугольником жёлтого света из двери, ведущей в дом. Впрочем, и этот свет падал на ласковую лаковую поверхность «форда» – очередного вполне материально ощутимого шага в рай. Войдя

в дом, шествуя неторопливо и вяло, хозяин отмечал свой фарватер включением повсюду света, и дом оживал, приняв его в себя.

Как хорошо, что здесь можно ничуть вне зависимости от центрального отопления прожить всю зиму – в доме просторном и почти идеально уже обустроенном, а не в этой тесной городской четырёхкомнатной крысиной норе. Одиночество? Оно не пугает его, нужны ли друзья тому, кому друзья не нужны? Безусловно, нет, потому что он – Одинокий Волк. Когда это случайно услышанное чуть ли не по радио крутое словосочетание он решил привязать к себе, он теперь не помнил точно, но факт неумолим: прозвище приклеилось, в обиходе ежедневного общения упростились до Волка, но за глаза – из уважения к нему, и он это знал точно, ему докладывали о том, а также и на пьянках, когда требовал не то чтобы очень особенного, но обыденного почтения, звучало всё-таки полностью. Во всей красе, думалось красиво.

Одинокий Волк заработал свою сладкую жизнь и даже отстоял свободу, что не могло случиться одно без другого: блаженная сладость бытия была частью свободы, её неизменным атрибутом, так же, как абсолютная свобода самовоплощения была частью сладости. До покоя оставалось рукой подать, до счастья – ещё ближе, ну а радости и удачи сами так и пёрли в руки. Во взаимопроникновении всё это было достигнуто и всё ещё продолжало пополняться недостающими по незнанию или забывчивости компонентами, ширилось и расцветало не только с помощью денег. Ганасюк упал в кресло и жестом, который начал становиться привычкой, положил ладонь на дистанционку видака, лежащую на столике по правую руку, и удивился, найдя там другое. Поднял и поднёс к глазам: дешёвая книжонка с именем-фамилией на обложке, названием телепередачи и рисунком, изображающим решётку в три на три прута со вцепившимися в них руками – на фоне красного квадрата. Пожав плечами в ответ кому-то, кто будто поинтересовался, Одинокий Волк перевернул первую страницу обложки и увидел на фотографии лицо давешнего печника.

– Он ещё и поэт, – сама собой прозвучала в тихой комнате констатация факта. – Станислав Башков его звали. Вот, дружок, и познакомились.

Волк хотел сразу, не вставая из кресла, запустить книжкой в камин, чтобы потом использовать при растопке, но странным показалось, что он её раньше не заметил, ведь прошло уже пять с лихом дней с того вечера, когда пришлось по причине окончания работ и расчёта поить этого алко-

голика вот за этим столиком, перед сделанным им же камином, но ведь он тогда даже не заикнулся, что стишками балуется... и книги не дарил он ему, ни просто даже не показывал... из случайно открытой на предисловии книги глаза сами собой выцепили фразу: «Внимание творчеству поэта уделили эмигрантские издания: «Новейший русский менталитет» (Нью-Йорк), «Славянская дума» (Париж), «Большая перемена!» (Оксфорд). Радиостанция «Голос Свободы» назвала нашего земляка одним из ярких поэтов демократического движения России». Так он ещё и богатенький буратино был, гадёныш, значит, совсем уже спился здесь, всё пропил, раз дела его были так плохи, как выглядели. Хорошо ещё, что подозрительно подрагивающие руки сумели всё-таки выложить такой крутой, под стать крутизне хозяина, камин. От мыслей о назойливом печнике, стрёмной тенью ушедшем из его жизни мимо, назойливо оставившем ему свою дурацкую книжонку, наверняка в качестве «воспитательного подарка» какого-нибудь, Ганасюка, не успевшего даже досадливо изобразить сплёвывание сквозь зубы, отвлёт звук; громкий, но короткий настолько, что невозможно было, тут же пытаясь вспомнить его, понять: что ж это было?

– Упало что-то. – Он бросил книжку обратно на стол и забыл о ней, вставая и направляясь в кухню.

Включив свет, он внимательно оглядел приятную глазу роскошь это-го, казалось бы, хозяйственного помещения. Всё было на месте, то есть ничего куда не вывалилось откуда-нибудь, всё оставалось в шкафиках, шкафах, за дверцами и задвижками, в столах и в их ящиках. Не стоило заглядывать куда бы то ни было внутрь, чтобы убедиться, что там всё на местах. Там-то уж всё точно подогнано, всё разложено и развешено. Падать и греметь здесь просто нечему, он погасил свет и пошёл проверять туалет и ванную, заодно – и кладовку. Порядок везде оставался образцовым, как в любом нежилом доме, а Ганасюк здесь, по большому счёту, в своём большом новом доме, и не жил ещё по-настоящему. Ничто не зацепило взгляда несоответствием его представлению о счастье, разве что немного портил общий вид появившийся лёгкий налёт пыли. Надо всего лишь или вызвать какую-нибудь машку на раз, чтоб и хозяйством поигралась, и потрахаться была не прочь. Или всё-таки придётся нанять домработницу; интересно, почём обходится нынче домработница? А может, и вовсе домохозяйку себе завести... женившись то есть? Судить по летам, так давно пора уже и сопливых иметь, да не хочется что-то. А жена, та осчастливленная золушка, пусть себе вкалывает по дому, пусть

себе мечтает о какой-то там любви. Размышлять на эту, пусть злободневную, но стрёмную тему быстро расхотелось. Почти сразу. К тому же, чтоб осмотр первого этажа довести до логического конца, пришлось вернуться в гараж, воспользовавшись этим как предлогом ещё раз взглянуть на красавец-«форд». Войдя и автоматически сунув руку в карман брюк, Ганасюк обнаружил, что брюк-то и нету: он уже переоделся в трико и футболку. Значит, нет с собой и ключа с брелоком – лишней возможности побаловаться с автомобилем, это будто даже и огорчило слегка, пришлось воспользоваться вновь обыкновенным домашним электричеством в пятидесятиваттных лампочках. Здесь тоже абсолютно всё было нормально: от запасной автомагнитолы на угловой полке слева до канистры с маслом в противоположном углу и лежащей на ней ветоши. Так, как оставил, когда уходил. Щёлкнув выключателем, он вновь услышал звук.

Был ли это тот же звук или какой-то другой, на этот раз услышалось, кажется, что-то не очень громкое – деревянное об деревянное как будто бы. Ганасюк поспешил и остановился уже возле лестницы в большой прихожей – человек на пятьдесят, как он не переставал и не перестанет гордиться, решая, подняться ли наверх или проверить зал, пребывая в котором впервые услышал этот ёканный шум? Если это какая-нибудь кошка... хотя откуда ей взяться? Выбор пал на второй этаж – осмотреть то, куда вечером пока ещё не заглядывал за ненадобностью: спальни. Их четыре – просторные комнаты с окнами минимум на две стороны света каждая. Ничто и нигде не было тронуту, мебель в трёх из них по-прежнему оставалась зачехлённой, а как же иначе? Постель его в сейчас выбранной для обитания спальне тоже была не тронута: вчера он уснул, сидя в кресле перед телевизором, вытянув ноги, отчего они поутру трещали как ненормальные.

Когда раздался новый звук, он вздрогнул, поймав себя на мысли, что ждал его. Снизу, как будто монеткой по оконному стеклу, как в уличном таксофоне – кто-нибудь из очереди снаружи. Плоский, сухой, неритмичный стук, три раза. А не показалось ли??? Не глюк ли это? Слишком резок контраст с тишиной, наполняющей дом чуть-чуть более вязким, чем обычно, ожиданием... да нужно просто телевизор включить, спускаясь в зал, думал он, шаря в кармане халата в поисках сигарет, лежащих-то... ёшь твою тьма... лежащих-то в джинсах. Или нет, на столе, правее пульта, почти у стены и рядом с настольной зажигалкой и пепельницей. Раздражение улеглось не сразу, когда в зале

он закурил и, повалившись в кресло, прибавил громкость беззвучно работающего телевизора. Казали какую-то хрень с музыкой, видеоклип – дёргающийся и непонятный, несмотря на его мельтешение, не музыка, конечно, но сам звук работающего телевизора, заполнив огромное пространство зала, всё-таки успокоил, как показалось. Ганасюк переключил программу, потом – ещё раз, ещё и, не удовлетворённый, захотел вернуться к тому, что было. Однако обнаружилась ещё одна, только тогда он обратил внимание на логотип в углу экрана. Ах, вот как! Поначалу работал видак. Незнакомая кассета, видимо, из тех, что ещё не успел просмотреть, с утра, значит, осталась. Ох и дрянь же всучил Свин, сноб его душу! Поморщившись, будто кто-то требовал от него такой явно видимой оценки, он засунул под правую ягодицу руку и извлёк из-под себя опять эту долбаную книженцию. Надо бы её в туалет повесить и перед достойным употреблением каждого из её листочков весьма подходящего формата прочитывать по паре стишков, злорадство собственного остроумия было столь неожиданно и велико, что он чуть не бросился сразу исполнять задуманное, но остановился:

– Ого! Слона-то я и не увидел! – Между страниц торчала что-то очень отдалённо знакомая бумажка. – Четвертной, глядь! Он ещё и купюры коллекционировал.

Банкнота легла на стол, книга, открытая на заложенной ею странице, осталась в ладони. Дурь не приходит одна, вспомнил он слышанное где-то красивое высказывание, и решил почитать. Одно стихотворение слева, другое – справа. Так что – по порядку.

ДВОЕ И ТИШИНА

Лунный свет заблестел на руке,
Прикоснувшейся к женскому лику.
И душа, как форель на песке,
Задыхаясь, забила без крика.
Без надежды на чудо, без слёз,
Призывая изгнанников рая,
Одинокие тени берёз
Потянулись по крыше сарая.
И бесшумно, как пальцы в золе,
Распахнулись небесные своды,
Ибо замерло всё на земле
Перед этим законом природы.

– И об чём это? Непонятно. Что дальше? – Он перевёл взгляд на страницу справа.

О, медлительность нашей крови!
Впрочем, это привычное дело:
Мы спешим к настоящей любви...

Что-то не так! Ага, ударение в слове «крови» надо ставить на второй слог, вот так будет:

О, медлительность нашей крови!
Впрочем, это привычное дело:
Мы спешим к настоящей любви,
А являемся к выносу тела.
И стоим, затерявшись в толпе,
И глядим с ощущением измены,
Как уносят её по тропе
Под печальные звуки Шопена.

– Чё к чему?! Я же говорил, говно всё это! – Он с непонятной злобой швырнул книжку в камин и стал смотреть издалека отсюда, из кресла, как огонь начал облизывать бумагу и как от прикосновений жаркого языка пламени она зачернела, становясь пищей; а потом Ганасюк усмехнулся, ведь эта драная поэзия всё же ухитрилась обогреть его, от мороженого, хотя бы так, чисто по жизни, превратившись в золу. – Нет, надо было всё-таки в туалете повесить...

Видеомуть, обратив внимание оставшегося без развлечения потребителя, сразу же надоела: там кого-то распинали забавные мужики в американских десантных ботинках, брюках хаки, в морских тельниках и в немецких касках времён войны, со шмайссерами в руках, при этом никто по-человечески не разговаривал, а все громко и жизнерадостно распевали песенки на английском языке. «Опять! – продолжая злиться, подумал Одинокый Волк. – Так и норовит, козёл очкастый, что-нибудь со смыслом подсунуть! Воспитатель, глядь, липучий!» Хищник вновь пробежал по каналам и остановился на «Новостях» первой программы. Что-то странное зудело в голове, как заноза в заднице, не давая покоя, тревога какая-то, что ли? – вызванная всё-таки этими дурацкими стуками. И чем-то ещё, пока ускользающим... Он пошёл на кухню – взять из холодильника пару-другую пива. Взял водки. Точнее, присланную мамой по случаю его простуды лечебную настойку чуть ли не собственного изготовления, оставалось полбутылки, как раз на вечер.

Прихватив полбатона ветчины, которую любил рвать зубами, не нарезая этих кошачьих ломтиков, Ганасюк вернулся в зал и подумал, что надо бы в стенку бар-холодильник... сразу надо было покупать стенку с баром! – пришёл он в окончательную ярость на самого себя, обнаружив элемен-тарный шаг, не сделанный в направлении абсолютного счастья.

Настойка загорчила что-то. «Может, испортилась?!» – испугался Волк и закурил тут же, стараясь вкусом сигареты перебить неприятную вязкость во рту. Христа по телику уже распяли, а потом принялись уезжать из тихого американского городка на артистических автобусах. После титров мощная волна тепла от камина благовонием залила зал, и разморённый ею человек в мягком кресле заснул, думая лениво, что: во-первых, он не включал ни телевизора, ни видеоманитофона; во-вторых, он сам не растапливал камина; в-третьих, кто-то всё время настойчиво подсовывал ему Христа на палочке вместо оставленных «Новостей», когда пошёл на кухню за пивом, а взял настойку эту хряцкую, потому что пива там, кажется, не было; в-четвёртых, книга этого пришитого шибздика, который сказал, что он – печник, и не сказал, что стихи сочиняет, оказалась в кресле... и кто-то в неё положил четвертной... все эти дурацкие звуки, хорошо, что хоть прекратились.

Громкие удары, будто дробя его вдребезги, выдирали из сна, каждый будто становился сильнее предыдущего, где-то на пятом ему удалось разодрать веки: мужик в клетчатом, когда-то приличном, а ещё когда-то – ещё и модном, сейчас же – по-бичёвски измазанном, про-стреленном на спине пиджаке люто ярил по его прекрасному, почти что драгоценному камину, разъярив почти весь уже фасад. Ничего ещё не понимая, Одинокый Волк Ганасюк с неожиданно поехавшей в головокру-жении крышей вскочил из кресла и, пошатнувшись, оттого расставив ноги пошире, прохрипел клокочущим со сна голосом:

– Ты-ы эт-та что?! – и невольно закашлялся, преодолевая одышку.

Дождавшись именно этого момента, я развернулся к нему лицом печника Башкова, оставив лом в левой руке, и, сделав шаг вперёд, в надежде, что ему не приходилось слышать голоса кричащего Башкова, заорал:

– Ты зачем книжку спалил, вахлак!!!

(Продолжение <http://www.proza.ru/07.08.2005 03:03>)

София ЗИРИНА

СКЛАДНОЙ НОЖИК

Рассказ

Уже в сумерках две подружки, Настя и Танюха, вышли из леса. Настроение было прекрасным. Прогулка по лесу удалась на славу. День был такой солнечный и тёплый, что девчонки, придя из школы, просто не смогли удержаться, чтобы не пойти в лес. И ведь не зря сходили: и нагулялись, и насмеялись вдоволь, и грибов набрали.

У Насти было полное ведро, а у Танюхи – полная корзинка и ещё узелок. Она не пожалела косынки с головы, чтобы грибы в лесу не оставлять. Да и грибы были не какие-нибудь там сыроежки, а боровички да белые. Все как на подбор, красивые, крепенькие.

Грибов в этом году уродилось много. Да и по лесу в сентябре ходить одно удовольствие, словно в сказку попадаешь. Такой красоты даже летом не увидишь! А воздух какой! Дышишь – и надышаться не можешь.

На опушке леса подружки присели передохнуть на поваленное дерево, вспомнили, как в прошлые выходные они ходили за маслятами в сосновый бор. Грибов было так много, что они не заметили, как стемнело. Через колхозное поле шли уже в полной темноте и издали услышали, как их зовут. Две женщины двигались к ним навстречу. Это их матери отправились на поиски своих пропавших дочерей, встревоженные тем, что на дворе ночь, а девчонок всё ещё нет дома. Поругали, правда, но в лес ходить не запретили. Взрослым в лес ходить некогда, а запасы на зиму всегда пригодятся.

– Танюха, – обратилась к подруге Настя, – а ведь скоро осенний бал. Учителя просили принести листья для украшения школы. Давай завтра после школы в рощу сходим?

– Давай, – согласилась Танюха. – Только деревья уж очень красивые, даже жалко такую красоту портить.

– Да разве мы испортим! Всё равно листья скоро все на земле будут. Стоит только погоде испортиться да ветрам подуть, и от листьев ничего не останется.

Довольные собой, девчонки пошли по тропинке, ведущей к бочагам. Так люди в посёлке называли водоём, куда женщины зимой при-

ходили полоскать бельё. Бочаги были хоть и небольшие, но очень глубокие. Не очень-то в посёлке любили это место, рассказывали о нём много страшных историй. Хоть девчата и не слишком-то верили во все эти сказки, но ходить туда по вечерам опасались. Что-то необычное здесь всё же было, они и сами это видели.

Как-то раз летом они с девчонками пошли в лес прогуляться: земляники поесть, цветов нарвать. А в бочагах кувшинки такие красивые распустились. Они наклонись над водой, пытаюсь дотянуться до кувшинок, и вдруг видят, что далеко, в глубине, огонёк зажётся, словно кто-то фонарик включил. И стал этот огонёк расти, всё больше и больше становился, как будто кто-то поднимался со дна. И вот уже огромное яркое пятно засияло посреди бочага. Испугались девчонки, завизжали от страха и бегом из леса, даже букеты цветов побросали.

А в другой раз возвращались ребята из похода. Уже в сумерках проходили через бочаги. И вдруг услышали пение, как будто хор поёт, И голоса все женские, и пение такое заунывное. Кругом лес, темнота. Откуда здесь хору взяться? Чем ближе они подходят к бочагам, тем громче пение. От страха ребята припустили со всех ног, не помнят, как через бочаги пробежали и в посёлке очутились.

Вспомнив про всё это, подружки мигом перебежали по узкому мостику в три дощечки через бочаги и, не оглядываясь, быстрым шагом пошли по дороге, ведущей к посёлку.

Настя была старше Тани на целый год и училась в шестом классе. Танюха ходила в пятый класс и училась вместе с Настиним братом Колькой. Жили они на одной улице и дружили с раннего детства. Часто вместе ходили кататься на санках с большой горы, что была недалеко от посёлка. Любили после школы пробежаться на лыжах. До темноты успевали круга два по полю сделать. Вот и по лесу часто вместе гуляли.

Когда через проулок девчонки вышли на свою улицу, в домах уже начали зажигать свет.

Дом Танюхи был второй с краю. Подружки уже собрались прощаться, как вдруг Настя застыла на месте и стала испуганно шарить по карманам.

– Ножик! Где складной ножик? – тревожно шептала она.

В карманах спортивных брюк его не было, у курточки карманы тоже были пустыми.

– Ты что, ножик потеряла? – спросила Танюха.

– Кажется, да. – От страха у Насти даже язык стал заплетаться. – Ножик! Новый складной ножик! Папка убьёт меня за него! Точно, убьёт! Танечка, ты не припомнишь, где я его могла потерять?

– Наверно, там, в лесу, где грибы собирали. По дороге обратно мы уже нигде не останавливались, – неуверенно стала размышлять Танюха.

У Насти по щекам текли слёзы. Мысли в голове роились, как пчёлы, и казалось, что голова сейчас взорвётся от натуги. Она перебирала в памяти все события этого дня, стараясь припомнить каждый свой шаг.

– Я знаю, знаю! – сквозь слёзы крикнула она. – Это там, на Руновом поле. Помнишь, мы с тобой там баловались, бегали, кувыркались. Наверно, там я его и обронила.

Руновым полем называли большую поляну в лесу. Когда-то она действительно была полем, на котором выращивали лён. А теперь это поле, частично уже заросшее лесом, засеивали клевером, который шёл на корм скоту. Почему поле называли Руновым, уже никто и не помнил.

Танюха тоскливо посмотрела вверх, на небо, там уже зажигались первые звёзды. Затем она оглянулась назад и посмотрела на лес, который мрачной стеной стоял сразу за огородами. На фоне светлого неба лес казался ещё темнее. Танюхе стало не по себе, от одной только мысли оказаться ночью в таком лесу у неё по спине пробежали мурашки.

Да, подруге явно не позавидуешь. Крутой характер её отца был известен всем. Этот если и не убьёт, то выпорот точно.

– Настя, ну не пойдёшь же ты сейчас в лес искать этот ножик! Смотри, какая уже темнота. Давай завтра вместе ходим и поищем. Сегодня, может быть, отец о нём и не вспомнит совсем, а завтра мы его обязательно найдём. Честное слово! Сразу после школы и сбегает, – жалобно предложила Танюха.

– Да, как же не заметит! Колька ему уже давно, наверное, на ябедничал. Только и ждут, когда я приду, – ответила Настя. – И как мне теперь домой идти?

– А хочешь, пойдём к нам, у нас переночуешь. Утром твой отец на работу уйдёт, а к вечеру мы ножик этот найдём.

– Ты разве моего отца не знаешь! Колька же видел, что мы с тобой в лес пошли. Отец сразу за мной к вам и прибежит. Только хуже будет. Ещё и твоим родителям за это попадёт, – упавшим голосом произнесла Настя. – Ладно, Тань, ты иди домой, а я, может быть, к тётке пойду ночевать, так лучше будет.

Попрощавшись, подруги расстались. Танюха побежала домой, а Настя поплелась к тётке.

Тётя, мамина сестра, жила на этой же улице. Работала она фельдшером, одна на всю округу, поэтому её в любое время суток могли срочно вызвать к больным. Жила она одна и по вечерам любила сходить к кому-нибудь в гости, часто бывала и у Настиных родителей.

– Тётя, миленькая, ты только будь дома, – как заклинание, на ходу шептала Настя.

Света в окнах у тётки со стороны улицы не было, со двора тоже. Подойдя к крыльцу, Настя увидела, что на дверях висит замок.

«Всё, мне конец», – промелькнуло в её голове. Не зная, что делать, Настя присела на крыльцо и задумалась, вспомнила, как вчера вечером отец принёс новый складной ножик, положил его в стол и строго-настрого запретил его брать, тем более в лес.

Брат Колька постоянно подставлял Настю, ябедничая отцу с поводом и без повода, сваливая на неё все свои проступки. Отец даже не пытался в чём-то разобраться. Колька был его любимчиком, и его никогда не наказывали.

Отец Насти очень хотел иметь сына, а в семье рождались одни дочери. Когда родилась Настя, третья дочь, отец даже не хотел забирать мать из больницы, требуя оставить ребёнка в роддоме. Он обвинял жену в том, что она назло ему рождает одних девок.

Когда родился долгожданный сын, отец был на седьмом небе от счастья. Он очень баловал Кольку и запрещал матери заставлять его что-либо делать по дому.

– Вас в доме четыре бабы, сами справитесь, – заявлял строго отец.

А четыре бабы – это мать, Настя и две старшие сестры. Летом работы было много и по дому, и в огородах, и на покосе. Все работали не покладая рук, только Колька ничего не делал, а целыми днями пропадал на реке, играл с ребятами. Это он ухитрился за одно лето растерять все ножи, всюду таскал их с собой.

А виноватой, как всегда, оставалась Настя. Вот и сегодня, когда Настя собиралась в лес, последний ножик опять был у Кольки. Он сидел на крыльце и строгал палку, делал себе очередной дурацкий пистолет. Настя попросила брата отдать ей ножик, но он показал ей кулак и убежал.

Ну как идти за грибами без ножика! Настя немного поколебалась, но всё же решила взять новый нож.

«Приду пораньше и положу на место, отец даже не узнает», – успокоила она себя.

Но на этот раз они ушли далеко от дома, и время пролетело незаметно.

Настя боялась отца. Нельзя сказать, что он был очень злой. По своему отец любил всех своих детей, но его слово в семье было как закон, перечить отцу было нельзя. В порыве гнева он мог и ударить, и побить.

Сёстрам было хорошо, они уже жили отдельно в городе. Старшая Настина сестра вышла замуж, а средняя жила в её семье и училась в техникуме.

Настя вспомнила, как этой весной отец ни за что побил её, и опять из-за брата. В выходной день собрался отец на рыбалку и решил взять с собой Кольку. А Колька порвал свои резиновые сапоги. Отец потребовал, чтобы Настя отдала ему свои, но это означало, что ей целый день придётся сидеть дома. На ноги больше надеть было нечего. Весной все дороги размыты, кругом вода да грязь, без сапог из дома не выйдешь. Не захотела Настя отдавать свои сапоги брату и убежала из дома. Отец её догнал и так выпорол, что вся спина покрылась кровавыми рубцами.

В слезах убежала Настя к тётке и прожила у неё две недели. Отец несколько раз приходил за ней, но тётка прогоняла его. Настя слышала, как тётка говорила, что если бы её спину показать милиции, то отца могли бы посадить, что нельзя так избивать ребёнка.

Чем дальше Настя думала, тем больше понимала, что выход у неё один: бежать в лес, искать нож. В эту минуту она просто ненавидела своего брата Кольку, который, наверное, давно всё рассказал отцу. Возможно, отец уже поджидает её дома с ремнём.

Страх перед отцом был сильнее страха перед пугающей темнотой леса. Ночь была светлой. На небе ярко сияла полная луна. Поставив ведро с грибами возле тёткиного крыльца, Настя решительно пошла в сторону леса.

Пройдя проулок, Настя вышла на дорогу, ведущую в лес, и остановилась. Перед ней мрачной тёмной стеной возвышались деревья. В

голове мелькнула спасительная мысль: «А может быть, вернуться домой?» Но вспомнив, что ничего хорошего её дома не ждёт, девочка пошла по дороге к лесу. Всё её тело сжалось в комок, от страха она даже плакать не могла. Настя сначала шла, а войдя в лес, побежала по дороге, стараясь не смотреть по сторонам. Хотя взгляд её был устремлён лишь под ноги, на дорогу, всё равно она даже кожей ощущала эту зловещую темноту леса. Ей казалось, что множество звериных глаз следит за ней и сотни мерзких чудовищ готовы выскочить из темноты и схватить её.

Настя вспомнила слова своей бабушки: «Если будет тебе страшно, скажи: «Господи, спаси меня и сохрани», – и Боженька услышит тебя, и поможет, и защитит».

Вот вдаль показались и бочаги. Настя обхватила голову руками, чтобы взгляд случайно не упал в сторону, на это страшное место.

«Надо смотреть только под ноги, только под ноги», – внушала она себе, а губы уже лихорадочно твердили: «Господи, спаси и сохрани. Господи, спаси и сохрани...»

Неумело перекрестившись, Настя как будто перелетела узкий мостик над бочагами.

Дальше – поляна, затем – дорога через лес. На середине дороги поворот, и дальше надо идти через заросли молодого лиственного перелеска.

Настя бежала, спотыкаясь о пни и корни деревьев, падала, вставала и продолжала бежать. Ветки хлестали её по лицу, но она не чувствовала боли. Она была как робот. Казалось, даже кровь застыла в жилах. Только сердце готово было выскочить из груди. Его стук эхом отдавался в голове, молотом ударял по вискам.

Перелесок кончился. Снова дорога. Дальше – тропинка через хвойный лес.

Ноги сами несли её по знакомому пути. Сознание работало чётко, как в хорошо отлаженном механизме. Вот и ещё одна дорога, а в конце неё это злополучное, но такое долгожданное поле.

Выскочив на открытое пространство, Настя стала вспоминать: «Ага, вон, возле той берёзы мы перебирали грибы и тут же недалеко играли и баловались».

Не доходя до берёзы, Настя встала на четвереньки и поползла, шаря руками по траве. Вот наконец руки нащупали грибы, которые они забраковали. Глазами отмерив расстояние, в пределах которого они могли

играть, Настя начала ползком обшаривать каждый сантиметр земли руками.

Звёздный купол огромного неба распахнулся над лесом, который плотным зловещим кольцом окружал поле.

Полная луна ярко освещала эту большую поляну и девочку, ползающую по ней.

Наверное, даже звёзды с высоты недоумевали, что человеческое дитя делает ночью в этом глухом лесу.

Скорее всего, Бог пожалел девочку, так как вскоре её рука нащупала гладкий твёрдый предмет. Подняв его к свету, Настя увидела, что это был ножик, тот самый потерянный ножик. Крепко сжав его в кулаке, Настя побежала домой.

Дальше всё было как во сне. Дорога, лес, опять дорога, перелесок, дорога, бочаги, поляна и снова дорог. Всё мелькало перед глазами, как кадры в кино.

Очнулась Настя, когда перед глазами засверкали огнями окна домов её улицы.

Подбежав к крайнему дому, она навалилась спиной на забор, чтобы отдышаться.

Ноги вдруг ослабели, стали как ватные, и Настя сползла по забору на землю.

Сидя под забором на земле, девочка громко разрыдалась, слёзы ручьями потекли по щекам. Это страх, пережитый за последние часы, вырывался наружу.

Постепенно она успокоилась, решительно вытерла рукавом глаза и нос и быстрым шагом направилась к тёткиному дому. На дверях всё так же висел замок.

Взяв ведро с грибами, Настя побежала домой.

Взбежав на крылечко, она оставила ведро с грибами на веранде и вошла в дом.

Дома никого, кроме брата, не было. Колька, лёжа на кровати, сонным голосом спросил:

– Настька, это ты? Где ты была? А мамка с папкой пошли тебя искать.

Настя не ответила ему, быстро положила ножик на место, разделась и нырнула в кровать под одеяло. Стоило ей прикоснуться к подушке, как сон тут же одолел её.

Сквозь сон она слышала крики отца и матери, но ей было всё равно. Она знала, что всё страшное уже осталось позади.

Об этом случае Настя никому не рассказала, и вовсе не из-за страха перед отцом. Просто она хотела поскорее обо всём забыть и навсегда вычеркнуть из памяти эту страшную ночь. Подружке Танюхе она сказала, что ножик нашёлся в ведре под грибами.

Даже спустя годы из всех событий этой ночи Настя помнила только одно, как она ползала по поляне, освещённой луной, и шарила руками по земле в поисках ножа. Дорога в лес и обратно навсегда стёрлась из её памяти.

Уже потом, став взрослой, Настя, приезжая к родителям, иногда выходила ночью на крыльцо и смотрела на мрачный тёмный лес. Она и сама не могла понять, как она, двенадцатилетняя девчонка, решила тогда пойти ночью далеко в лес на поиски этого злополучного ножа. Сейчас, кажется, никакая сила не заставила бы её повторить это снова.

Ирина ЛИС

ПЕРО ЧЁРНОГО ЛЕБЕДЯ

Сказка для почти взрослых детей

Наступила ранняя осень. Ещё светило тёплое солнце, напоминая о быстро промелькнувшем лете. Но через пару дней закончится бабье лето, и пойдут затяжные и тоскливые осенние дожди. Понимая это, детвора торчала много на улице и ни в какую не садилась за уроки.

Аня Солзвемова к этой детворе не собиралась присоединиться. Не потому что не хотела, нет. Девочка хотела, и очень даже. Просто подругу из дома не вытащишь, а с остальными она в ссоре. Ну и что, что она много читает фэнтезийной литературы, постоянно сидит в the Sims 3 и мысленно летает где-то в облаках? Ну и что, что у неё нет парня? А подругам это не понравилось и они решили, что Аня слишком маленькая для них. Вот и отвернулись от неё. А единственная подруга Таня, оставшаяся после этого разделения, жила в пригородном посёлке Закатнике. Туда долго добираться надо, а выбраться ещё сложнее, несмотря на то что это недалеко от Химграда. Тут ещё разногласия с одноклассниками и плохие оценки добавились. В общем, совсем дела скверные.

С такими мыслями Аня пришла на берег первого городского пруда. Она часто приходила сюда, как только сходил снег. Зимой сюда не пролезешь. Да и зимой ты виден как на ладони, а сейчас хорошо скрывают высокая, почти в рост человека, пожухлая трава и раскидистые ивы с жёлтыми листьями. В самом центре, на небольшом пригорке, стоит старая скульптура из чёрного гранита, изображающая понурившего голову лебедя со странной надписью под лапами. Это было просто идеальное место для того, чтобы побыть в одиночестве и поплакать всласть.

Вдруг слева раздалось какое-то шуршание. Девочка мгновенно перестала лить слёзы и насторожилась. Мало ли кого сюда занесет нелёгкая! Сердце испуганно замерло. Аня вспомнила различные истории про маньяков, которыми любили пугать девочек родители. Шорох раздался ещё ближе. Девочка встала, взяла какую-то палку и приготовилась напасть на маньяка. И тут камыши раздвинулись, пропуская чёрного лебедя. Он наклонил голову, как на скульптуре, и окутался серым маревом.

Когда марево рассеялось, перед удивлённой Аней предстала девушка в древнерусской одежде. Её тёмные волосы висели спутанными прядями, а глаза были полностью чёрными.

– Помоги! – взмолилась незнакомка. – Я больше не могу! Возьми перо.

Аня проследила за взглядом девушки и заметила чёрное перо, плавающее по кромке воды. Сама не зная, что делает, девочка потянулась за ним, а когда захотела спросить, что это значит, незнакомки уже не было. Как и лебедя.

В задумчивости девочка пришла домой и сказала маме, что хочет перекрасить свои русые волосы в чёрный, под цвет пера, цвет. На что та в конце спора дала согласие. На следующий день в школе Аня появилась с новой причёской, в новой одежде, которую купили на новый учебный год. Одноклассники тут же оживились:

– Ой! Анечка! Какая причёска! А одежда! Класс! Обалдеть!

Девочки из класса приняли Аню в свою компанию, вместе смеялись, сидели на перемене, обедали в столовой, шли домой. Парни перестали задирать. Оценки стали лучше. А подруги раскаялись и попросили прощения. Жизнь наладилась. Каждый день прогулки с друзьями, развлечения, хорошие оценки, похвалы, восторженные вздохи. Так счастливо прожила Аня две недели. На третью она поняла, что надо попросить у родителей новый сотовый телефон. Побродив по магазинам, Аня с мамой обнаружили подходящий. Он был дорогим, но того стоил, и его купили. Новые комплименты окружили девочку. Всё больше друзей собиралось вокруг. К Новому году Аня попросила подарить ей ноутбук. Родители, радостные от того, что их дочь стала отличницей, обрела большую шумную компанию, согласились. Тихая троечница превратилась в первую девочку в школе.

Наступил март.

– Как же хорошо! – сказала шёпотом Аня, вертя в руках перо. – Все мои мечты сбываются! – и, хихикнув, выключила настольную лампу.

– Я рада, что тебе нравится, – ворвался в сон голосок незнакомки, которая дала перо. – Теперь ты должна подарить его своей ЕДИНСТВЕННОЙ подруге или прийти на берег, где мы встретились.

– Зачем? – удивилась Аня. – Подруг у меня много, и я не смогу выдать.

– А Таня? Она ведь всегда была твоей единомышленницей, близкой тебе по духу.

– Она-то? Нет! Я просто с ней общалась потому, что не с кем было.
– Она не бросила тебя, когда ты была одна. Она сейчас нуждается в тебе.

– Да ну!

– Да. Но если не хочешь отдавать перо, просто приходи на берег завтра.

– Так ведь там всё снегом заметено! Как я пройду-то?

– А перо на что? – Голос незнакомки отдалялся. – Я жду тебя там, или подари его! Завтра решится всё...

Утром девочка оделась потеплее и, сказав родителям, что гулять идёт, направилась на берег. Сугробы снега словно расступались перед ней, а ледяной ветер облетал стороной. Вот оно, заветное место!

– Ты всё-таки пришла, а я надеялась, что нет, – печально сказал лебедь голосом девушки из сна.

– Почему? – Удивлённо посмотрела на неё Аня, доставая перо. – Но я его не отдам!

– Ты уверена в этом?

– Абсолютно! – твёрдо заявила девочка.

– Тогда оно твоё навечно! Или пока другой не займёт твоё место! Ты сделала неправильный выбор! – ответила лебедь и покачала головой. – Ты такая же, как я. Тоже загордилась и забыла про правду... Пора!

Аню окружило серое марево, а буквы странной надписи сложились в понятные слова...

На берегу городского пруда стояли двое в чёрной одежде. Девочка горько плакала, а мальчик, как две капли воды похожий на неё, утешал дрожащим голосом:

– Тише, сестрёнка! Она ведь предала тебя!

– Нет. Это я предала её. Не изменилась вместе с ней... она ушла от нас...

– Глупая моя Таня! Идём, а то ей спокойствия на небесах от твоих слёз не будет. Она умерла. Замёрзла.

Девочка от этих слов разрыдалась сильнее и села в бессилии на землю, прислонившись к статуе грустного лебедя.

Через три дня Таня вновь пришла с любимыми цветами Ани – белыми тюльпанами.

– Прости меня, Таня. Ты была моей ЕДИНСТВЕННОЙ подругой, – послышался с воды голос Ани. Таня вскрикнула и посмотрела на чёрного лебедя. – Я во всём виновата перед тобой, родными. Возьми это перо и правильно распорядись этим даром.

После ухода подруги Аня долго смотрела ей вслед, а потом взглянула на надпись с правильным ответом: «Не возгордись, помни о прошлом».

Мария ГРИНКЕВИЧ

ВСТРЕЧА

Рассказ

У меня есть собака. Чёрный пёс Лорд. Аристократ внутри и снаружи, хотя любит и подурить.

Мы с Лордом друг друга знаем и понимаем. Он всюду рядом, куда я – туда и он. И нет в моём псе навязчивости, приставучести, которая часто встречается у собак.

Я люблю гулять по ночам. Ну, не совсем по ночам, а когда всюду светлые сумерки, когда только проклюнулись первые звёзды и луна ещё неяркая. Тогда я – на велосипед, и – вперёд. По улицам, по полям! А рядом – чёрной тенью – Лорд.

Лорда мне два года назад подарили на день рождения. Он преданный, умный, добрый, но он – собака. А люди всё-таки отличаются от собак... Друзей не заводят, как собак, они находятся.

А я так хочу, чтобы у меня был друг! Такой, чтобы навсегда, чтобы ради него – на смерть. Ведь если... если никогда не дружил, это не значит, что не умеешь. Просто ещё не встретил своего Друга...

От тёмных теней деревьев земля полосатая. Попадая в эти полосы, Лорд на секунду исчезает, сливаясь с чернотой. Вроде бы это игра, но мне почему-то становится страшно: а вдруг он растворится в ночи навсегда.

Нет, всё-таки, хотя он и собака, мне с ним хорошо...

Из-под колёс вылетела с резким криком ночная птица и на мгновение затенила крыльями набирающую силу луну. Луна растерянно моргнула.

...Лорд тоже понимает красоту предночного мира. Когда запад неба сине-зелёно-прозрачный, цвета стрекозиных крыльев, а восток мутно-сизый уже, и звёзды зелёные. По-моему, в такие моменты мы с Лордом одинаково счастливы. Тогда ощущаешь присутствие чего-то неземного, божественного, что выше нас, сильнее, чище и добрее... Красота соединяет день и ночь, небо и землю, звёзды и человека. Или двух людей...

Темнота чёрной пантерой прокралась на поля, стало как-то неуютно. А в селе затеплились окошки и фонари. И я решил проехаться напоследок по улицам. Лорд ничего не имел против.

В центре нашего села – храм. Он полуразрушен, но, кажется, что свет наполняет каждый кирпичик. Когда я нахожусь рядом с храмом, забываются все невзгоды, утихает тоска.

...Пантера-ночь прокралась в улицы и жёлтым глазом-луной наблюдала за притихшим миром: стерегла одиноких путников...

Мы остановились у храма. Лорд замедлил бег, понял: дальше ему нельзя. Я положил велосипед на траву и направился к белеющим в темноте стенам. Меня обожгло внезапным удивлением: двери были открыты. Странно: вчера вход был заколочен. Я осторожно вошёл и двинулся в глубь храма.

В сумраке дрожат свечи – всего-то пять или шесть. Вокруг каждой из свеч золотой круг, в котором светятся белыми искорками пылинки, опускающиеся с купола на плечи молящимся. Стоят над бездной, как стражи мира.

Звёзды касались креста, небо держащего.

Силуэт храма угадывался в темени.

И голос молитвы, и пламя свечей дрожащее

Летели над чёрной землей и белыми стенами.

Вновь перед фреской свеча: шторы тьмы раздвинуты.

Снова молитва лечит душевные раны.

В мире нет одиноких и нет покинутых.

Ведь благодать не иссякла в разрушенном храме.

Когда вышли из храма, уже развернулась ночь. Я подумал, что мама меня хватилась: я на своих прогулках давно так долго не задерживался. Поднял с травы велосипед, позвал Лорда. Но тот не откликнулся.

Я нашёл Лорда у яблони, росшей недалеко от храма. Мой пёс лежал на траве, а его чёрную шелковистую шерсть гладил мальчик. Один из тех, кто стоял в храме. Фонарный свет рассеивал темноту.

– Привет! – сказал я.

Он обернулся. Улыбнулся смущённо, но по-доброму и ответил:

– Привет. Это твоя собака?

– Ага. Его зовут Лорд.

– Хороший пёс, – сказал мальчик и снова улыбнулся.

Мне показалось, что я его где-то видел. Видел эти добрые глаза...

Мне нужен Друг. Такой Друг.

Где-то на старой часовне качнулся маятник

И темноту прорезал свет маяка...

Стукнуло сердце...

Юлия СТЕПАНОВА

ЗАМЕТКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Новеллы

ГАРАЖ

Я лежу на полу западной веранды. Я устала. Устала от жаркого лета, от трудовой жизни в деревне, от говорящего дома. За две недели, если бы не периодические походы в лес и пробежки, я могла сойти с ума. Сегодня жара поднялась до такой степени, что двадцать градусов – только в тени и только вечером. На восточной веранде, где мне предстоит спать, где две стены из четырёх – окна, градусов на пять больше. Так что веранда подождёт, а я пока побуду здесь... Лёжа на полу, чуть выше потолка...

Здесь довольно пусто. Я слышу, как за стенкой собирается готовить бабушка: она стучит посудой, слегка матерится, иногда выходит из избы в огород за травой к супу. Западная веранда предназначена для гостей. Постель укрыта плотной плёнкой (чтобы бельё не марали кошки). Два просто огромных сундука, в каждом из которых спокойно смогла бы поместиться я со своими ста шестьюдесятью сантиметрами. Комод, железный ящик под крупы, рамы для пчёл, которых у нас восемь ульев рядом с палисадником. Как-то раз в детстве я наступила на маленькое жалящее насекомое. Наступила и всё, будто ничего не произошло. Только потом появилась опухоль и... вспоминать не хочется.

Дом деревянный, поэтому часто скрипит, ноет, стонет, шепчет. Стены как будто полые, везде щели. Домового я ещё ни разу не видела, он часто невдалеке топчется, но близко не подходит. Обычно он сидит на чердаке. Иначе кто ночью там постоянно ходит? Несмотря на то что освещает чердак одно малюсенькое оконце, может, благодаря щелям, может, ещё от чего-то, там на удивление светло. Наверное, поэтому и бабочки туда залетают. В основном это крапивницы. Их яркие оранжевые с чёрным крылышки, словно листья деревьев ранней осенью, усыпают землю в саду, покрывают пол чердака. Там же сохнет лук, рядом чеснок. За дымоходом две кровати без одеял, но с пружинами и матрасами. Осинный улей, такой же, какие валяются рядом со стеной. Это следы борьбы жильцов дома с насекомыми.

Всё-таки домовый иногда спускается вниз по скрипучей лестнице. Должен же управдом осматривать свои владения. Там, где лежу сейчас я, маленький человечек ходит по утрам. В мою комнату на восточной веранде заходит ночью. Днём копошится на чердаке, под самый вечер греется в избе. Но есть места, в которые ему не хочется заглядывать. В гараж он никогда не заходит.

Гараж находится прямо подо мной. Пол там заменяет земля, покрытая бетонной пылью и деревянной стружкой. Всегда холодно, даже сейчас сквозь щели оттуда тянет прохладой. Всего одна лампочка, инструменты, мотоцикл (как раз над ним я), «муравей» – старая тележка. Опять же рамы для сот и много того, о чём вспоминают лишь по надобности. Ах, да. Ещё немного крови.

Для деревни это нормально, правда? Постоянно рубят домашний скот, да и вообще, мало ли. Это в городе мы видим мясо, разложенное по пакетикам, а здесь мясо имеет имена и личное корыто в стойле. Но такой скотины сейчас у нас нет. Дорого корм обходится, поэтому бабушка держит кроликов. Я с ними даже играла в детстве. Мой любимый кролик – кролик-альбинос. Все называли его либо просто страшным, или вовсе уродцем, а меня так и притягивали его красные глазки. То был большой самец. Он вроде боялся людей, но подходил к клетке, когда мимо пробежала я. Я ведь любила стащить что-нибудь вкусненькое и отдать милым питомцам. Красивый кролик правильно делал, когда боялся людей. Его не стало пять или шесть лет назад. В клетках с тех пор сидят только серые трясущиеся при мне морды. Из них делают суп, который раньше я отказывалась есть. Поэтому маленькую меня начали обманывать, мол, курица это. А когда память о альбиносике пропала, я и без семейного вранья стала потреблять крольчатину. Кроме того, мне как-то раз из деревни прислали серый хвостик.

Детям как-то легче жить. То ли они слишком доверчивы, то ли слишком восприимчивы, а может, это одно и то же. Во всяком случае, я маленькая даже не понимала того факта, что ем своего друга. Как будто бы после определённых событий эта белая тушёнка, сваренная с овощами, специями, как в каком-нибудь мультике «Том и Джерри», перестала быть тем самым хвостатым, дрожащим существом из клетки. Может быть, поэтому среди деревенских детей я часто видела злющих существ, бьющих скотину, ругающих её, обращающихся с животными как эдакие

принцы с рабами. Хотя животные – это нечто большее, чем домашний скот. И детей, конечно, винить нельзя. Детей так научили.

А учёба часто тяжело даётся. Но мне – нет. Я способная ученица в этом плане. Чтобы я поняла, что к чему, стоило только раз поднять молот и замахнуться на висящее в гараже, подвешенное за задние лапы существо. Ударить со всей бешеной силой по плачущей где-то во мне серой мордочке, умоляющей взглядом отпустить её. И если залитые кровью ушки будут ещё дёргаться, удар надо повторить. Потом распарывается живот, снимается шкура. Тазик под ещё висящим другом наполняется сначала желтоватой жидкостью, потом льётся только кровь.

А глупые, заинтересованные смертью глазища запоминают каждое мгновение повседневного убийства.

СЕМЬ ПРИЧИН, ИЛИ ЗАМЕТКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Проснувшись сегодня утром, я поняла, что это самый прекрасный звук, который только может создать природа. Дождь был настолько аккуратен и нежен, что казалось, он скользит по каменному шершавому дому и по покрытым со всех сторон ржавчиной трубам. Он успокаивал и убаюкивал меня, а пора было уже вставать. Мытьё волос, пахнущих луковым соком вот уже неделю, доставило бы больше удовольствия, если бы этот запах не проявлялся именно во время мытья. Мне подумалось, что надо взять свой нелюбимый белый зонтик, иначе луковое благоухание вырвется наружу во время сегодняшней прогулки, которую мне клятвенно пообещали. Почему же я сейчас, через пять часов, сижу на кровати и пью чай со смытой косметикой, а не брожу по городским паркам под белым зонтом? По той же причине, по какой собака не рискует высунуть свой нос из конуры. Мелкие громыхания и равномерный дождь за пластиковым окном вломились в разум всех моих друзей и заставили их сидеть в тёплых домах, как собак в продуваемых будках. Я знаю, что причин любить дождь не так уж и много, но их и недостаточно, чтобы рушить планы и ненавидеть погоду.

Я думаю, что это случилось в тот самый первый раз, когда я попробовала замечательное сочетание сырой рыбы и несолёного риса. В тече-

ние всего пути домой и потом уже лежащую лицом на столе за учёбой, меня сопровождало чувство, которого я не испытывала прежде. Желание умереть от любви к тем, с кем я какое-то время назад ела роллы. Чувство тёплое, грызущее подбородок, виляющее своим хвостом прямо перед глазами, помогающее ещё оставаться в той реальности. Очень грустно, хочется буквально закричать от любви, но в то же время желание смерти всё перечёркивает.

С того самого первого похода в суши-бар это чувство возвращается ко мне с новыми роллами. Я никогда не откажусь от удовольствия поглотить любимую еду, но то, что происходит со мной после, – выстрел в упор. И что делать, я не знаю, разве что исполнить желаемое и умереть от любви. В конце концов, если настолько крошечная симпатия к друзьям заставляет меня так страдать, что же будет, когда я решусь пообедать с противоположным полом...

Сейчас напротив меня в стекле автобусного окна отражается тело, стянутое старой кофтой. Кофта бледно-бежевая, кое-где покрытая катышками шерсти. Всё это переплетается с деревьями и их липкими, мокрыми ветками. Молодые листочки. Грязь, ещё не перемешанная с травой. Я поворачиваю голову к окну, чтобы увидеть лицо. Но мой взгляд находит только белый туман. Должно быть, это жир, оставленный чьим-то лицом или руками. Получается, что головы-то у меня и нет. Может, это и правда, может, сердце давно перестало ломать от боли, и это моя дурная голова всё придумывает. А когда придумывать стало нечего – она исчезла, превратилась в туманную пустоту. Голова перейдёт на другое тело, ещё влюблённое, быть может, даже ещё любимое кем-то. А моё больше не нужно ни ей, ни кому-либо ещё. И от этого такая лёгкая боль пронзает невидимую пенку головы, что хочется кричать, плакать...

Тем летом, стоя в очереди в гипермаркете, я всё-таки решила, что это девочка. Лет тринадцать, в футболке с армейским рисунком, волосы длинные, в хвостике. Волосы длиннее моих. Но сегодня, увидев погрубевший пушок над верхней губой, услышав уже ломающийся голос, поняла, что жестоко ошибалась. Волосы всё так же собраны в хвостик, и они всё так же длиннее моих. Мы встретились на остановке, через раз-

говор парня по телефону я поняла, что нам на один автобус. Он таскал с собой палку с метр, чистую, приготовленную для чего-то. Не мог устоять на месте, сделал несколько кругов вокруг остановки, потом несколько вокруг магазина, поглядел на витрину киоска, подошёл к остановке. За это время наши глаза встретились несколько раз. Я не переставая смотрела на него, как бывало каждый раз, когда мы встречались на улице или в магазине. Узкие глаза, в чём-то глупые, но, может, это и не глупость вовсе... Нужный транспорт отказывался заводиться очень долго, от нетерпения я рванула к дороге, как только автобус включил поворотники. Номер стало видно не сразу, должно быть, поэтому реакция хвостатого показалась мне немного заторможенной. Он вскинул руки в стороны, встал на носочки и вскрикнул: «Е!» Автобус мы ждали двадцать семь минут.

Уже показав кондуктору проездной, я задумалась над тем, что я так не могу. Я не могу так же закричать, позволить себе обрадоваться такому пустяку. Я почувствовала себя засохшим цветком. Цветком, потому что реакцией парня я была поражена, и меня ещё грела непонятная радость. А засохшим, потому что...

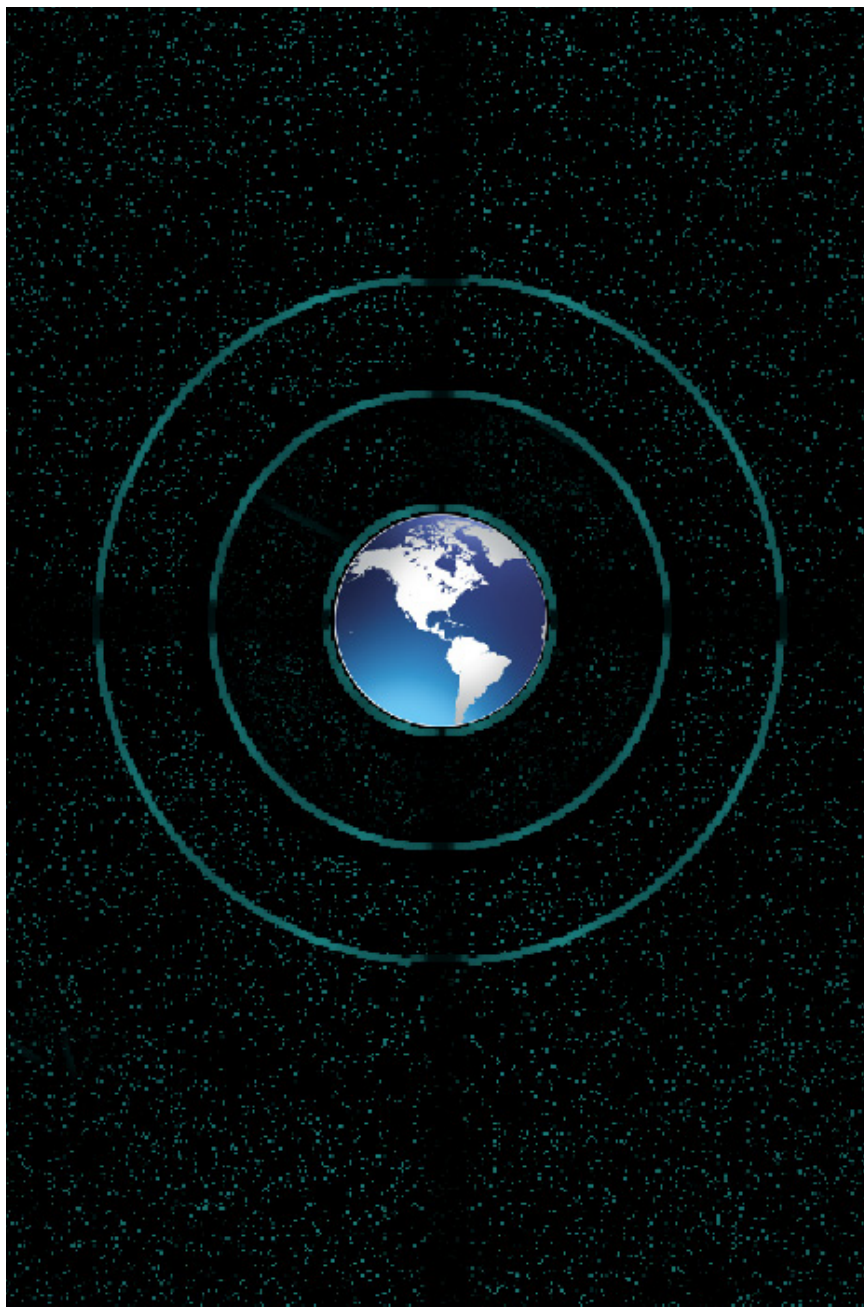
У меня много историй, связанных с автобусами, так как учусь я довольно далеко от дома. Совершая путь от конечной до конечной, я периодически читаю, делаю домашнюю работу, учу что-нибудь. Люблю вспоминать стихотворение «Мужчины мучили детей». Просто люблю и всё. Но делаю я это всегда с закрытым ртом. Голос у меня, мягко говоря, не очень, так что страшновато, вдруг какой звук из горла вылетит?

Я не знаю, какое стихотворение повторяла та женщина, но её детская сумочка, украшенная стразами, почему-то показалась мне пугающей. Женщина, не меняя выражения лица, шевелила губами. Я смотрела на неё в упор, иногда в глаза, но она либо не замечала меня, либо ей было наплевать на сдущуюся от «хорошего дня» школьницу. Было ощущение, что повторяемое ею – короткое, всегда одинаковое, привычное. Ей было под сорок лет, она вышла за четыре остановки до моей, и больше я её не встречала. Но я бы её всегда узнала, узнала бы в любом случае. Эта женщина непонятна мне, кажется сумасшедшей, связанной с чем-то телевизионным, из ночных страшилок про тёмную комнату, тёмный шкаф и...

Она и не заметила, как оказалась среди тех людей, которые способны напугать меня до полусмерти, просто взглянув мне в глаза...

Никто не узнает. За два с половиной часа я окунулась в мир, потрясший меня своей сложностью. Реальные события порой жёстче самых накрученных боевиков и триллеров. И только они настолько втягивают в себя, что надо постараться, чтобы избавиться от тех эмоций, желаний, той жижи, которая растеклась по всей голове, заменив реальность фильмом. И чем лучше снята картина, тем сложнее её забыть. Обычно, чтобы выйти из такого состояния, я смотрю по телевизору сериалы с незатейливым сюжетом, но не в этот раз. Включив яркий экран телевизора на привычном канале, я не переставая думала над тем, что на данный момент больше всего боюсь очутиться на месте тех детей, из фильма «Никто не узнает». Я сидела и вбивала себе в память самые шокирующие моменты их жизни, которая сломалась в один момент. Я будто уже являлась одной из них, мне было грустно, я была растеряна, мозг уже протраивал варианты действий, событий, исходов. И пожалуй, я бы сдалась, не вытерпела бы, не выжила бы.

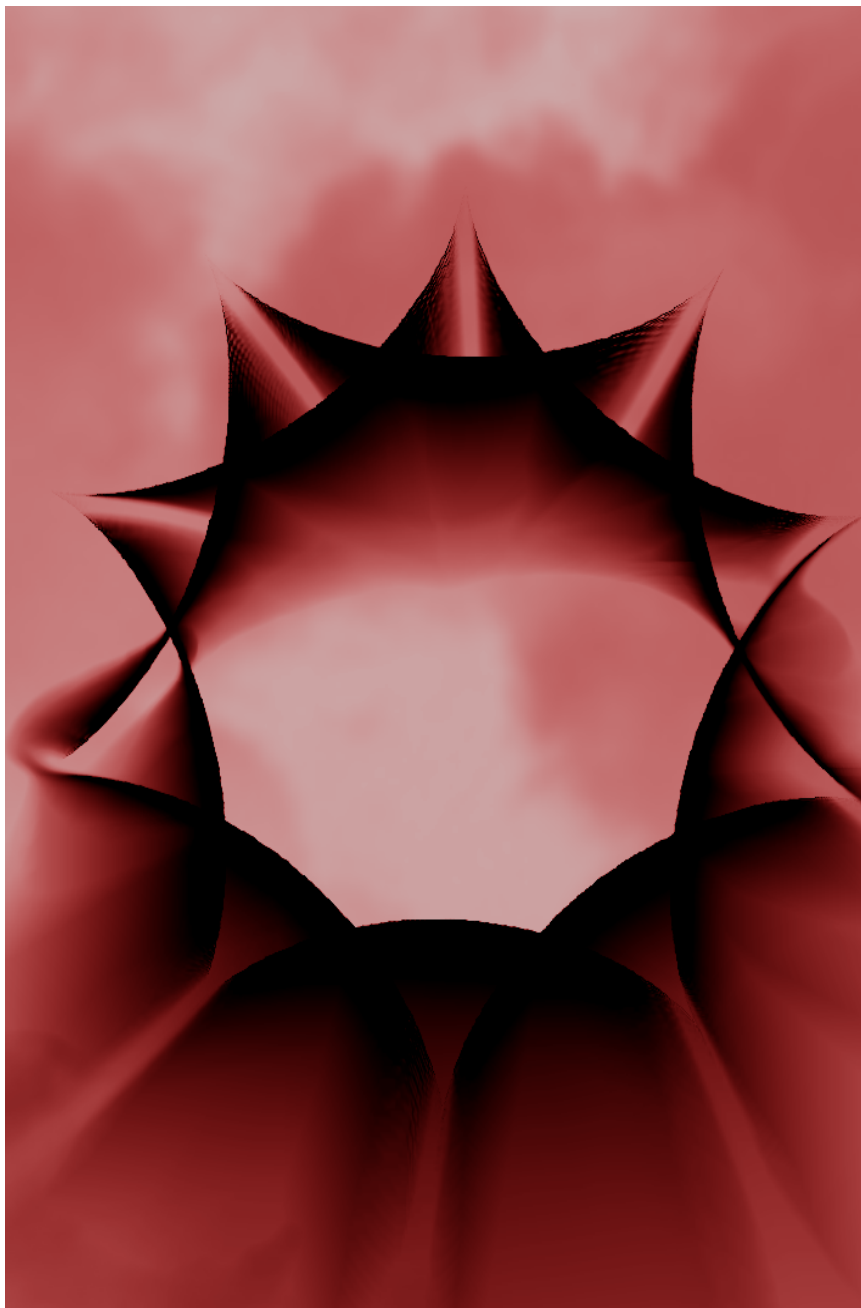
Тяжёлое гудение из-за стены, биение назойливых настенных часов, холодная весна за окном. Я хочу спать, но противное чувство того, что у меня украли всё, что только можно было, мешает подняться с прохладного пола. Оно словно приковало меня к этой стене, к этим обоям в наклонный цветок. Мне так хочется встать и дойти, да хотя бы доползти до кровати, заснуть, а проснувшись утром, обнаружить всё то, что у меня отняли, рядом. В целостности и сохранности. Только это невозможно. Всё, что мне остаётся, это всё-таки найти в себе силы и уснуть...

ПОД ПРИЦЕЛОМ

ПУБЛИЦИСТИКА
КРИТИКА
ЭССЕ

РОЖДЕНИЕ СВЕРХНОВОЙ

...Как всякий нормальный человек, с поэтом Алексеем Решетовым я познакомилась через его поэзию. Естественно, влюбилась. Не в поэта, как бывает у экзальтированных девиц, в его стихи. Может, потому, что к тому времени поэтов я уже повидала и была далеко не девицей, а счастливой мамочкой самого милого в мире ангелочки Сашеньки.

Книги тогда, как некоторые помнят, были дефицитом, добывались разными способами, в том числе и распространялись (продавались очень дёшево) через Общество книголюбов. Попавшаяся мне первой книга Решетова называлась «Чаша». Сказать, что я её полюбила, – значит, ничего не сказать. Она была для меня святыней. Я вполне серьёзно размышляла над тем, что если в моём доме (двухкомнатной квартире на проспекте Парковом, тогда – Ворошилова) случится пожар, первой из вещей, к которой я кинусь, чтобы вытащить из огня, будет именно эта книга.

Увидеть Решетова «живьём» впервые мне довелось в квартире Веры и Виктора Болотовых, на том же проспекте Парковом. И знакомство наше произошло очень весело. Однажды утром в выходной (иначе я была бы на службе) появился Коля Бурашников и попросил денег, чтобы купить вина. Зная, что денег на такие цели я не даю, Коля заранее подготовил беспроектный, как ему казалось, аргумент:

– За это я познакомлю тебя с Виктором Болотовым. Прямо сейчас можем к ним и пойти.

Поскольку с Болотовым я была к тому времени знакома и впечатление об этом ясно проявилось на моём лице, Коля добавил:

– А у них сейчас ещё и Решетов. Из Березников вчера приехал.

Помню, что идти не хотелось, были какие-то личные заморочки. И воспитана я была так, что без приглашения делать визиты (да ещё незнакомым людям) считала бестактным. Но профессиональный писательский мир, к которому я тогда ещё только чуть прикоснулась, был явно построен по каким-то неведомым мне законам, и мне очень хотелось законы эти постичь. Имя Решетова было той каплей, что растопила мои сомнения.

Встретила нас Вера. Она показалась мне яркой жёлто-зелёно-синей мохнатой бабочкой, почему-то по названию махаон. Кроме внешности

впечатление дополнялось тем, что Вера порхала по кухне, плавно взмахиwała руками и не переставая говорила – очень необычно для меня, откровенно-прикровенно, будто мы были с нею знакомы целую долгую жизнь. Вера усадила меня за стол на кухне, предлагала одно за другим кушанья и даже вино (хотя его в доме не предполагалось, ведь именно за ним ушёл Бурашников, доставив меня в квартиру).

До того как уйти, он ввёл меня ненадолго в кабинет Болотова, что был рядом с кухней, и представил начинающей писательницей. Ответом было молчание, и я поспешила вернуться на более приветливую меня кухню.

Покружив возле меня по этой знаменитой в те годы «болотовской» кухне, Вера быстро как-то ушла, уверяя, что скоро, так или иначе, обязательно вернётся. И я осталась в этой трёхкомнатной, темноватой, с тремя окнами на север, квартире наедине с двумя замечательными людьми, большими умницами, поэтами самой высокой пробы. Надо ли говорить, как мне было страшно? Моё благоговение не знало предела, и молилась я лишь о том, чтобы до появления Бурашникова или Веры никто из них на кухню не вышел.

Конечно, Болотов на кухню вышел и пригласил меня в свой кабинет. И началось – как это у них водилось – от инспектора Интерпола и начальника Вселенной до допроса, из какой ты Галактики и кто тебя сюда заслал. Разговор, что называется, через лицо, хотя, конечно, – «в глаза мне, в глаза!» Кто помнит, смысл при этом был вовсе не в словах, а в тоне, в манере говорить о тебе, словно тебя здесь нет, и в подобных оскорбляющих человеческую гордыню нюансах. Никто до сих пор толком не объяснил, что такое стёб, хотя все считают, что понимают это. Мне же и теперь, а тогда и подавно, было ближе ушаковское – «хлестать, стегать, бить плёткой, прутом».

В общем, веселились ребята от души. Главная роль была, конечно, у Болотова. Реплики Решетова были тоньше, но не менее язвительны и обидны. Позже я не раз наблюдала, как они разыгрывали такие спектакли с крепкими, по крайней мере, считающими себя таковыми, мужчинами. По сути, ничего страшного, конечно, не было. Лишь, как во всякой игре, надо было либо знать её правила, либо делать вид, что ты к происходящему не имеешь никакого отношения. А я элементарно разрыдалась! Горючими слезами, навзрыд.

Такая странная реакция на элементарное хамство! Мне было двадцать семь лет. Я была заместителем директора довольно крупного идеоло-

гического учреждения со штатом в триста человек! Но я ревела и боготворила этих людей, понимая, что они правы. Писательские нравы существуют для писателей (как и любые корпоративные нравы). В отношениях с чужаками мораль должна оставаться стандартной: тебя не звали, ты явилась, хочешь – терпи, не хочешь – пошла вон.

Я знала, что не уйду. К приходу Бурашникова, а потом и Веры (или наоборот) слёзы я успела вытереть. О моих недавних мытарствах никем не было сказано ни слова. Никто не жалел меня и не утешал. Со мной просто разговаривали как с человеком.

И вот мы сидим впятером в кабинете Болотова. Пьём дешёвый портвейн и курим «Приму» без фильтра (и в этом был для меня, неразумной, особый шик!). Никаких особенных разговоров не ведём. Точно нет разговоров о литературе и политике, сплетен о знакомых. Именно тогда я узнала, что такое птичий язык. Он существует вовсе не для того, чтоб быть непонятным посторонним. Один говорит (чаще Болотов) фразу, слово, буквально междометие – другой (Решетов, который начинал диалог реже) откликается. Дело здесь не в смысле того, о чём говорится, как говорится, – а в абсолютном сверхпонимании друг друга – будто один человек говорит сам с собою. Эту фразу, слово, междометие и отклик на них – со стороны можно совершенно не понять, но невозможно не увидеть, не ощутить, насколько огромный мир стоит за ними. В этот мир совершенно не хочется проникать, кошунственно и мечтать об этом. Счастье уже в одном том, что ты можешь, находясь так невдалеке, наблюдать, прикасаясь окружающим тебя воздухом к тому, по которому перемещается эта тайна фраз, слов, междометий между внешне абсолютно обыкновенными (а порой и совершенно не привлекательными) людьми.

Потом пройдёт время, и это чудо общения двух поэтов станет привычным. Увидится, что подобие его, а также грубо материалистическая сущность взаимопонимания существует и между другими людьми одних интересов, общей жизни. Но такого, именно на духовном (речь не обо всем известной, избитой духовности, а о той, что от Святого Духа) уровне чуда мне больше не встретится. Теперь я думаю, что они в этом общении были очень счастливы, и такого счастья я до сих пор прошу себе у Бога. Пусть бы у меня был тоже такой человек, хоть один, хоть ненадолго.

А тогда мы так и сидели. Наверно, недолго. Дома меня ждали сын и муж. Вера говорила. Болотов и Решетов изредка, сами по себе, пере-

брасывались фразами, словами, междометиями. Коля пел своё любимое «Средь высоких хлебов затерялося...»

Кажется, к тому времени, когда я встретила с ними, они – Болотов и Решетов – именно такими друг с другом уже и были – осторожными, нежными, грустными – и бестревожными. На этом общем глубинном согласии даже в интонациях Решетов неизменно был младшим и трепетно уважительным. Болотов – старшим, мудрым и уже тогда очень уставшим. Не думаю, что мы, остальные, в тот день мешали им просто сидеть, курить «Приму» без фильтра, говорить друг другу свои редкие междометия, слова и фразы. Мне кажется, к тому времени в этом мире было уже не так много людей, которые всерьёз могли помочь или помешать им.

Теперь же так странно, нелепо и невозможно, что никого из тех пятерых, кроме меня самой, не только не может быть рядом, но и нигде в этом мире. Это необъяснимо и нереально. Иногда мне кажется, что это не их нет в этом мире, а просто я ушла, как тогда. А они там так и остались, в кабинете Болотова, или вышли на кухню, и говорят о чём-то, и смеются, как они умели, несмотря ни на что, легко и радостно, и вместе им хорошо, и мне тоже к ним очень хочется...

...Странная моя память. Она помнит ненужные детали, но картины в целом сочиняет из множества не подходящих одна к другой. Она диктует мне помнить только светлое, а тьму штрихует другой, более мрачной тьмой, чтоб от безысхода этого мне захлебнуться, собрать последние силы и вынырнуть снова к свету.

И в этом свете – Решетов и Тамара Павловна. Я никогда прежде не видела Алексея Леонидовича таким светлым и счастливым, как в тот день. Знаю, что они приехали уже из Екатеринбурга. Они только что вошли в гостиную квартиры Болотовых. Но гроб Болотова ещё стоит в гостиной или уже поминальный стол о нём, я не помню.

А говорю это к тому, что вскоре после этого (наверно, прошло несколько лет) позвонила Вера Болотова и сказала, что у Решетовых беда. Такая беда, что муж Олеси совсем обнаглел, издевается над нею и Решетовым. Сама Олеся куда-то убежала, и убежала собака Лорд, а Алексей Леонидович мучается, и надо им помочь.

– Как же им помочь? – спросила я.

– Придумай, – требовательно сказала Вера. – Ты теперь у писателей начальник. Ты ведь помнишь, что это я тебя начальником поставила?

– Конечно, – отвечаю я не задумываясь.

Эта чудная Вера! Моя родная Вера! Ангел мой Вера! Наверно, горького мы выпили с тобою гораздо больше, чем сладкого. Однако пили сами, никто не подавал. Но было это несколько позже, а тогда не менее пяти человек говорили мне, что сделали меня начальником в Союзе писателей. Я никому не возражала. Я только не могла понять, как помочь Алексею Леонидовичу. Он жил тогда уже в Екатеринбурге. Приезжая в Пермь, останавливался в своей квартире на улице 25-го Октября. Постоянно жила в этой квартире его племянница Олеся с мужем. Надо ли мне вмешиваться, если на мне всякие последствия дефолта, и взаимозачеты вместо денег на помещение Союза писателей, и в самом помещении дыра на улицу на три метра от пола до потолка?

Но Вера позвонила снова и обличила меня в бездействии. О том, как мы с Робертом Беловым печатавали ставшую «нехорошей» квартиру, – позже. Веру же я успокоила тем, что Алексей Леонидович уехал в Екатеринбург, Олеся – в Березники, а злодея милиция задержала за хулиганство.

Но Решетов скоро снова приехал в Пермь. Его беспокоило, что злодей вот-вот выйдет из заключения и снова начнёт терроризировать его племянницу.

– Помоги мне спасти её! – раз за разом восклицал он. – Я должен спасти её, но я не знаю, как. Помоги мне!

– Ну как я тебе помогу? – возмущенно отнекивалась я. – Она должна защитить себя сама. Вот где она? Я даже не знаю, хочет ли она того, чтобы мы её от него защищали. Почему я должна тебе верить? Ты сам-то уверен в этом?

– Я знаю, что её надо защитить, – был ответ. – Она в Березниках. Он выйдет и поедет к ней, и опять будет над ней издеваться. И покалечит её, и не только я, ты тоже будешь уже виновата, раз ты с нами связалась.

– Ни с кем я не связывалась. Меня Вера попросила. Мне Веру жалко, она о вас плачет, – оправдывалась я. – Ну как мы защитим твою Олеся? Разве его опять посадить в тюрьму?

– Вот-вот, посади! – по-детски обрадовался он. – Пусть посидит и узнает, как женщин обижать!

– Ты думаешь, я могу посадить человека в тюрьму или хотя бы знаю, как это делается? – изумилась я.

– Ты умная, – польстил он, понимая, что я сумею правильно оценить эту лесть. – Ты всё знаешь.

Пришлось мне проконсультроваться, как это делается – «посадить человека в тюрьму», и мы с Алексеем Леонидовичем отправились искать участкового инспектора. Было лето, и была жара. Участкового мы нашли не то в каком-то сарае, не то в не очень чистом частном доме. К маленькому, приставленному к затуманенному пылью низкому окну, столику мы и присели. Решетов – напротив участкового, очень простого мужичка лет сорока, которому я вкратце объяснила ситуацию, рассказав, какой важный и драгоценный для города Перми человек нуждается в его помощи. В эти дни я написала письмо и начальнику УВД А. Б. Каменеву, которого немного знала и который обещал помочь.

Вот и сидим втроём. Я – немного в стороне, с третьей стороны стола. Ответственностью момента и предстоящего ему задания участковый явно проникся. Он очень внимательно слушает. Алексей Леонидович излагает суть дела, как этот негодяй издевался над женщиной (главная картинка – как он ей на ноги ставит ножки табурета) и собакой (собаку звали Лорд, но я никогда не видела её, она убежала в самом начале горестных событий, и не помню, в чём заключались злодеяния негодяя в отношении Лорда).

Однако участковый начинает всё чаще вздыхать и наконец, прервав эмоциональную речь поэта, спрашивает:

– А чего вы от меня хотите?

Решетов в недоумении:

– Но он же издевается над женщиной! Она девочка совсем. Она доверчивая. Боится его. Он её запугал.

– А где она сейчас? – спрашивает участковый.

– Не знаю, – отвечает Решетов. – Наверно, в Березниках.

– Ну, и что я могу сделать? – недоумевает участковый.

Решетов недоумевает не меньше. Удивление, растерянность, крайнее беспокойство на его лице.

– Но он же... – снова начинает он.

– Подожди, Алексей Леонидович, – включаюсь я. – Ну, может, этого товарища как-то предупредить, изолировать, чтоб он не преследовал эту девочку.

– Для этого мне нужно заявление от неё, – говорит участковый. – Тогда я мог бы открыть дело.

– Только так? – уточняю я. – Без неё никак нельзя?

– Можно и без неё, – говорит милиционер. – Если заявление будет от этого гражданина – он кивает на Решетова, – что тот гражданин обижал и его.

– Так, – обрадовалась я выходу из тупика. – Тебя он оскорблял, Алексей Леонидович?

– Ну, не знаю, – растерялся Решетов.

– А что-то такое мне Вера говорила про какое-то ружьё? – вспомнила я.

– Да, – согласился Решетов. – Он наставлял на меня ружьё и говорил: я тебя убью.

– Вот! – облегчённо выдохнула я. – Об этом пусть и будет заявление.

Вспомнив яркую картинку, Решетов оживился. Он начал в деталях описывать завязку ситуации, месторасположение всех её участников, где находился в этот момент он сам, где Олеся, где злодей, а где собака Лорд. Он живописал выражение лиц, копировал их реплики, увлекаясь всё больше и больше.

– Пиши. – Видя, что терпение участкового инспектора почти на пределе, я подвинулась ближе к столу, ткнула указующим перстом в до сих пор пустой лист заявления и продиктовала. – Начальнику Ленинского....

И всё пошло поначалу гладко. Поэт писал. Мы с участковым помогали ему формулировать фразы в бюрократическом стиле. Однако на одной из них дело застопорилось.

– Под угрозой убийства, – произнёс участковый.

– Как это? – остановился Решетов. – Убить он меня не хотел. Он же просто шутил.

Наперебой с участковым начали мы уговаривать его написать только факты, без комментариев и предположений о добрых чувствах негодяя. Убеждали, что без этой жуткой фразы дела по заявлению возбудить невозможно. Бесплезно. Даже напоминание об истинной цели нашего теперешнего времяпровождения – защитить Олесю от негодяя – не действовало. На каждый наш довод поэт приводил уже знакомую наизусть не только мне, но и участковому очередную картинку его недавних семейных мытарств. Причём каждая из них с новым пересказом становилась всё более безобидной и больше похожей на невинное обоюдное развлечение. А прежде угольно-чёрный мех зачинщика и главно-

го исполнителя злодейств за несколько минут превратился в абсолютно белый и чуть ли не исполненный горнего сверкания.

– Мы вас попозже побеспокоим, – сказала я милиционеру, остановив эту забавную карусель.

И вот психологически до предела вымотанные (много позже я пойму, как трудно просто физически находиться в подобных заведениях), расстроенные неудачей, горестно и недолго стоим мы на углу двух литературных улиц – Горького и Пушкина.

– А твой Ваня очень хороший человек, – неожиданно говорит Решетов о моём младшем сыне-подростке, откуда-то зная, что лучшего утешения после неудачи его дела, чем похвалить одного из мой сыновей, для меня быть не может...

Анна ПОСТОЕВА

ЛЮБОВЬ МЕЖДУ МАМОЙ И РЕБЁНКОМ

Эссе

*«Уважайте... чистое, ясное, непорочное святое детство!
Любите своих детей так, как любят вас они...»*

Майкл Джексон

Появившись на свет, малыш нуждается в первостепенных и необходимых для жизни вещах: еде, питье и тепле. Но есть ещё один, поистине необходимый фактор жизни крохотного организма: родительская любовь и ласка. С первых минут жизни малыша мамочка, для коей он является желанным, становится для ребёночка самым верным другом, опорой и любимым человеком на всю жизнь. Ребёнок, отдавая маме всю свою любовь, надеется получить её в ответ. Так почему бы не любить детей просто так, ни за что, а потому что есть, что он ваш ребёнок, ведь каждый ребёнок мира, независимо от возраста, социального положения, места жительства, нуждается в любви и заботе, в родительском внимании и ласке. И нет ничего мудрее и сложнее материнской любви к своему чаду. Это самая нежная, скромная, красивая и самая незаменимая ромашка в пышном букете семейных отношений.

Конечно, любовь – это трудная работа, работа души, невидимая, ежесекундная и кропотливая. Безусловно, мамочки учат малыша всему, но порой забывают научить самому главному – умению любить, любить с самого рождения, не забывая об этом светлом чувстве ни на миг. Научить любви за партой невозможно. Дети должны видеть, что вы умеете любить и любите, отдаваясь эмоциям и чувствам всецело. Не нужно стесняться и забывать показывать своим детям любимые и дорогие семейные мелочи, которые напоминают о любви близких людей, их внимании и заботе. Когда ребёнок начинает сам постигать свои высоты, пусть даже самые маленькие (держать головку или ложку в ручке), он должен быть уверен, что за спиной у него не только мама с папой, но и их огромная вечная любовь.

Родительская любовь – это прочный фундамент под ногами ребёнка, это начало его длинной дороги под названием «жизнь». Если ребёнка

любят в детстве, он будет любим и после, но что самое важное, он сам будет способен любить и заботиться о дорогих сердцу людях. Ну а проявление заботы о других, в свою очередь, – высшая форма человеческого существования. Не стоит забывать, что, любя своих детей, вы учите их любить вас. А ведь взрослым порой так не хватает тепла. Может быть, его сумеют вам дать дети, которых вы научите любить.

А завтра?..

Утро. Магазин. Мадам Крампет уже в холле. Скоро десятки людей уже будут здесь. А я – у витрины. Зайти не могу, только лишь посмотреть, ведь надо бежать в школу, да и денег особо не водится. А что если бы их было много? Не знаю... Мне этого не узнать, по крайней мере, пока. Надо бы поторопиться – скоро звонок. Но почему-то не могу, не получается отойти и перестать глядеть на эту пухлую женщину в жёлтом сарафане, носящуюся по магазину, как муха в закрытой банке, которую я прихлопнул дня три назад. Пора бы эту муху выбросить, но... Стоп, неужели я убийца? Не знаю... Не хочу думать о плохом.

За ночь опять всё замело. Вокруг магазина тоже сугробы. Значит, дворник мистер Мигер уже здесь. Знаю, если сейчас же не уйду, опять надаёт оплеух. А вот и он! Ух, он сегодня злой! Присяду и спрячусь за большим сугробом, гляди, не заметит. Ой! Стукнулся головой о трубу. Только бы не услышали моего писка. Но мистера Мигера не проведёшь! Бегу, спотыкаюсь, падаю, поднимаюсь, а в голове одна лишь только мысль – когда у меня будет свой магазин, первым делом найду для него хорошего дворника и не буду разрешать ему лупасить маленьких детей. А от мистера Мигера мне попадает часто, однако я его не боюсь. Наверно, потому, что глаза у него добрые.

Что-то совсем грустно стало... Не пойду в школу, вернусь домой, там поймут. Дом... Пусть маленький и старый, но родной и любимый. В доме мама. Она у меня хорошая. Папа, как всегда, на работе. Его нет уже недели две. Так часто бывает. Телефонный звонок. Теперь всё ясно. В шахтах слишком опасно. Почему мама не плачет?! Больно. Не могу остановить рыданий. Это тяжело – осознавать, что мы с мамой теперь одни. Совсем одни в этом глухом и бренном мире.

Ирина КУДАШОВА

ЖЕНЩИНЫ МОЕЙ СЕМЬИ

Эссе

ЗВЁЗДЫ НАДЕЖДЫ

В майский, по-весеннему ясный и погожий день далёкого 1917 года родилась моя прабабушка Александра Макаровна Чувашова... Девочка пришла в мир, не подозревая, что она в этом мире не очень желанный гость – в бедной деревенской семье, где помимо новорождённой малышки подрастали дети, ещё одному ребёнку никто не радовался. Девочку назвали Александрой...

Саша, Сашка, Шурочка... Подрастала малышка, и в огромных голубых глазах искорки восторга и детского любопытства сменялись поволокой большого не детского горя. Слишком рано поняла Шура, что жизнь – не волшебная сказка. Она даже не знала, что существуют сказки. Рассказывать их было некому. И никто не целовал её на ночь, и не поправлял откинутое во сне одеяло...

Росла девочка... Рано научилась работать, ценить труд. В семь лет её отдали в няньки к богатым соседям. С тоской смотрела она на сверстников, которые, шлёпая по лужам босыми ногами, бежали в школу. Качала чужого ребёнка, а сама плакала. Солоновато-горькие слезинки текли по щекам, а вместе с ними навсегда уходило детство...

Тоненькая тростиночка – худенькая девочка-девушка с удивительно ясными синими глазами и длинной русой косой... От поклонников не было отбоя, только вот времени на них не оставалось. Окончив четыре класса школы, научившись читать и писать, Шура работала. А по вечерам, перешивая старенькие платица, грустила, глядя на ясные звёзды. Грустила, но продолжала надеяться, что где-то ищет и её счастье. Что было для неё счастьем? Семья, крепкая, дружная и много малышей. Она мечтала, что её дети будут слушать на ночь волшебные сказки, а она будет целовать их в мягкие кудряшки и поправлять откинутые во сне одеяла...

Шло время. В двадцать лет Шура вышла замуж, родился сын... Только жизнь не стала проще – в неё ворвалась война, которая разделила мир на «до» и «после». Шура проводила на фронт мужа, а первого сентября первого военного года родила девочек-близняшек Раису и Клавдию.

И война не оставила времени на волшебные сказки для них, а поправлять их одеяла и целовать спящих малышей порой не хватало сил...

Наверное, Бог любил Шуру, потому что посылал ей самые тяжёлые испытания: не прожив и года, умерла у неё на руках маленькая Клава, а за нею и первенец-сын. Мечта иметь большую семью разбилась на миллион осколков, а вместе с мечтой разбилось сердце, но надо было продолжать жить...

Отгремели салюты победы. В осиротевшем доме Шурочка плакала по ночам, смотрела на ясные звёзды и уже не верила, что счастье есть. Для неё это счастье, её счастье, скрылось в двух маленьких могильных холмиках, ставших её вечной болью.

Жизнь шла своим чередом, Шура работала. Она никогда не боялась труда, её любили, ценили и уважали: доказательство тому – многочисленные награды и грамоты, медаль «Труженику тыла»... Она всегда умела работать.

В её жизни было слишком мало внешнего счастья. Переломные годы, военное лихолетье, личные трагедии – и она почему-то очень любила смотреть на звёзды. Может, она о чём-то говорила с ними? А может, звёздами с неба смотрели на неё её малыши – её короткое, почти мимолётное счастье.

Вот уже два года, как моей бабушки Шуры нет с нами. Сколько я живу на свете, я помню её. Она всегда была рядом, её чуткие руки успокаивали любую боль. Она рассказывала мне волшебные сказки и ласково поправляла откинутое во сне одеяло... И глаза её были всегда ясными, как звёзды...

ИСКОРКИ ВЕРЫ

Хорошо это или плохо, что человек не знает, какая судьба ему уготована? Одна из дочек-двойняшек бабушки Шуры моей, Клава, умерла, а вторая, Раечка, осталась жить, чтоб стать потом моей мамой Раисой Ивановной Ждановой.

Война не слишком её коснулась. В маленькой вятской деревеньке не видели ужасов боя, только с самого детства знали, что хлеба почти нет. И нельзя просить кушать. Зато есть лебеда. Пусть она немножко горчит, но разве в детстве придаёшь этому значение...

Только в детстве самый пушистый снег, по которому можно бежать в стареньких поношенных валенках. Только в детстве самые красивые

колокольчики, которые можно срывать в букеты. Только в детстве искры костра самые горячие.

А как хотелось забраться на коленки к маме, прижаться к её груди и слушать ласковые песенки. Но это было возможно только во сне. Маме было слишком некогда. Ведь шла война. Хорошо, что рядом была старенькая бабушка. Она могла понять, пожалеть, простить. Сама ставшая потом бабушкой, Раиса помнит наставления и советы своей старенькой бабушки, которая говорила, что никому не дано испытать чужую боль, каждому суждена своя.

В послевоенные 50-е годы Раиса и приехала в только строящийся тогда городок Гремячинск. Как тогда было весело! Молодость не замечает невзгод. Танцы, прогулки по железной дороге – когда она по шпалам, а он рядом. Первые несмелые поцелуи, и кавалеры, кавалеры. Среди них и встретился тот единственный, самой судьбой предназначенный – Алексей.

После свадьбы – комната в бараке, где из мебели ничего, только старенькая кровать, даже ложек и чашек не было. Молодых это не пугало. Они умели работать. Раиса окончила училище и получила профессию продавца. Одна за другой родились три дочки – Галина, Марина и Ольга. Думать о бедах, как и о радостях, не хватало времени, нужно было поднимать детей. Просто жить. И они жили. Очень часто – рядом с безысходностью, которую приходилось прятать глубоко-глубоко: не хватало денег, не хватало денег, не хватало денег...

По вечерам Раиса закрывала глаза, по щекам её текли слезы усталости: не успела, не достала, не нашла. Иногда ей казалось, что сил не хватит. Но она смотрела на детей, своих девочек, и улыбалась.

Теперь она так же улыбается нам, своим внукам: немного устало, немного виновато и безгранично нежно... Искорки веры в лучшее по-прежнему светятся в её сердце, а сердце, как всегда, неустанно тревожится за нас.

РОССЫПИ ЛЮБВИ

Приближается Новый год. Вместе с ним – запах апельсинов и хвои, а ещё самый неповторимый запах маминых рук. Её запах... Я помню, как в детстве она обнимала нас с сестрёнкой и прижимала к груди. У неё были тёплые руки и холодные, только-только с мороза, щёки... Я

закрывала глаза, вдыхала её запах, такой родной и близкий, и ничего не боялась, зная, что она не позволит случиться беде...

В жаркий августовский день 1962 года появилась на свет моя мама Галина Алексеевна Деветьярова. Она была очень красивой девочкой и чувствовала себя хозяйкой в небольшой комнатёнке в деревянном бараке, принадлежавшем пожарной части, где работал тогда её отец, мой дедушка. Потом у неё появились сестрёнки, и право быть хозяйкой пришлось уступать. Им никогда не было скучно. Во дворе их потом уже большого деревянного дома жила собака. А ещё был небольшой сарайчик, где девочки оборудовали настоящий домик. От друзей не было отбою. Зимой и летом звучал в этом доме весёлый детский смех.

Девочки росли. Бегали на танцы в клуб, совсем близко, стоит лишь подняться на бугорок. Галину провожали кавалеры, шли самой длинной дорогой и ещё долго стояли у калитки. В мороз колготки примерзали к ногам, но разве это заметно, когда тебе восемнадцать?

А потом замужество, своя семья, дети – я и моя старшая сестра.

Маме не удалось пойти учиться, денег семье не хватало, подрастали младшие сёстры, но её руки всегда были золотыми. Ещё в школе она любила шить. Однажды соседка принесла ей кусок материала и попросила сшить платье. Галинка боялась: вдруг испорчу. Но ведь пообещала же. Платье она не испортила. И с тех пор шьёт. Работала на фабрике и на дому. Ей предлагали учиться, только опять не вышло – появились дети. Но её золотые руки знают многие в Гремячинске.

Иногда я закрываю глаза и вспоминаю мгновения своего детства. Новое платье. Залитое солнечным светом крыльцо. Костюм для куклы, сшитый на настоящей швейной машинке. Книга «Капитан Коко и зелёное стёклышко», которую мы все вместе читали на ночь. Ледяная горка во дворе. Чёрный хлеб, посыпанный крупной солью. Новые туфельки, которые так страшно замарать в первой весенней грязи. Взрывающиеся вверх качели. Взгляды, полные любви и нежности. Руки, добрые и знакомые.

Я помню так много и так мало. Я ничего не хочу менять! Рядом со мной самые мудрые, самые сильные, самые красивые, нежные, любимые женщины – три поколения женщин моей семьи. Им многое пришлось пройти, на их долю выпало немало испытаний. Но благодаря им я появилась на свет, я вступила в жизнь, я выросла! Все вместе мы частички огромного мира и частички друг друга. И это самое большое счастье, знать, что они есть на земле, что они рядом со мной.

Дина МАЛИНИНА

ВО ИМЯ ЛЮБВИ

Эссе

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. МАША

Одна моя подруга встречается с парнем уже шесть лет. Они познакомились лет в шестнадцать и с тех пор неразлучны. Те, кто знакомы с ними поверхностно, считают их идеальной парой. Но те, кто общаются с ними близко, знают, что за шесть лет на его счету три измены, которые она ему простила, еженедельные скандалы и ежедневное пиво. Это из минусов. Из плюсов: относительно стабильные долгие отношения, год совместной жизни (хотя я не уверена, что это плюс) и предложение руки и сердца. Я не фанат свадеб, но последнее радует меня по двум причинам: во-первых, было очевидно, что рано или поздно они поженятся, но я думала, что Ваня ещё долго на это не решится, а во-вторых, после этого предложения Маша месяц пребывала в эйфории, а все их друзья – в легком шоке. До этого предложения я много месяцев не видела счастья в её глазах.

С утра она училась, потом шла на работу, потом домой, чтоб приготовить ужин. На следующий день сначала на работу, потом в университет, потом снова ужин. Я не хочу спорить о плюсах и минусах совместной жизни, но, на мой взгляд, этот год её измотал. Огонёк в глазах скрылся за пеленой усталости. Да, она научилась печь вкусные пирожки. Но могут ли пирожки заменить то чувство влюблённости и лёгкости, которое было раньше? Когда отношения становятся бытовыми, люди привыкают жить вместе, тогда шампанское на лавочке, после которого следует предложение пожениться, – самый романтический поступок за последнее тысячелетие. И неужели это то, о чём мы все мечтали в детстве? Разве в сказках принц и принцесса ломают мебель во время ссор? Кто-то назовет это страстью, я же – неуважением к своему любимому человеку.

Бесспорно, любовь – великое чувство, которое способно на многое. Но разве способна любовь выжить там, где не осталось уважения друг к другу? Да, мы привыкаем к вредным привычкам наших «половинок», к плохому отношению с их стороны, многое из того, что мы не принимали ранее, становится для нас нормой. Но это не любовь уже, а привычка.

Привычка жить вместе, привычка к ссорам и скандалам, к одному человеку и, я думаю, страх круто изменить свою жизнь. Но по привычке не делают предложений! Согласитесь, по привычке можно жить вместе и быть относительно счастливыми. Но когда люди решают объединить свою судьбу официально, на это должны быть причины. И скорее всего, причина в том, что эти двое действительно любят друг друга. Но стоит ли терпеть плохое отношение к себе? Сколько негатива в свой адрес мы готовы выдержать во имя любви? Или наш мозг подсознательно перерабатывает плохое отношение от любимого человека во что-то приемлемое для нашего сознания? И тогда мы уже не настолько остро чувствуем проблему неуважения, а скандалы становятся развлечением, своеобразной разрядкой отношений, чтобы они не становились слишком скучными. Тут нельзя сказать, что кто-то один виноват. Ведь кто-то допускает плохое отношение, а кто-то не препятствует этому. Если и того и другого устраивает такая модель отношений, то, может, это не так уж и плохо? Может, у некоторых это не убивает любовь, а подпитывает её? Только я думаю, что каждая такая подпитка оставляет осадок в душе. В состоянии ли человек в мирное время забыть то, что происходило во время ссоры?

Все окружающие давно воспринимают описываемую мною пару как одно целое, несмотря на то что огромное количество ссор между ними было именно при друзьях. Особенно теперь, когда они обручились, уже невозможно представить их каждого в отдельности. И, может, не моё дело рассуждать, уважают они друг друга или нет, если их всё устраивает. Вот только хочется, чтоб в Машиных глазах снова появился огонёк.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. НАСТЯ

Настя встречалась с Тёмой год, а потом ещё год они пребывали в необъяснимых по своей структуре отношениях. Это выглядело примерно так: они то ссорились, то мирились, то ненавидели друг друга, то обожали. При этом они всем говорили, что парой не являются, но регулярно спали друг с другом. Так же регулярно они делали попытки окончательно разойтись, но заканчивалось это либо ссорой на пару недель, либо постелью.

Сначала я пыталась давать ей советы, потом сердилась, что она никак не может справиться со своими чувствами, потом решила, что разбираться она должна сама, а я её поддержу, что бы ни случилось. С этого

момента её личная жизнь предстала передо мной в образе бразильского сериала. Очередной её рассказ – новая серия. Удивительно, как долго люди могут любить и при этом причинять столько боли друг другу. Мне это всё напоминало эмоциональный мазохизм.

Я никак не могла понять, зачем нужно так себя мучить?! Я не думаю, что кто-то получает кайф от того, что постоянно слышит оскорбления в свой адрес. А частые ссоры наверняка плохо сказываются на нервах и здоровье. Никого не украсят заплаканные опухшие глаза, и никого не сделают счастливыми постоянные мысли об очередном скандале.

На чём же основано подобное терпение? Неужели не проще прекратить отношения, которые причиняют только боль? Что может держать нас рядом с человеком, который причиняет нам эту боль? Долго ли может прожить любовь, если её ежедневно подвергают испытаниям? К сожалению, здесь всегда будет больше вопросов, чем ответов, и каждый наверняка решит их для себя по-своему. Легко судить других, быть жёстким и решительным, утверждать, что никогда не станешь терпеть обиды и оскорбления, пока не полюбишь сам.

Кривая Настиных отношений показывала, что когда они ссорились – это было тяжело, обидно и больно, но когда чувства были на подъёме – это было прекрасно! Она была счастлива, даже зная, что это продлится недолго. Именно эти всплески не дают разрушиться всему окончательно. Короткие моменты счастья – вот что является основой этих странных отношений. Скучной такую жизнь назвать нельзя, но, согласитесь, это утомительно. Представьте, что вы год находитесь на земной орбите, но не можете вернуться на свою планету и улететь в другую галактику тоже не можете. Привязанность к одному (пусть любимому) мужчине, но невозможность быть с ним в нормальных отношениях изматывает. Он не подпускает к себе близко, но и отпустить совсем не в состоянии.

«Всё закончится в феврале», – сказала Насте подруга. Уже сентябрь... «Если ты уедешь в отпуск – это будет конец!» – сказал Артём в конце июля. Из отпуска она давно вернулась... Многие пытались дать прогноз этим странным чувствам – ни один не угадал. Да тут и не угадаешь и не вычислишь. Когда человек живёт эмоциями, а не головой, он способен нарушать все законы логики. И возможно, это самые счастливые люди. Они могут себе позволить не думать, а просто чувствовать. Быть вместе, когда хорошо, и ругаться, когда плохо.

Многие их знакомые уже давно не принимают всерьёз то, что происходит. Кто-то тихонько посмеивается за спиной, кто-то живо обсуждает (как правило, тоже за спиной), кто-то машет рукой и говорит: «Ну что там у них опять? Как обычно?» Ни Настю, ни Артёма уже давно не волнует мнение окружающих. В их отношениях существуют только они. Они не слушают советов, не дают никому решать за них. То, что между ними происходит, – это только для них. Конечно, иногда кто-то из друзей становится свидетелем не очень приятных сцен, но лишь свидетелем (хотя порой и поддержкой в трудную минуту). Это и смущает (на мой взгляд) большинство их друзей. Сами влюблённые непричастны.

Но стоят ли наши нервы, наше здоровье этих переживаний? На какие уступки перед собой мы готовы пойти во имя любви? Готовы ли отдать своё самолюбие, свою свободу в обмен на страсть, с которой порой не в состоянии совладать? Я думаю, у каждого своя грань, за которую он никогда не перейдёт. Но мой вам совет, не говорите никому: «Я ни за что не стала бы это терпеть!», пока не полюбите и пока вам самим не придется выбирать, на что вы готовы во имя любви.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. ДИНА

Моим подругам часто везёт в жизни, но редко к кому удача так благосклонна, как ко мне.

Он так обо мне заботится! Каждое утро отвозит на работу, а вечером забирает, сам готовит вкусный ужин, а по утрам приносит завтрак, прибирает в квартире и гуляет с собакой. Как хозяйка я его не интересую, и это меня вполне устраивает. А ещё он делает мне массаж, ездит со мной к маме.

Он ещё молод. Ему было тринадцать, когда мы познакомились, восемнадцать, когда начали встречаться, и, наконец, в девятнадцать я переехала к нему. Он не стал любить меня меньше, когда узнал, что я не умею включать стиральную машину, не расстроился, когда понял, что готовить я тоже не умею. Может быть, с возрастом он изменится, поймёт, что рядом должна быть мудрая и заботливая женщина, но пока ему рядом нужна красивая и весёлая.

Я как дорогой аксессуар – хорошо выгляжу (перед выходом он всегда лично оценивает, соответствует ли мой внешний вид мероприятию), могу поддержать беседу на любую тему, от выбора ткани для платья до

преимуществ бесконтактной мойки автомобилей, неприхотлива в еде (японская, европейская, кавказская, тайская кухни – ресторан на его выбор). Кто не захочет иметь рядом с собой такую девушку? Все знают, ему нравятся блондинки – у него белая Mazda, белая кошка и я.

Я очень капризная, временами вредная до невозможности, но порой мне кажется, что ему это нравится. Так же, как нравится убеждать меня, что я без него пропаду: ведь «ты же от голода тогда умрёшь, не будешь ведь на одних пельменях жить, хотя ты и их по инструкции варишь».

Нам хорошо вместе. Мы никогда не ругаемся из-за ерунды, не кричим друг на друга и не бьём посуду. Многие думают, что мы вообще не разговариваем, но это не так, мы просто уважаем личное пространство друг друга, и если он хочет смотреть кино, я не буду мешать и возьму книгу. Нам интересно вместе, несмотря на то что мы очень разные. Он научился у меня грамотной речи, я у него – законам аэродинамики. Я не люблю его друга, и тот приходит, пока я на работе. Ему нравится моя подруга, мы часто ходим куда-нибудь втроём, или он встречается с ней днём. С ней ему тоже интересно, у неё есть машина, о которой можно поговорить. Я не ревную – она слишком эмоциональная, его это не привлекает.

Так проходит день за днём, месяц за месяцем. Идеальная пара, идеальные отношения. Только иногда становится безумно скучно от того, что знаешь человека наизусть, от того, что можешь закончить любую его фразу, от того, что знаешь ответ на заданный ему вопрос. А иногда становится страшно от того, что можешь рассказать, как вы проведёте вечер, с точностью до минут. И вот в такие моменты я задумываюсь: неужели это всё? Так и пройдёт остаток моей счастливой благополучной состоявшейся жизни? Если я так хотела стабильности, то почему сейчас хочу спонтанности? Если я так хотела заботы о себе, то почему сейчас хочу веселья? Я имею всё, что хотела, но порой безумно хочу всё это бросить и сбежать на какой-нибудь остров! Но в то же время я понимаю, что на этом острове должен быть хотя бы пятизвёздочный отель...

Валентина МЕЗИНА

КАК БОЛЬНО!

Монолог берёзки

Рассыпалась соловьиная трель... Проснулся наш Соловушка, приветствует этот мир, радуется солнцу. Призывает и нас душой откликнуться на красоту, среди которой мы живём. Ишь, старается:

– Трели-трели-трюля-ля!

Самой подхватить хочется этот мотив. Хорошо-то как! Солнышко пригревает, надо бы подтянуться к нему, приоткрыться ласковым лучикам, наполниться их теплом. О, Кукушка уже старается, кому-то года считает. Застучал наш лесной барабанщик Дятел. Небось опять нахлобучил свой кокетливый красный берет. Воображает, но работу свою знает, молодец. Ну, вот и зажжужжали Шмели, проснулись Комары и Мухи, запорхали красавицы Бабочки, всё суетятся, соперничают друг с другом по своей неповторимости и привлекательности. Сойки на орешник уселись, орешков захотелось им, да потрещать – посплетничать с вездесущими Сороками. О чём это они говорят? А, услышала-услышала: это они обсуждают историю, написанную Николаем Ивановичем Сладковым.

...«Спросили однажды сороку: – Сорока, Сорока, ты любишь природу?»

– А как же, – затарахтела Сорока, – да я без леса не могу: солнце, простор, свобода!

Спросили Волка:

– А ты, Волк, природу любишь?

– Откуда я знаю, – проворчал Волк, – я о том не гадал и не думал.

Поймали тогда охотники Сороку и Волка, посадили в клетку. Поддержали в клетке и спрашивают:

– Ну, как, Сорока, жить?

– Да ничего, – отвечает Сорока, – жить можно – подкармливают.

Хотели охотники и Волка спросить, да глянь, а Волк-то издох! Не знал Волк, любит ли он природу, он просто не мог без неё жить...»

Да, печальная история, но поучительная. Как-то даже взгрустнулось. Но что это? Что за звуки необычные наполняют лес? Что за шум? Кто это? По-моему, люди... Точно, люди. Это дети, подростки. Поня-я-ятно,

в лес пришли, отдохнуть, как говорится, на лоне природы. Ну что ж, мы всегда рады гостям. Добро пожаловать!

Смешно наблюдать, как эти мальчишки и девчонки неловко пытаются разжечь костёр. Ой, уже не смешно! Они не выкопали ямку, не расчистили от травы место под огонь! Какая жуткая музыка доносится из их магнитофона! Неужели дети испытывают удовольствие от грохочущих звуков, оглушающе и одуряюще действующих на всё живое? Вон от этой какофонии торопится спрятаться любитель тишины и спокойствия, наш добрый Уж. Белка, хоть и высоко сидит, но тоже скорей перебирается подальше отсюда...

Кажется, эти двое идут ко мне... Точно. Зачем? Мальчишка! Мне же больно! Что ты делаешь? Как же больно... Ножом, острым ножом режет моё тело! Какое-то имя написал. Имя той девчонки, что стоит рядом и улыбается во весь рот, заливается от смеха над какой-то пошлой шуткой своего друга. Как ты можешь смеяться, когда другому плохо, когда другому больно? Сломали ветку, пошли. Бьют этой веткой по папоротнику, срезают головки цветов, разогнали птиц. Весело ребятам. Кривляются, вычурно изгибаясь в танце, делая какие-то уродливые движения в такт бессмысленно орущим звукам магнитофона, смеясь во всё горло друг над другом. Ломают ветки деревьев, бросают их в огонь, пьют некрасиво, прямо из горлышка бутылки, едят какие-то «чипсы», плюются тут же, где и сидят...

Как же больно... Рана сочится... Мой тонкий стан обезображен чудовищным шрамом, след от которого останется навсегда. А я так хотела быть любимой, желанной и красивой для моего единственного. Для него, для красавца Клёна, он сейчас тоже страдает, не в силах мне ничем помочь. Моё белое платье изрезано, шёлковые косы-ветви, которые ласково расчёсывал ветер, обломаны. А ведь меня считают символом могучей необъятной России. Но почему же люди так жестоки? Что происходит в мире?

...Куда вы? Дети! Не уходите! Костёр ведь не потушили! Остановитесь! Вернитесь! Оглянитесь! Оглянитесь... Оглянитесь... Осколки стекла от разбитых бутылок, оставленные вами, поранят и лапку зайчишки, и лапу медведя! Осколок стекла может стать причиной пожара! Приберите пластик, куски полиэтиленовых пакетов, которые принесут несчастье лесным обитателям! Не будьте дикарями, вы же – ЛЮДИ!

Ой, как больно... Что такое?.. Огонь! Огонь из не потушенного костра по траве добрался до моих корней, до ствола... Но я же так молода! Я не хочу сгорать в этом пламени, которое оставили после себя эти невежественные, бездушные существа, живущие одним днём! Помогите же хоть кто-нибудь! Как больно...

Елизавета МУТЫХЛЯЕВА, Анастасия СЫСЮК

СКАЗКА О РОЖДЕНИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Эссе

Жил-был мужик по имени Урал с женой своей, матушкой Пармой. И росли у них два сына-погодка, одного звали Пермьяк Солёные Уши, другого – Коми-Пермьяк. Семья была крепкая, дружная.

Жили они в добротной избе, которую построили своими руками из вековых брёвен. Не забыли по обычаю положить медные деньги под матицу – «чтобы богато жилось». Вырыли глубокий колодец, посадили под окном черёмуху¹, огородили двор тыном.

А вокруг дремучий лес, богатый речками и озёрами, на воды которых опускались отдохнуть дикие гуси и утки, курлыкали в небе стаи лебедей.

Хозяиничали в лесу и бурый мерин², и волк с лисой, а трусишка-заяц прятался за кустом. Юркая векша³ прыгала с ветки на ветку, искал тёплого места скромный полоз⁴.

Коми-Пермьяк, искренний и мягкий душой, чутко прислушивался к шелесту листьев и трав, забавному бормотанию ручейка, пению птиц. А старший брат, высокий и могучий в плечах, помогал отцу добывать соль, носил тяжёлые мешки. Из-за этого у него уши всегда были посыпаны солью, отчего и получил он такое прозвище – Солёные Уши.

Братья были трудолюбивые, всегда старались пособить⁵ родителям. Из леса приносили пестери⁶, полные грибов-ягод, рубили лутошки⁷, драли из них лыко, чтобы зимой лапти плести. Ловили на речке чебаков⁸, щук. Собирали кедровые орешки.

А матушка из лесной ягоды, брусники да клюквы готовила напитки. Перемальывала черёмуху, начиняла ею пироги, пекла шаньги, угощала блинами и оладьями с мёдом, стряпали все вместе пельмени.

Так они и жили. Пришло время братьям жениться, да вот незадача: приглянулась им обоим красавица Кама. Повздорили братья, решили жить отдельно. А гордая и величавая Кама улыбнулась Коми-Пермьяку и открыла ему своё сердце.

Ушёл Пермяк Солёные Уши на юг, брат остался на севере. Но вскоре и Пермяк Солёные уши встретил свою суженую, нежную спокойную Судинку. Баская⁹ она была, полюбили они друг друга.

Поняли братья, что делить им больше нечего, и помирились. Вернулись в родительский дом и закатили на радостях пир горой. Да такой, что земля показалась раем. С тех пор и Пермь, и Юрла, и Кунгур, и Чусовой зовутся у нас Пермским краем!

1. Черёмуха – символ покоя и здоровья российской деревни
2. Бурый мерин – медведь
3. Векша – белка
4. Полоз – уж
5. Пособить – помочь
6. Пестерь – лукошко
7. Лутошки – молодые липки, из лыка которых плели лапти
8. Чебаки – рыба
9. Баская – красивая

Авторы альманаха:

БУТКО Дмитрий Александрович, артист Госцирка, живёт в городе Березники

ГАРЯЕВА Галина Игоревна, врач-невролог городской детской больницы города Соликамска

ГРИНКЕВИЧ Мария, школьница из села Завод-Кын Лысьвенского района Пермского края

ГУМЕРОВА Наталия Евгеньевна, инженер-проектировщик из города Перми

ЖУРОВА Елена Николаевна, заведующая читальным залом Горнозаводской центральной межпоселенческой библиотеки

ЗИРИНА София Александровна, пенсионерка из города Березники

ИБРАГИМОВА Карина Рашитовна, ученица 11»Б» класса школы № 7 города Перми

КИЯШКО Ирина Валентиновна, главный редактор Соликамской телекомпании «Феникс»

КОЧЕТКОВ Сергей Сергеевич, живёт в городе Березники

КУДАШОВА Ирина Александровна, специалист по работе с детьми и подростками, инструктор по спорту Дворца культуры города Гремячинска

ЛИС Ирина, школьница из города Березники

ЛУК Луиза Викторовна, менеджер из города Перми

МАЙОРОВ Владимир Аркадьевич, журналист из города Добрянки

МАЛИНИНА Дина Александровна, студентка филологического факультета Пермского государственного университета

МАРИНОВА Галина Афанасьевна, пенсионерка из города Березники

МЕЗИНА Валентина Борисовна, ученица 8 класса Судинской средней общеобразовательной школы Уинского района Пермского края

МУТЫХЛЯЕВА Елизавета, ученица 11 класса Судинской средней общеобразовательной школы Уинского района Пермского края

ОЛЮНИН Леонид Павлович, руководитель Соликамского городского литературно-поэтического клуба «Лира»

ПЕТРАНЦОВА Ксения Олеговна, ученица 9 класса гимназии № 5 города Перми

ПЕТРОВА Анастасия Викторовна, домохозяйка из города Перми

ПЕШИНА Калиса Сергеевна, ученица 11 класса из села Лобаново Пермского района Пермского края.

ПОСТОЕВА Анна Сергеевна, школьница из города Перми

ПОЧУЙКО Надежда Владимировна, менеджер из города Добрянки

СМИРНОВ Юрий Никтополионович, рабочий-строитель из города Березники

СОКОЛОВА Татьяна Фёдоровна, писатель-прозаик (СПР), директор АНО «Пермский литературный центр»

СТЕПАНОВА Юлия Юрьевна, ученица школы № 2 города Перми

СУББОТИНА Антонида Николаевна, учитель географии из деревни Ярино Карагайского района Пермского края

СЫСЮК Анастасия, ученица 11 класса Судинской средней общеобразовательной школы Уинского района Пермского края

ЦЕНЁВ Дмитрий Александрович, писатель-прозаик, эссеист, поэт, композитор, живёт в городе Березники

ШАЛИМОВА Марианна, студентка Пермского государственного педагогического университета

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна СОКОЛОВА.
ЕДИНСТВО В СВОБОДЕ ПО ЗАКОНУ ЛЮБВИ.....3

ПОЭЗИЯ

Марианна ШАЛИМОВА. СВЕТЛЫЙ АНГЕЛ.....7
Анастасия ПЕТРОВА. Я ВЗРОСЛЕЮ.....8
Наталья ГУМЕРОВА. СУДЬБА.....11
Карина ИБРАГИМОВА. НАМ МОЛОДОСТЬ ИМЯ.....13
Ксения ПЕТРАНЦОВА. ТЕАТР.....16
Луиза ЛУК. Я ВЫТКАЛА ЛОТОС.....17
Галина ГАРЯЕВА. ЛЕТАТЬ УМЕЮ.....18
Елена ЖУРОВА. УТРО.....24
Ирина КИЯШКО. ДЕРЕВЯННЫЕ СОЛДАТЫ.....25
Сергей КОЧЕТКОВ. МАЛЕНЬКИЙ СКВЕР.....28
Владимир МАЙОРОВ. ОЖИДАНИЕ.....29
Галина МАРИНОВА. ИЮНЬ.....30
Надежда ПОЧУЙКО. РАЗВЕДИ НАС, БЕЛАЯ БЕРЕЗА.....32
София ЗИРИНА. ИРИШКИНЫ ЧУДЕСА.....33
Леонид ОЛЮНИН. ЧЕТВЕРОСТИШИЯ.....34
Антонида СУББОТИНА. СУЕТА СУЕТ.....35
Юрий СМИРНОВ. ДОВЕРИМСЯ НАДЕЖДЕ.....37
Дмитрий Бутко. НАВЬ.....39

ПРОЗА

Калиса ПЕШНИНА. ИЮЛЬ 1841 г. Рассказ.....43
Марианна ШАЛИМОВА. ФАРМАГОРИЯ. Отрывок из романа.....49
Дмитрий ЦЕНЁВ.
СТРАСТИ ПО БАНАНОВЫМ СЕМЕЧКАМ. Фрагмент повести.....54
София ЗИРИНА. СКЛАДНОЙ НОЖИК. Рассказ.....92
Ирина ЛИС.
ПЕРО ЧЁРНОГО ЛЕБЕДЯ. Сказка для почти взрослых детей.....100
Мария ГРИНКЕВИЧ. ВСТРЕЧА. Рассказ.....104
Юлия СТЕПАНОВА. ЗАМЕТКИ ИЗ ДНЕВНИКА. Новеллы.....106

ПУБЛИЦИСТИКА. КРИТИКА. ЭССЕ

Татьяна СОКОЛОВА. РЕШЕТОВ. Фрагмент книги «Графареты любви»....	115
Анна ПОСТОЕВА. ЛЮБОВЬ МЕЖДУ МАМОЙ И РЕБЁНКОМ. Эссе....	123
Ирина КУДАШОВА. ЖЕНЩИНЫ МОЕЙ СЕМЬИ. Эссе.....	125
Дина МАЛИНИНА. ВО ИМЯ ЛЮБВИ. Эссе.....	129
Валентина МЕЗИНА. КАК БОЛЬНО. Монолог берёзки.....	134
Елизавета МУТЫХЛЯЕВА, Анастасия СЫСЮК. СКАЗКА О РОЖДЕНИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ.....	137
Авторы альманаха.....	139

Литературно-художественное издание

АЛЬМАНАХ

РЕШЕТОВСКИЕ ВСТРЕЧИ

№ 2

Составление и редактирование Т. Соколова
Компьютерная вёрстка и дизайн Г. Дроздов
Корректурa В. Шилова

Редакционная коллегия благодарит за организационное содействие в
подготовке альманаха Литературную студию «Тропа»
и Судинскую среднюю общеобразовательную школу
Уинского района Пермского края

«Решетовские встречи» (Виртуальная литературная студия)

Ты пишешь стихи или прозу? Тебе нравится выражать свои мысли и чувства необычными словами? Твои сюжеты приходят к тебе во сне, и ты хочешь с помощью обычных слов материализовать увиденное тобой и неизвестное другим чудо?

Тогда тебе обязательно будут интересны «Решетовские встречи»!

Так называется литературный фестиваль, который с 1999 года проходит в городе Березники Пермского края. В этом городе известного русского поэта Алексея Решетова живёт необычайно много поэтов. Но ещё больше их приезжает каждый год, в апреле, в день рождения поэта, на «Решетовские встречи». Они читают друг другу и всем желающим свои стихи, занимаются в мастер-классах и литературных студиях, просто бродят по городу любимого поэта, сказавшего однажды: «Возьми немного света моего».

Теперь не только им, но и тебе, чтобы попасть на «Решетовские встречи», не обязательно ждать апреля!

Ты хочешь, чтобы твои стихи (и прозу, конечно, и эссе) прочитал тот, кто знает толк в этом деле? А ещё лучше – написал бы пару строк, что же у тебя вышло?

Тогда не теряй времени и отправь на адрес permliter12@rambler.ru письмо с заявкой (образец ниже) и своё произведение (прикреплённым файлом) размером до 10 тыс. знаков прозы или до 150 стихотворных строк. Ты обязательно получишь в ответ отзыв (мини-рецензию) профессионального поэта или прозаика.

И это ещё не всё. Твоя заявка будет учтена при формировании команды участников фестиваля следующего года. Твоё произведение может быть опубликовано в Интернете и печатной версии альманаха «Решетовские встречи». А его лауреаты автоматически позиционируются как соискатели Литературной премии им. А. Решетова администрации г. Березники.

При этом гарантируется конфиденциальность переписки (твой текст без твоего разрешения никому, кроме эксперта, известен не будет). Но текст обязательно должен быть твоим. Его проверка в Advego Plagiatus и EtxtAntiPlagiat также гарантирована. Не рассматриваются лишь тексты с ненормативной лексикой.

Не опоздай! Предложение, как иногда говорят в лучших домах, ограничено!

Заявка (образец)

1. ФИО (по желанию, можно и псевдоним)
2. Возраст (конечно, условный, литературе, как и любви, все возрасты покорны, но предпочтительнее от 14 до 35 лет)
3. Профессия (школьник, студент, врач, менеджер, инженер и т. д. – лишь бы не писатель – почему, объясним позже)
4. Место жительства (регион, город, селение и т. д. – лучше в реале, вдруг мимо проезжать будем)
5. Телефон (домашний, мобильный и пр. – на всякий случай, вдруг Паутина забарахлит)
6. Адрес почтового ящика (для ответа и удобства обработки информации)
7. Текст (прикреплённым файлом) до 10 тыс. знаков с пробелами прозы или 150 стихотворных строк
8. Есть ли ранее опубликованные произведения и где (книги, подборки в журналах, на сайтах и т. п.)?
9. Откуда пришла информация (Интернет, школа и т. д.)?

Реализацию проекта осуществляет АНО «Пермский литературный центр» при поддержке администрации г. Березники. Партнёры проекта: МБУК «Централизованная библиотечная система» г. Березники и МБУК «Централизованная библиотечная система» г. Перми, Юношеская библиотека.